

Министерство культуры
Хабаровского края

Хабаровский научный
центр ДВО РАН

Дальневосточная
государственная
научная библиотека

научно-практический журнал

2(10)/ 2011

Состав Редакционного совета

Минакир Павел Александрович

председатель
(Институт экономических исследований
ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович

сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич

(Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Букреев Александр Иванович

(г. Санкт-Петербург)

Гринкруг Лев Соломонович

(Дальневосточная государственная
социально-гуманитарная академия)

Иванченко Сергей Николаевич

(Тихоокеанский государственный
университет)

Качанова Елена Юрьевна

(Хабаровский государственный институт
искусств и культуры)

Климов Сергей Михайлович

(Межрегиональная общественная
организация «Общество «Знание»,
Санкт-Петербургский институт
внешнеэкономических связей,
экономики и права)

Костенко Михаил Иванович

(Дальневосточный государственный
гуманитарный университет)

Кудашов Виктор Николаевич

(Хабаровский институт инфокоммуникаций,
филиал Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и
информатики)

Кузьмин Алексей Сергеевич

(Национальный Университет —
Высшая Школа Управления, г. Москва)

Лихобабин Владимир Алексеевич

(Хабаровская государственная академия
экономики и права)

Точка зрения

С.Н. Скоринов

Модернизация образовательного процесса: прорыв к новому качеству подготовки специалистов

Накануне Дня знаний, 31 августа 2011 года в Хабаровском государственном институте искусств и культуры прошла августовская конференция научно-педагогических работников, сотрудников и студентов. На конференции с докладом «Модернизация образовательного процесса: прорыв к новому качеству подготовки специалистов» выступил ректор института, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор Сергей Нестерович Скоринов. На её основе автором написана одноимённая статья, которая публикуется в этом выпуске журнала.

6

Актуальная проблема

Е.Ю. Качанова

Подготовка специалистов для библиотечно-информационных учреждений Хабаровского края: состояние, проблемы, перспективы

В публикации рассматриваются проблемы, связанные с высшим библиотечным образованием в Дальневосточном федеральном округе. Затрагиваются вопросы специфики подготовки, новые модели подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы.

13

Социокультурная реальность

Л.В. Корнева

Музей как культурно-образовательный центр и инструмент социальной адаптации

Статья посвящена просветительной и образовательной деятельности дальневосточных музеев в формате исторического развития региона. Автор анализирует опыт участия дальневосточных музеев в историческом образовании школьников и студентов, в формировании их интереса к культурным ценностям коренных народов Приамурья, развитие различных видов музейных коммуникаций, способствующих формированию регионального самосознания, воспитанию патриотизма, гражданской ответственности и политической культуры.

18

Историописание

О.Ю. Тарасов

Психология первопроходца: в поисках «Русского Эльдорадо»

Краткий исторический экскурс в историю освоения Дальнего Востока и анализ отдельных сторон русской экспансии.

.....26

А.В. Алепко

Хабаровский кадетский корпус: страницы истории

В статье рассматриваются историко-культурные аспекты, связанные с деятельностью Хабаровского кадетского корпуса. Обобщены малоизвестные факты, касающиеся реликвий корпуса и сведений об офицерском преподавательском составе военно-учебного заведения.

.....34

Диалог культур и этносов

Е.В. Глебова

Становление этнографических исследований коренных народов на Дальнем Востоке России в XVIII — начале XX века

Изучение коренных народов, компактно проживающих на Дальнем Востоке России, всегда имело важное стратегическое значение для Российского государства и укрепления его восточных рубежей. Этот процесс начался ещё в XVII веке, однако его основательное развитие происходило со второй половины XIX века.

.....40

Художественная сфера

Г.А. Печорин

Джазовая культура Дальневосточного региона: проблемы и перспективы развития

Зарождение дальневосточного джаза, его успехи и достижения с 1968 года до наших дней.

.....54

Мальшев Владимир Сергеевич

(Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. Герасимова)

Островский Александр Борисович

(Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург)

Разлогов Кирилл Эмильевич

(Российский институт культурологии, г. Москва)

Солонин Юрий Никифорович

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Флиер Андрей Яковлевич

(Высшая школа культурологии Московского государственного университета культуры и искусств, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна

(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич

(Государственный арктический институт искусств и культуры Республики Саха (Якутия), г. Якутск)

Шумейко Александр Александрович

(Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре)

Состав Редакционной коллегии

Главный редактор:

Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора:

Филаткина Ирина Викторовна
Бляхер Леонид Ефимович

Руководители направлений:

Байков Николай Михайлович
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Актуальная проблема, Точка зрения)

Кузнецова Алла Геннадьевна
Городилова Людмила Михайловна
(Социокультурная реальность, Кафедра,
Персоналии)

Дубинина Нина Ивановна
Романова Виктория Валентиновна
(Историописание, Наследие)

Шевкомуд Игорь Яковлевич
Рубан Николай Иванович
(Артефакт)

Гонтмахер Петр Яковлевич
(Диалог культур и этносов)

Бузюев Олег Александрович
(Художественная сфера)

Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

Г.С. Мишуров

Полистилистика в народно-инструментальной музыке

В статье рассматриваются проблемы развития полистилистики в процессе создания современного репертуара в народно-инструментальной музыке.

.....**58**

В.А. Шишкина

Воспоминания о художниках-педагогах хабаровского худграфа

Статья посвящена художникам, которые не только много работали творчески, но и годами совмещали это с нелёгким трудом педагога на художественно-графическом факультете Хабаровского государственного педагогического института.

.....**64**

П.Л. Фефилов

Два века художников Дальнего Востока (XVIII — начало XX века)

Развитие изобразительного искусства на Дальнем Востоке России в контексте общеисторических процессов, происходивших в стране. Исследование охватывает конкретный период: XVIII — начало XX века.

.....**75**

Филология

Е.В. Савелова

Миф в смысловом пространстве культуры: семиотический аспект

Культуру можно представить как систему мифологических структур различного назначения и уровня функционирования, начиная от простейших мифологем в сферах повседневности и заканчивая целыми сферами, определяющими потребности общества.

.....**87**

Н.В. Москвитина

Современное состояние речи на Дальнем Востоке и проблемы коррекции говорного произношения

Анализ изменения эталонного литературного произношения в современных условиях, проблемы речи на Дальнем Востоке.

.....**98**

Содержание

В.И. Девятко

**Интерпретация словесного образа стихотворения Б. Пастернака
«Петухи»**

*Представлен опыт толкования словесных образов, выявления «вторичных»
смысловых эффектов в стихотворении Бориса Пастернака «Петухи».*

*Это стихотворение предлагалось для чтения иностранным студентам, обуча-
ющимся русскому языку.*

.....104

Библиография

Т.В. Кирпиченко

Великие проекты великой России

.....109

А. Морозова

Древнее ремесло и его метаморфозы

.....115

В потоке Времени

.....119

Требования к оформлению материалов,
поступающих в редакцию

.....121

Предпечатная подготовка

**Редакционно-издательский отдел
ДВГНБ**

Дизайн:

А.М. Тен, А.В. Мартынец

Верстка

А.В. Мартынец

Выпускающий редактор

Е.В. Глебова

Журнал зарегистрирован

в Управлении Федеральной службы по
надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия по Дальневосточному
федеральному округу.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС 150636 от 29.11. 2007

Учредители:

Министерство культуры Хабаровского края,

Хабаровский научный центр ДВО РАН,

Дальневосточная государственная научная
библиотека

Адрес редакции

680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72.

Тел/факс: (42-12) 32-52-90.

Email: ivfilat@mail.ru; rnaumova@mail.ru

Скоринов Сергей Нестерович,
ректор Хабаровского
государственного института
искусств и культуры, доктор
культурологии, кандидат
исторических наук, профессор

Модернизация образовательного процесса: прорыв к новому качеству подготовки специалистов

Накануне Дня знаний, 31 августа 2011 года в Хабаровском государственном институте искусств и культуры прошла августовская конференция научно-педагогических работников, сотрудников и студентов. На конференции с докладом «Модернизация образовательного процесса: прорыв к новому качеству подготовки специалистов» выступил ректор института, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор С.Н. Скоринов. На её основе автором написана одноимённая статья, которая публикуется в этом выпуске журнала.

В своей статье хотелось бы кратко подвести итоги прошедшего учебного года и предложить новую программу действий, способствующую модернизации образовательного процесса в институте, целью которой является переход на новые образовательные программы третьего поколения и новый программно-целевой принцип организации деятельности и её финансирования.

Как известно, 2010-2011 учебный год был объявлен нами переходным к новым условиям деятельности. Что удалось сделать?

Во-первых, были залицензированы семь новых образовательных направлений: пять по бакалавриату: «Педагогическое образование» по профилю «Музыкальное образование», «Прикладная информатика», «Вокальное искусство» по профилям «академическое пение» и «эстрадно-джазовое пение», «Музеология и охрана объектов культурного и природно-

го наследия», «Хореографическое искусство», два по магистратуре «Культурология», «Библиотечно-информационная деятельность». В разработке данных программ активное участие принимали кафедры хореографии и физического воспитания, теории и истории культуры, книговедения и библиотечно-информационной деятельности, теории, истории музыки и инструментального исполнительства, учебно-методическое управление, библиотека. Таким образом, количество групп направлений подготовки, осуществляемых в институте, увеличилось с двух до четырёх. Новыми из них для нас стали группы направлений подготовки «Образование и педагогика», «Информатика и вычислительная техника».

Во-вторых, значимым событием стало проведение при поддержке Министерства культуры России и министерства культуры края Всероссийской научно-практической конференции «Состояние и проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства Дальнего Востока», в рамках которой состоялись региональное совещание с руководителями органов управления культуры субъектов федерации Дальнего Востока с участием руководителей Министерства культуры России, администрации Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, организационное заседание координационного совета руководителей средних профессиональных образовательных учреждений Дальневосточного федерального округа, торжественный концерт и другие мероприятия. Успешное проведение данного масштабного мероприятия показывает, что наш коллектив способен реализовывать различной сложности программы.

В-третьих, в прошлом году был получен первый результат в деятельности аспирантуры по специальности «Библиотечная информационная деятельность», возглавляемой заведующей кафедрой, доктором педагогических наук, профессором Еленой Юрьевной Качановой. Под её руководством в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и ис-

кусств состоялась успешная защита кандидатской диссертации Ирины Владимировны Борис. Начала свою деятельность аспирантура по специальности теория и история культуры. Сегодня в ней занимается 2 аспиранта и 5 соискателей кандидатской степени.

В-четвёртых, преподавателями нашего института продолжилась работа по грифования учебных пособий. Гриф Дальневосточного регионального учебно-методического центра был присвоен учебным пособиям Натальи Леонидовны Бенеш, Веры Степановны Головановой, Валерии Сергеевны Захарченко, Татьяны Владимировны Лесковой. Вообще сегодня лидером в грифовании учебных пособий является кафедра теории, истории музыки и исполнительского искусства, обладающая тремя такими пособиями.

В-пятых, прошедший год можно назвать творческим прорывом наших художественных коллективов на республиканский уровень. Женский вокальный ансамбль «Ноктюрн», под руководством молодого педагога Степаненко Александры Андреевны, занял второе место в номинации «вокальные ансамбли» на Первом Всероссийском открытом фестивале-конкурсе «Культурная перспектива» в городе Санкт-Петербурге. Студенческий спектакль «Маленький принц», подготовленный при непосредственном участии Краевого объединения детских театров и его художественного руководителя, выпускника нашего вуза Константина Николаевича Кучикина, был успешно представлен на Третьем молодёжном фестивале «Будущее театральной России — 2011» в городе Ярославле. При активной поддержке нашего информационно-продюсерского центра авторская работа, видеоролик «Нить», студента 5 курса Сергея Яковлева заняла первое место на Всероссийском конкурсе социальной рекламы «Новый взгляд» в номинации «Дорогой добрых дел». В мае два студента нашего института Вера Горовая и Антон Ананьин приняли участие в работе мастер-классов, посетили гала-концерт выпускников творческих вузов России в городе Москве.

В-шестых, с приходом на работу Л. В. Стоякиной дальнейшее развитие получило послевузовское образование. В прошлом учебном году проведено на достаточно высоком организационном уровне 6 курсов повышения квалификации руководителей народного хора, оркестров народных инструментов, хореографических и театральных коллективов, режиссёров театрализованных представлений и праздников, библиотечных работников с участием главного хормейстера Всероссийского государственного российского Дома народного творчества, художественного руководителя детского художественного ансамбля «Звонница», профессора кафедры русского народно-певческого искусства Московского государственного университета культуры и искусств Петра Алексеевича Сорокина, лауреата I Всероссийского конкурса исполнителей народной песни имени Л. Руслановой, обладателя гран-при III Всероссийского конкурса исполнителей народной песни Н. Плевичкой, художественного руководителя фольклорного ансамбля «Добро» (г. Самара) Натальи Владимировны Бекметовой, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, заведующего кафедрой оркестрового дирижирования Челябинской государственной академии культуры и искусств, профессора Владимира Ивановича Лавришина, профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств Александра Ивановича Березина, главного балетмейстера Свердловского театра драмы, преподавателя современного танца Екатеринбургского государственного театрального института Ашота Назаретовича Назаретяна.

Общее количество обучившихся на этих курсах — 231 специалист из муниципальных районов Республики Саха (Якутия), Хабаровского, Приморского, Камчатского краёв, Амурской, Сахалинской, Магаданской, Еврейской автономной областей, что больше предыдущего учебного года на 33 процента. Доход от реализации курсов составил 826 тысяч рублей, что выше показателя прошлого учебного года на 32 процента.

В прошлом учебном году 33 работника института повысили свою квалификацию в городах Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке и при нашем институте. За счёт внебюджетных средств института обучаются в магистратуре Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств двое преподавателей кафедры хореографии Елена Васильевна Верхолат, Анна Викторовна Тышова. В целом институтом на эти цели израсходовано более 680 тысяч рублей, что больше предыдущего года на 30 процентов.

В-седьмых, институт стал активнее предлагать свои услуги и в творческой деятельности. В прошлом году кафедрой режиссуры театрализованных представлений и праздников, её преподавателями Мариной Геннадьевной Черкашиной, Аллой Сергеевной Сторчилой, Людмилой Ивановной Вербицкой, Вадимом Владимировичем Паршуковым, Татьяной Ивановной Паршуковой, на договорной основе проведены мероприятия, посвящённые 75-летию Индустриального района, новогодние представления. От проведения этих мероприятий в кассу института поступило более 340 тысяч рублей.

В-восьмых, в деятельности института появились новые формы работы. По решению учёного совета создан возглавляемый Валерием Ивановичем Киселёвым центр образовательных и информационных технологий, который ведёт работу по организации в институте дистанционной формы обучения; при кафедре филологии, педагогики и психологии действует психолого-педагогическая служба, оказывающая необходимую помощь в трудных жизненных ситуациях студентам и работникам.

Яркое впечатление у любителей народной музыки оставил проведённый на основе самокупаемости концерт сводного оркестра народных инструментов, который стал возможным благодаря творческому сотрудничеству нашего института с краевым колледжем искусств и филармонией. Особой благодарности за его проведение заслуживает заведующая кафедрой оркестрового дирижирования, народных,

эстрадных и духовых инструментов Нина Филипповна Семёнова.

С первого сентября нового учебного года начнёт свою работу институтское телевидение, в создании которого принимали участие информационно-продюсерский и технический центры. Мы надеемся, что к работе телевидения будут активно привлечены студенты.

В целом 2010–2011 учебный год отличался стабильностью в финансировании, успешностью проводимых основных учебных, научных и творческих мероприятий, государственных экзаменационных испытаний, проходил в атмосфере взаимопонимания и бесконфликтности.

С целью подготовки к новому учебному году в главном корпусе завершён монтаж пластиковых окон, отремонтированы учебные аудитории 02, 03, 124, 126, 138, 205, кабинеты учебно-методического управления, психолого-педагогической службы, кафедр режиссуры, актёрского мастерства и сценической речи, социально-культурной деятельности, хореографии и физического воспитания, нотной библиотеки, восстановлена система видеонаблюдения; в общежитии отремонтированы все кухонные помещения, здравпункт, завершается работа по душевым. В актовом зале института, в 101 и 111 учебных аудиториях частично смонтирована новая светозвуковая аппаратура, приобретены дополнительно 14 компьютеров и два ноутбука. В ближайшее время в рамках целевой программы «Культура России 2011 года» мы получим концертный рояль и два фортепиано.

Происходящие изменения в образовательной и финансово-экономической деятельности требуют, во-первых, осознать, что эти изменения коснутся каждого из нас, вне зависимости от занимаемой нами должности, во-вторых, необходимо принять их как неизбежность, в-третьих, разработать и осуществить конкретные действия, способствующие не только адаптации, но и развитию нашего коллектива в новых условиях.

При разработке данных действий необходимо учитывать ряд факторов, которые будут существенно усугублять наше положение.

К ним следуют отнести общие для всей страны факторы.

Первый: демографический спад, который будет продолжаться вплоть до 2020 года, что порождает жёсткую конкуренцию среди вузов и сузов, в том числе и внутриведомственных, а также неизбежное сокращение внебюджетных студентов, так как преобладающее большинство абитуриентов сориентировано на поступление на бесплатные бюджетные места, и как следствие вышеуказанного, сокращение численности преподавателей. Сравните: в этом году в Хабаровском крае 1 сентября за парты в выпускных классах сядут более 7 тысяч учащихся, а в первых классах — более 15000. В одном из последних более благополучном 2008 году на внебюджет очной формы обучения поступило 28 студентов и слушателей, а сегодня зачислено всего 4. Если нам всем вместе ничего не предпринимать, то падение контингента обучающихся и состава преподавателей продолжится до 2015 года. Основной пик падения придётся на 2015 год, когда из стен института сразу будет выпущен набор специалистов 2010 года и бакалавров нынешнего года. После этого контингент стабилизируется в своём минимальном значении до 400 студентов, приведённых к очной форме обучения, а преподавательский состав до 60 штатных единиц. Для сравнения: у нас сегодня контингент студентов составляет 565 человек, а профессорско-преподавательский состав насчитывает 104 штатные единицы.

Второй: низкая отраслевая, как в культуре, так и образовании заработная плата, необеспеченность жильём, отсутствие и других социальных гарантий создаёт практически бесконкурсную ситуацию набора, отток молодёжи из отраслевых профессий, недостаточную закрепляемость выпускников. По этой причине у института нет возможности пригласить ведущих специалистов и выпускников вузов из других регионов России на преподавательскую работу, что усугубляет ситуацию, с одной стороны, по введению новых направлений подготовки, а, с другой, по омоложению кадров.

Третий: наличие миграционных настроений у населения, в том числе у молодёжи. В последние два года наблюдается отток дальневосточных абитуриентов не только в центральные российские, но и в зарубежные вузы. Ещё надо учитывать и тот факт, что большинство выпускников очной формы обучения из сельских или северных территорий Дальнего Востока остаются в краевых и областных центрах, а те, кто уехал за его пределы, в том числе и за рубеж, не возвращаются на родину.

С учётом этих двух причин, а именно: низкая заработная плата, миграционные настроения, надо прогнозировать в ближайшее время ещё большее обострение кадровой проблемы в отрасли, что, с одной стороны, говорит о востребованности нашего института, а, с другой, предъявляет особые требования к взаимодействию между нами и органам управления культуры муниципальных образований и субъектов федерации Дальневосточного федерального округа. Причём более действенным должно стать наше сотрудничество с муниципальными образованиями и их учреждениями культуры.

Четвёртый: введение единого государственного экзамена и новых правил приёма, с одной стороны, расширили возможности абитуриентов в выборе места учёбы вплоть до центральных вузов, усилив, тем самым, миграцию молодёжи, а, с другой стороны, создало непреодолимые барьеры для поступления в вуз ребятам, творчески одарённым, но не очень способным в предмете литература.

Пятый: исключение ранее реализуемых образовательных программ по народному художественному творчеству из стандартов третьего поколения стало причиной того, что в 2011 году кафедры оркестрового дирижирования, народных, эстрадных и духовых инструментов, хорового дирижирования и народного хорового искусства прекратили набор студентов по квалификациям «художественный руководитель музыкально-инструментального коллектива», «художественный руководитель вокально-хорового коллектива». Примечательно, что уже с этого года в вузах культуры и искусства стра-

ны доля бюджетных мест образовательных программ сферы искусства значительно выросла. Так, в нашем институте на очной форме обучения количество бюджетных мест по образовательным программам сферы искусства по направлениям подготовки «Музыкально-инструментальное искусство», «Вокальное искусство», «Актёрское искусство» увеличилось с 15 до 42 процентов.

В нынешних условиях главным критерием оценки деятельности института становятся качество и эффективность его деятельности, которая измеряется качеством набора, организацией учебно-воспитательного, творческого, научного процесса, практики студентов, закрепляемостью выпускников в отрасли. Как вы все понимаете, каждый из перечисленных мною элементов тесно взаимосвязаны друг с другом, зависимы друг от друга и могут рассматриваться только в синкретическом единстве.

Определяющим звеном в реализации качества и эффективности образовательной деятельности должна стать кафедра. Новый учебный год в институте объявляется годом кафедры. Нам предстоит изучить эффективность и качество работы каждой кафедры, пересмотреть всю нормативную базу, регламентирующую деятельность кафедры, с целью её активизации.

Начнём с организации набора. Среди вузов с 2009 года он превратился в «битву» за студента. Несмотря на то, что количество бюджетных мест в этом году сократилось на очную форму обучения на 15, на заочную форму обучения на 14 человек, набор, особенно на дневную форму обучения, проходил в напряжённой обстановке. Успешной можно назвать работу только одной кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, чья целенаправленная профориентационная деятельность, а также высокий профессиональный уровень и заслуженный авторитет её преподавателей в регионе увенчалась высоким конкурсом — 3 человека на одно бюджетное место. Другие кафедры довольствовались практически бесконкурсным набором. Итоги набора должны быть

предметом рассмотрения на кафедрах, советах факультета и института.

Главной целью этих рассмотрений должны стать действенные меры по организации профориентационной работы, повышения качества своей образовательной деятельности, устранению самоизоляции и повышения своего имиджа в регионе. Нам необходимо понять, что борьба за приём 2012 года уже начинается сегодня. Выпускающим кафедрам в срок до 15 октября предстоит определить персонально руководителя курса и консультанта реализуемых образовательных программ. В срок до 15 ноября текущего года советам факультетов совместно с приёмной комиссией с привлечением выпускников, работодателей провести общественную экспертизу данных кандидатур для подготовки приказа об их назначении. Именно они совместно с заведующим кафедрой будут нести персональную ответственность за организацию набора, а в последствии и за качество обучения.

Кроме этого, учебно-методическому управлению и юридическому отделу института необходимо в срок до 1 октября подготовить локальные нормативные акты, определяющие статусы руководителя курса и консультанта образовательной программы, меры их материального стимулирования.

Качественная и эффективная организация учебного процесса требует планомерной и целенаправленной деятельности кафедр, деканатов факультетов, учебно-методического управления, библиотеки, технического центра и практически всех других служб института. Руководителем и координатором данной работы выступает проректор по учебной, научной и международной деятельности.

Для нового учебного года определим следующие главные задачи.

Во-первых, внедрение новых образовательных программ бакалавриата. Для чего необходимо уточнить учебные планы по уже реализуемым образовательным программам, подготовить лицензионные документы по следующим направлениям подготовки: по бака-

лавриату «Музыкально-инструментальное искусство (по профилям: оркестровые народные инструменты, инструменты эстрадного оркестра)», «Дирижирование (по профилю: дирижирование народным хором», «Искусство народного пения», «Документоведение и архивоведение», по магистратуре «Народная художественная культура».

Во-вторых, формирование печатных, электронных и информационных ресурсов по реализуемым образовательным программам стандартов третьего поколения. Для того чтобы соответствовать новым аккредитационным требованиям, в институте должны быть созданы электронные библиотечные системы, содержащие основную и дополнительную учебную и научную литературу, официальные, справочно-библиографические и специализированные периодические, а также обеспечивающие доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

В-третьих, активизация работы по внедрению в учебный процесс дистанционных средств обучения, начатой более года тому назад по решению учёного совета.

В-четвёртых, повышение трудовой дисциплины, строгого выполнения внутреннего распорядка, чёткого выполнения режима работы всех структурных подразделений института, включая деканаты и кафедры.

В целом, каждый из преподавателей должен осознать, что в современных условиях возрастает его роль как организатора обучения.

Оценивая сегодня состояние дел по организации нашей научной и творческой деятельности необходимо самокритично признать, что, не смотря на отдельные отмеченные нами прорывы, в целом мы не удовлетворены ею. Она в большинстве случаев носит стихийный характер, совершенно не вписывается в новые экономические условия, носит явно затратный характер. Нам необходимо переводить нашу творческую и научную деятельность на принцип самокупаемости. Перед нами стоит задача организовать систему предпри-

нимательской деятельности с широким использованием творческого потенциала преподавателей, студентов и наших выпускников. Результатом этой работы должно стать предоставление населению, организациям, муниципальным образованиям услуг в сфере культуры и искусства.

Одним из важных аккредитационных показателей любого вуза — востребованность его выпускников. По этому показателю мы самый успешный вуз. Наши выпускники востребованы в отрасли и не только в ней. Но, к сожалению, основной проблемой остаётся отраслевая закрепляемость наших выпускников. Конечно, здесь многое зависит от наших партнёров-работодателей. Мы надеемся, что ими в ближайшее время будут решаться вопросы увеличения заработной платы, предоставления жилья, открытия новых рабочих мест, имеется в виду создание новых профессиональных музыкальных коллективов, что позволит нам развивать консерваторские программы.

Теперь несколько слов о переходе с 1 января 2012 года на новый программно-целевой принцип организации деятельности и финансирования учреждений. Для нашего института он будет реализован в субсидиарной форме финансирования на выполнение государственного заказа. С его введением прекращается ныне действующий подход бюджетного финансирования учреждений только за факт их существования, вне зависимости от результатов их де-

ятельности. Утверждённое в 2012 году нашим учредителем — Минкультуры России государственное задание будет являться обязательным для выполнения. Его не выполнение повлечёт за собою сокращение финансирования с вытекающими из этого для всех нас последствиями.

Все мероприятия, перечисленные выше, должны подготовить коллектив к новым условиям финансирования, потому что главной целью их реализации станет взаимная ответственность каждого преподавателя, кафедр и других структур института за конечный результат — выпуск квалифицированного специалиста, востребованного, прежде всего, в отрасли.

В завершении хотелось бы подчеркнуть важность осуществления модернизации образовательного процесса в институте. Представленные конкретные меры потребуют от всего коллектива института значительных интеллектуальных, творческих и волевых усилий. Особый пример в их реализации должен показывать наш руководящий состав: ректор, проректоры, деканы, заведующие кафедрами, руководители наших структурных подразделений.

Время не ждёт, изменения уже наступили, необходимо осуществить срочные конкретные дела с целью адаптации к новым условиям. Уверен в том, что наш коллектив способен преодолеть все трудности, и сделать всё для того, чтобы институт стал успешной образовательной организацией.

Актуальная проблема

Качанова Елена Юрьевна,
заведующий кафедрой Книговедения
и библиотечно-информационной
деятельности Хабаровского
государственного института
искусств и культуры, доктор
педагогических наук, профессор

Подготовка специалистов для библиотечно- информационных учреждений Хабаровского края: состояние, проблемы, перспективы

В публикации рассматриваются проблемы, связанные с высшим библиотечным образованием в Дальневосточном федеральном округе. Затрагиваются вопросы специфики подготовки, новые модели подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы.

Библиотеки призваны обеспечивать доступ различных категорий населения к разнообразным источникам информации. Этой деятельностью они способствуют развитию образования, науки, культуры, личностному и интеллектуальному росту населения. В этом заключается их роль в социально-экономическом развитии территорий нашей страны.

Качество деятельности библиотек зависит от многих факторов, в том числе от достаточности и продуктивности кадровых ресурсов, профессионального развития и образовательного уровня сотрудников библиотек.

Отрасль культуры нашей страны располагает собственными отраслевыми учебными заведениями. В России 56 вузов культуры, из них 44 являются федеральными государственными учреждениями высшего профессионального образования (ФГОУ ВПО) и 12 местного ведения (областного и краевого подчинения).

Таблица 1

№	Наименование областей, краёв	Количество студентов	%
1	Хабаровский край	117	60,6
2	Камчатский край	22	11,4
3	Приморский край	18	9,3
4	ЕАО	13	6,7
5	Сахалинская область	12	6,2
6	Амурская область	5	2,5
7	Чукотка	4	2
8	Саха Якутия	1	0,5
9	Другие территории страны	2	1
Всего		193	100

В настоящее время, специалисты с высшим библиотечным образованием, в целом по Дальневосточному федеральному округу (ДФО), составляют лишь одну четвёртую часть от общего количества сотрудников библиотек. Однако, в каждом крае/области ситуация различна. Наиболее качественный кадровый состав, по сравнению с другими субъектами региона, характерен для библиотек Хабаровского края и Республики Саха (Якутия), благодаря наличию на их территории профильного учреждения высшего профессионального образования: Хабаровского государственного института искусств и культуры (ХГИИК) в Хабаровске и Арктического государственного института искусств и культуры (АГИКИ) в Якутске.

Несмотря на свою «федеральность», каждый вуз преимущественно обучает население той территории, где расположен. Попытаемся это доказать, рассмотрев специфику подготовки и состав студентов библиотечно-информационной специальности ФГОУ ВПО ХГИИК.

На 01.11.2010 года в вузе обучалось 193 студента библиотечно-информационной специальности. Из них — 47 (24,4%) по очной (ОФО) и 146 (75,6%) по заочной (ЗФО) формам обучения. Почти три года назад (на 01.01.2008) число студентов составляло 230 человек. В том числе студентов ОФО — 81 человек (35,2%), ЗФО — 149 (64,7%). Очевидно что в настоящий момент состав студентов уменьшился на 37

человек. Падение численности студентов было вызвано рядом причин:

- ухудшением демографической ситуации, обусловленной резким снижением количества населения в регионе;
- ежегодным снижением числа выпускников школ и объёмов набора абитуриентов;
- изменением правил (не менее 15 человек в группе) и порядка приёма абитуриентов на основе не распространённых в школах региона ЕГЭ по литературе, истории и русскому языку;
- низкой доходностью профессии, с заработной платой специалиста (в среднем не превышающей 5–10 тысяч рублей в месяц);
- отсутствием в регионе высокотехнологичных и модернизированных библиотечно-информационных учреждений, выступающих образцами внедрения новейших информационных технологий в области поиска, доступа и обработки данных и привлекающих молодёжь, в качестве потенциального места работы.

Все перечисленные факторы не только влияют на численность студентов нашего вуза, но и являются симптомами нарастающего кризиса в библиотечном деле на Дальнем Востоке и требуют незамедлительных организационных мер по поддержке отрасли и совершенствованию региональной культурной политики.

ХГИИК — федеральный вуз и в нём обучаются представители различных территорий ДВФО. Из девяти субъектов округа в составе

Таблица 2

№	Субъекты Хабаровского края	Количество студентов				%	Целевое направление
		ОФО	ЗФО	Ц	Всего		
1	Хабаровск	16	52		68	58	
2	Амурский район	2	6	2	8	6,8	Борзых А. А. (346), Киле И. В. (255-у)
3	Хабаровский район	3	4	1	7	6	Федорков С. Н. (546)
4	Вяземский район		6		6	5	
5	Комсомольский район	-	5	1	5	4,2	Листратенко Е. В. (255-у)
6	Район им. Лазо	2	3	1	5	4,2	Тхакумашева Ж. Г. (551)
7	Нанайский район	2	2	4	4	3,4	Зарубина Е. В (341), Степанова А. В. (441), Шляга М. В. (441), Ташлыцкий А. В. (546).
8	Солнечный район	1	2	1	3	2,5	Шейка И. Б. (252)
9	Николаевский район		3	2	3	2,5	Войко М. А. (441), Сороколат Н. Н. (255-у),
10	Верхнебуреинский район		3	1	3	2,5	Кравченко Ж. А (252)
11	Ульчский район		2	1	2	1,7	Парамонова Т. В. (441),
12	Комсомольск на Амуре	-	1		1	0,8	
12	Ванинский район		1		1	0,8	
13	Ванинский район		1	1	1	0,8	Баркова Э.252
14	Охотский район		1		1	0,8	
15	Бикинский район		1		1	0,8	
Итого		26	91	16	117	100	

студентов библиотечно-информационной специальности сегодня нет только представителей Магаданской области.

В структуре контингента представители восьми субъектов ДВФО: Хабаровского (60,6%), Камчатского (11,4%), Приморского (9%) краёв, Еврейской автономной области (ЕАО — 6,7%), Сахалинской (6,2%), Амурской (2,5%) областей, Чукотского автономного округа (2%) и Республики Саха (Якутия) (0,5%).

Действительно, большинство студентов это представители Хабаровского края (из 193 (100%) — 117 человек (60,6%). Другие территории в структуре контингента выражены не равномерно (см. таблицу 1.)

Территориальные образования края также выражены по-разному. Наибольшее количество — это студенты из Хабаровска (58%). Раз-

личные административные районы края представлены минимально. В составе студентов есть представители Амурского (7%), Хабаровского (6%), Вяземского (5%), Комсомольского (4,2%), Лазо (4,2%), Нанайского (3,4%) и других районов. В целом, количественный состав студентов из административных районов Хабаровского края представлен в таблице 2.

Особое значение для обеспеченности края специалистами имеет целевая подготовка. Это способ демонстрации потребности отрасли территории в кадровых ресурсах для библиотек. Однако, ситуация явно не отражает потребности края.

Сегодня в вузе по библиотечно-информационной специальности обучается всего 16 «целевиков» (13%) из Хабаровского края. Это представители 10 муниципальных territori-

альных образований. Наиболее ярко в структуре контингента представлен Нанайский район (из четырёх студентов — 4 «целевика»). По два студента из Амурского и Николаевского районов, по одному из Хабаровского, Комсомольского, Солнечного, Верхнебуреинского, Ульчского, Ванинского районов и района им. Лазо. Представителей других муниципальных территорий края в структуре контингента студентов «целевиков» библиотечно-информационной специальности — нет. Свидетельствует ли это о том, что в этих субъектах края нет потребности в квалифицированных библиотечных специалистах, или больше о том, что кадровому вопросу библиотек не предаётся должного внимания?

Справедливости ради нужно сказать, что на первом курсе многие «целевики» не выдерживают испытания первой сессией. Они не ходят на занятия, уровень их общеобразовательной подготовки слишком слабый, он им позволил поступить в вуз на льготных условиях, но не дал возможности удержаться в числе студентов. Видимо территории края не ведут целенаправленную работу по формированию кадровых ресурсов отрасли, не учитывают возможности целевой подготовки специалистов. Возможно, при поддержке Министерства культуры края мы бы могли исправить ситуацию, усилить контроль над целевой подготовкой студентов по специальности 071201 «Библиотечно-информационная деятельность», увеличить количество студентов по целевым направлениям.

В ближайшее время ФГОУ ВПО «ХГИИК» переходит на новые модели подготовки специалистов библиотечно-информационной сферы, адекватной требованиям Болонского процесса. Уже разработаны учебные программы для подготовки бакалавров и магистров как библиотечно-информационной направленности, так и по направлению «Прикладная информатика», что, как нам представляется, даст возможность «оживить» набор и привлечь в вуз новых абитуриентов.

В настоящее время обучение студентов осуществляется по действующим образова-

тельным стандартам по специальности «библиотечно-информационная деятельность» 2 поколения, с присвоением квалификаций:

- Референт-аналитик информационных ресурсов (специализация «Информационно-аналитическая деятельность») (21 студент — ОФО и 69 — ЗФО);
- Менеджер информационных ресурсов (специализация — «Управление библиотечно-информационной деятельностью») (42 студента — ЗФО);
- Технолог АИР (специализация — «Автоматизация БИД») (24 студента по ОФО и 11 по ЗФО).

Одним из удачных образовательных форматов для выпускников библиотечных отделений колледжей (училищ) культуры является подготовка по ускоренной программе (за 3,5 года) обучения. Он применяется с 1990 года.

Сегодня в ХГИИК по ЗФО обучается 42 и по ОФО — пять таких студентов (4 — на пятом и 1- на четвёртом курсе). В новом учебном году планируется увеличить численность студентов «ускоренников» по ОФО из числа выпускников колледжей региона 2011 года, уже есть заявления от потенциальных студентов. Однако представителей Хабаровского края в этом списке нет.

В условиях постоянного уменьшения притока в библиотеки молодых специалистов, острой нехватки и высокой текучести библиотечных кадров необходима разработка и осуществление региональной кадровой библиотечной политики.

Как показывает опыт, эту проблему можно решить, если обучение библиотечных кадров будет оплачиваться местными органами власти, вкладывающими средства в целевую подготовку специалистов на конкретные рабочие места, имеющиеся в государственных библиотеках своего региона (по такой системе у нас обучается 4 представителя Чукотки).

Для привлечения молодых людей в отрасль необходимы интенсивные меры по закреплению библиотечных кадров в муниципальных учреждениях культуры (МУК). В центральных

территориях России применяются различные меры: выплаты пособий при поступлении на работу, доплаты к должному окладу в течение 3-х лет с момента поступления на работу в МУК, выплаты дополнительной стипендии студентам «целевикам», решение жилищных вопросов. Все эти меры направлены на повышение престижа и социального статуса представителя библиотечной профессии, сотрудника МУК.

Особое значение имеет активизация целевой подготовки кадров. На региональном уровне необходимо оценить содержание и эффективность работы муниципальных образований по решению кадровых проблем территорий, использованию целевой подготовки, привлечению финансовых средств. В вузах местного ведения проблема набора абитуриентов не стоит, так как решается силами муниципальных образований, которые, исходя из потребности учреждений, направляют своих представителей для обучения в институт, широко используя целевую подготовку. Региональные управления культуры могут взять под контроль целевой заказ на подготовку в вузе библиотечных специалистов на конкретные рабочие места.

В связи с модернизацией системы подготовки кадров и перспективой открытия в вузе бакалавриата и магистратуры библиотечно-информационной направленности, необходимо предусмотреть также наличие госзаказа на заочную магистратуру, позволяющую директорскому корпусу библиотек края повышать уровень своей квалификации. Такой формат профессионального развития руководителей позволяет за короткий срок актуализировать или получить библиотечное образование, иметь перспективу дальнейшего профессионального роста.

В нашем крае важно продолжить работу по интеграционному взаимодействию вуза и библиотек по использованию интеллектуальных, информационных, материальных ресурсов в создании системы непрерывного библиотечного образования. Эта работа совместно осуществляется и имеет определённые результаты. Уже 7 лет совместно с МК И ДВГНБ мы проводим региональную научно-практическую

конференцию «Развитие библиотечно-информационного пространства и высшее библиотечное образование». Совместно с КНОТОК проводятся выездные и стационарные семинары-тренинги по различным вопросам инновационного развития библиотек края. За последние два года мы выезжали в Николаевский, Нанайский, Бикинский, Ванинский, Комсомольский, Амурский и Солнечный районы. Однако участие специалистов в программах повышения квалификации должно быть мотивировано и отражаться на статусе сотрудника и его продвижении. А принципы оплаты труда предоставлять возможность руководителям стимулировать работу инициативных сотрудников, активно внедряющих современные библиотечные инновации, осваивающих создание интеллектуально ёмких библиотечных продуктов и услуг.

На базе вуза мы планируем активизировать переподготовку тех сотрудников библиотек, которые имеют высшее, но непрофильное образование. Особое внимание будем уделять молодым сотрудникам библиотек. Они должны почувствовать себя основным кадровым ресурсом библиотек, определяющим вектор инновационного развития библиотечно-информационных учреждений региона. В апреле 2011 была организована научно-практическая конференция «Молодые в библиотечном деле Дальнего Востока», включающая традиционную «Ярмарку выпускника ХГИИК 2011 года», которую проводим ежегодно, а также выступления молодых (до 40 лет) представителей библиотек Дальнего Востока с сообщениями об удачных инновационных проектах, содействующих развитию и модернизации библиотек региона. Перед началом конференции состоялись семинары-тренинги по использованию мировых информационных ресурсов для совершенствования деятельности современной библиотеки. Надеюсь, в сотрудничестве с министерством Хабаровского края и при поддержке своих коллег — сотрудников ведущих библиотечно-информационных учреждений региона мы сможем исправить сложившуюся ситуацию с кадровыми ресурсами отрасли.

Корнева Лариса Владимировна, проректор по учебной, научной и международной деятельности, доцент кафедры теории и истории культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры, кандидат исторических наук

Музей как культурно-образовательный центр и инструмент социальной адаптации

Статья посвящена просветительной и образовательной деятельности дальневосточных музеев в формате исторического развития региона. Автор анализирует опыт участия дальневосточных музеев в историческом образовании школьников и студентов, в формировании их интереса к культурным ценностям коренных народов Приамурья, развитие различных видов музейных коммуникаций, способствующих формированию регионального самосознания, воспитанию патриотизма, гражданственности и политической культуры.

Первые музеи российского Дальнего Востока, созданные при научных обществах, сначала играли в системе отдела и отделений ИРГО важную роль своеобразных хранилищ и лабораторий для исследователей края. Они были доступны лишь ограниченному кругу посетителей. Однако со временем «кунсткамерное» удовлетворение человеческого любопытства к диковинным предметам сменилось желанием познать окружающий человека мир, его разнообразие. К 80–90-м годам XIX века на территории Дальнего Востока России была сформирована основная сеть комплексных (краеведческих) музеев, в состав которой вошло восемь музеев. Музеи, открывшиеся в Нерчинске (1886), Владивостоке (1890), Благовещенске (1891), Хабаровске (1894), Кяхте (1894), Чите (1895), Александровске-на-Сахалине (1896), Петропавловске-Камчатском (1910) заявили о себе как о существенном факторе общественного развития, средстве

сохранения историко-культурного наследия, без которых уже не мыслилось развитие науки, культуры, просвещения (1).

Если степень изученности территории европейской России в исследуемый период позволяла открывать там при специализированных научных обществах профильные музеи — исторические, археологические, этнографические и другие, то на Дальнем Востоке России, где процессы освоения и изучения шли параллельно, ведущим типом стал музей местного края (комплексный). Эти музеи были представлены отделами, отражавшими природу, экономику и культуру молодого осваиваемого края и сопредельных территорий. К 1917 году сеть музеев распространилась на все областные и ряд уездных городов российского Дальнего Востока: в крае функционировало восемь музеев, составивших девятую часть от общего числа местных музеев комплексного типа, действовавших в это время в России. По численности музеев и богатству их коллекций российский Дальний Восток не уступал многим центральным регионам (2).

Спецификой музейного дела Дальнего Востока России было использование музеев в целях оказания практической помощи переселенцам в хозяйственном освоении края, ведении научно-просветительной и образовательной работы среди населения. Из учреждений, занимавшихся сначала собиранием предметов и образцов, учётом и хранением экспонатов, музеи постепенно превратились в организации, смысл деятельности которых состоял в передаче исторической, научной и культурной информации (3). К началу XX века музеи Приамурского края, в которых уже было собрано немало разнообразных коллекций, имели такую возможность. Они начали шире применяться как культурно-образовательные центры. Изучение опыта экспозиционной деятельности, разносторонней культурно-просветительной работы музеев, их роли в историческом просвещении и образовании даёт возможность объективно оценить действия музейных деятелей российского Дальнего

Востока, творчески применить его сегодня. Использование собранного в музеях материала в образовательных и воспитательных целях привлекло к организации и деятельности в них местную интеллигенцию, особенно учительство. Преподаватели народных и городских училищ, гимназий и прогимназий Приамурского края рассматривали музеи как научные и культурно-просветительные учреждения, несущие знания о вновь присоединённых территориях в народные массы, воспитывающие у учащихся любовь к родине, влияющие на развитие местной экономики.

По принятым уставам дореволюционных музеев местного края, в круг их деятельности входило распространение экономических, географических и исторических знаний, ознакомление населения с памятниками истории и культуры, организация публичных лекций и бесед, временных и постоянных выставок, научно-образовательных экскурсий по достопримечательным местам края и т. д. (4).

Видный музейный деятель, учёный и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев стоял у истоков организации последовательного изучения региона в начале XX века. Он ставил качество работы с посетителями, их историческое просвещение и образование в прямую зависимость от уровня научного описания музейных предметов, целостности и научности экспозиции. Во второй период работы В. К. Арсеньева в Хабаровском музее (1924–1926) с целью лучшего усвоения исторического материала в экспозициях появились развёрнутые пояснительные тексты, плакаты, схемы, карты, модели рисунки и фотографии. Именно он, пожалуй, больше, чем его славные предшественники, уделял внимание развитию музейно-экскурсионной деятельности, понимал специфику музейной экскурсии в естественноисторическом музее (5).

Однако, к концу 1920-х годов XX века музеи, как и другие учреждения культуры, всё чаще начинают рассматриваться как «проводники политического просвещения», «политико-просветительные комбинаты», «мощное

орудие политической и просветительной работы». Произошла замена просветительной модели музея на политизированную.

Учитывая популярность музеев среди населения как средства досуга и одновременно формы получения новых знаний, агитпропотдел Далькрайкома ВКП (б) выдвинул идею превращения музейных учреждений в мощное идеологическое оружие, в своего рода политический инструмент, с помощью которого можно быстро перестроить мировоззрение людей.

Так, на заседании Учёного совета Владивостокского государственного музея 30 января 1929 года было утверждено положение о Владивостокском музее, где было высказано мнение о том, что музей «не есть собрание редкостей, он является пропагандистской школой для широких масс» (6). Тем не менее, следует отметить, что дальневосточные музеи в 20–30-е годы XX века «были единственными учреждениями, которые вели систематическую научную работу, особенно по сбору образцов как естественно — исторического, так и культурно-исторического порядка» (7).

Музеи, созданные в процессе освоения и изучения края, продолжали оставаться центрами культурной коммуникации, повышая общеобразовательный и культурный уровень трудящихся, используя лекционные и выставочные формы работы, распространяя естественноисторические знания, знакомя с уникальной природой территории. Вновь открывшиеся экспозиции рассказывали об историческом прошлом присоединённых к России территорий, героической борьбе дальневосточников в годы Гражданской войны, социалистических преобразованиях в крае.

Особенностью музейного строительства на Дальнем Востоке России в 1930-е годы было значительное расширение музейной и краеведческой сети в сёлах и посёлках на базе уже существующих краеведческих пунктов и культурбаз. Деятельность дальневосточных музеев в этот период характеризуется, с одной стороны, подчинением их жизни, всех форм работы

идеологии советской системы, её жёсткому контролю, а с другой стороны, сохранением жизнеспособности музейного организма, следованию сложившимся просветительным традициям, дальнейшим формированием музейного собрания Дальневосточного края.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов внесла существенные изменения в систему управления, организации и политико-просветительной деятельности государственных музеев, в том числе и дальневосточных. В связи с требованиями военного времени и в соответствии с распоряжениями Наркомпроса РСФСР научно-исследовательская деятельность значительной части дальневосточных музеев была сосредоточена, в основном, на изучении местных ресурсов, истории своего края, а также истории Великой Отечественной войны. Наиболее распространёнными темами научно-исследовательской деятельности дальневосточных краеведческих музеев были природоведческие. Большинство музеев занималось выявлением природных ресурсов и возможностью использования их как дополнительных источников сырья для промышленности, здравоохранения, обеспечения местного населения продовольствием и т. д.

Уже с первых дней Великой Отечественной войны перед работниками дальневосточных музеев стала задача показа в экспозициях и на выставках текущих военных событий. Хабаровский краеведческий музей, подчинив свою деятельность, в том числе и образовательно-воспитательную, задачам военного времени, в основном занимался выставочной и политико-просветительной работой, направив всё внимание на «усиление массовой работы вне стен музея».

На второй месяц войны, 17 июля 1941 года сотрудники краеведческого музея в специальном павильоне городского парка культуры и отдыха открыли выставку «Отечественная война 1941 года». Материалами для её создания послужили копии и выписки из исторических документов, газет, картины, схемы, портреты, плакаты, фотографии, полученные при со-

действии отдела пропаганды и агитации Хабаровского Крайкома ВКП (б) из фильмотеки конторы Главкинопроката. Всего на выставке экспонировалось свыше 200 экспонатов, к 5 сентября её посетило более 10 000 человек. Горком ВКП (б) выделил для обслуживания выставки группу опытных лекторов (8).

Тематика выставок раскрывала возможности местных сырьевых ресурсов, достижения местной промышленности и сельского хозяйства. Так, в 1943 году из 72 подготовленных ХККМ выставок только 12 работали в музее. Из 60 выставок, побывавших на 84 выставочных площадках края, наиболее значимыми стали «Местные сырьевые ресурсы Хабаровского края и использование их в промышленности», «Медная промышленность края», «Режим экономики — закон военного времени» (9).

Несмотря на все сложности военного времени, Приморский областной краеведческий музей поддерживал связь с научно-исследовательскими и опытными станциями края, участвовал в экспедициях ДВ Базы АН СССР. Научные сотрудники музея приняли непосредственное участие в работе Краевого съезда врачей, подготовив тематическую выставку «Лекарственные растения Уссурийской тайги» (10). В 1944 году при музее открываются для учащихся 9-й и 28-й средних школ города Владивостока зоологический и ботанический кружки, которые возглавляют научные сотрудники музея. Вместе с детьми они занимаются сбором и изучением материалов по истории заселения Приморской области, о ратных и трудовых подвигах земляков. Совместно с Институтом усовершенствования учителей подготовлен и размещён в журнале «Юный краевед Приморья» материал из истории края (11).

Наиболее интенсивно и результативно выявление и изучение уникальных дальневосточных ресурсов проводилось музеями, где работали опытные специалисты, привлекались местные краеведы. Одной из важнейших задач дальневосточных музеев, позволявших своевременно развернуть стационарные и передвижные выставки военной направленности,

а также политико-просветительную и патристическую работу среди местного населения и военнослужащих, являлось комплектование материалов, отражавших героическое сопротивление народа и ударный труд в тылу, учёт и выявление всех местных ресурсов, дикорастущих лекарственных и витаминных растений.

Основными документами, определившими государственную политику в области музейного дела на полтора-два послевоенных десятилетия, стали «Положение об охране памятников», утверждённое в октябре 1948 года постановлением Совета Министров СССР и содержащее раздел, посвящённый охране музейного имущества, «Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее и крупных районных краеведческих музеев», утверждённые в 1949 году Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СССР, а также «Основные положения о научно-исследовательской, собирательской, экспозиционной и массовой культурно-просветительной работе краеведческих музеев», разработанные в 1950 году. Начиная с 1950-х годов наметились тенденции децентрализации, деидеологизации во всех областях жизни страны — политической, экономической, культурной и т.д. Процесс этот, как известно, шёл неровно, сопровождался периодическими возвратами к авторитарным принципам. Самосознание музейного дела — его теория — зафиксировала представления о музее, оставшиеся от 1930–40 годы: музей воспринимался как институт, подчинённый интересам государства. Это подход в музееведении был назван «институциональным».

В 1950 году Хабаровское Бюро Крайкома ВКП (б) отмечало, что «работа музеев края поставлена неудовлетворительно, имеются серьёзные ошибки и недостатки. Экспозиции во многих музеях составлены непродуманно, не соответствуют требованиям марксистско-ленинской науки и не дают правильной оценки отдельным историческим событиям. В работе музеев имеет место кустарщина, многие экспонаты оформлены небрежно, безграмотно,

не имеют пояснительных текстов» (12). В связи с этим Бюро Крайкома ВКП (б) обязало «Ниже-Амурский, Камчатский обкомы и обком ВКП (б) ЕАО, Чукотский, Корякский окружкомы ВКП (б), Комсомольский и Магаданский горкомы ВКП (б) усилить контроль за идейно-политическим содержанием работы музеев, утвердить тематико-экспозиционные планы музеев и принять меры к перестройке и коренному улучшению их работы, добиваясь большего активного участия музеев в деле коммунистического воспитания трудящихся» (13).

Тем не менее, этот период в истории музейного дела нельзя оценивать только критически, поскольку он, несмотря на все издержки партийного руководства деятельностью музейных учреждений, характеризуется формированием разнообразных образовательно-воспитательных форм работы с аудиторией с целью более глубокого изучения истории родного края. Государство по-прежнему оставалось одним из главных и заинтересованных инвесторов в развитии отечественной музейной сети. Представляет интерес «Стенограмма межобластного совещания-семинара руководителей и научных музейных работников», состоявшегося в городе Хабаровске 28 июля 1955 года. В этом дальневосточном форуме приняли участие 50 музейных специалистов из 22 музеев всех профилей Дальнего Востока, а также научные сотрудники Управления музеев МК РСФСР и Научно-исследовательского института музееведения. Речь шла об обновлении экспозиций, разработке новых форм научно-просветительной работы, обмене опытом между дальневосточными музеями по всем направлениям деятельности, о необходимости подготовки научных кадров для музеев в Москве (14).

На совещании рассматривались вопросы воздействия музейной экспозиции на посетителей различных социальных и возрастных групп, другие формы научно-просветительной деятельности. Идеологические мотивы имели доминирующую позицию, в качестве субъекта деятельности по-прежнему предполагалось государство и музей как его

институт, посетители же неизменно рассматривались как объект воздействия. В культурно-просветительной работе дальневосточных музеев в 1970-е годы, как и во всех отечественных музеях, преобладала ленинская и военно-патриотическая тематика. Основными формами музейной работы с посетителями — экскурсии, лекции, ленинские уроки, встречи с ветеранами войны и труда, массовые мероприятия (15).

Так, в связи с подготовкой к 50-летию ВЛКСМ и к 100-летию со дня рождения Ленина вся работа Комсомольского городского краеведческого музея «была направлена на выполнение взятых социалистических обязательств по достойной встрече двух юбилейных дат. В своей повседневной работе коллектив музея руководствовался постановлением ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Особое внимание уделялось пропагандистско-массовой работе, направленной на воспитание молодёжи в духе боевых и трудовых традиций, расширению пропаганды краеведческих знаний» (16). Начало 1970-х — конец 1980-х годов является очень важным периодом в жизни отечественного музея. Эти годы характеризуются возросшим уровнем образованности посетителей, и перед музейными работниками встаёт проблема повышения информативности экспозиций, выставок, всей научно-просветительной работы музея.

В 1990-е годы с особой остротой музейными работниками, общественностью Дальнего Востока ставится вопрос о предназначении, цели и смысле деятельности, о социальных функциях музея. Приоритетной задачей становится не только умение показать прошлое территории как факт, вписывающийся в единый историко-культурный процесс развития страны, но и «как неповторимое, неповторимое в других региональных условиях явление» (20). Экспозиции дальневосточных краеведческих музеев, посвящённые истории хозяйственного освоения, изучения и заселения дальневосточного края, его самобытной

культуре требуют новых концептуальных замыслов и решений. Например, на протяжении более десяти лет Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева концептуально разрабатывает и практически осуществляет проект новой модели открытого музея, «широко распахнутого в Азиатско-Тихоокеанский регион». В его структуре создан и успешно развивается Международный музейно — выставочный центр. В музейном пространстве проходят основные события Биеннале визуальных искусств стран АТР, проводятся международные конференции и выставки, собираются и публикуются материалы русских и российских диаспор за рубежом, отрабатывается модель экспозиций, построенных на основе современных технологий международного уровня. Необходимо отметить, что дальневосточные музеи имеют сегодня значительный потенциал не только социально-культурного, но и стратегического ресурса Тихоокеанской России как фактор укрепления российских основ в АТР — регионе, в котором славянская цивилизация «не принимается как равная ни одной из местных традиций».

В связи с этим, ежегодно в крупных культурных центрах Дальнего Востока России на базе старейших дальневосточных музеев проводятся, уже ставшие значительным явлением в научной жизни региона зональные и всероссийские научные конференции (Арсеньевские, Гродековские, Кузнецовские, Новиковские и др. чтения), как форма привлечения к изучению культурного и исторического наследия дальневосточного региона.

Дальневосточные музеи, как и большинство музеев России, формируют новую политику взаимоотношений с публикой, ради которой они и были созданы при научных обществах и городских самоуправлениях в 1880–1900-е годы, изначально определившими их специфическую образовательно-воспитательную миссию. Музейными педагогами вновь поднимаются вопросы воспитания патриотизма, гражданственности, регионального самосознания, политической культуры средствами музей-

ной коммуникации. Выставочная деятельность музеев региона по-прежнему является одной из самых значимых форм музейной коммуникации, традиционной формой образовательно-воспитательного процесса, сохранившего историческую устойчивость (19).

Приоритетным культурологическим аспектом в деятельности музея является совершенствование системы гражданско-патриотического воспитания детей на основе приобщения к созидательному процессу духовного возрождения России средствами музея и образовательного процесса. Например, Музей истории Краснофлотского района г. Хабаровска, являясь частью открытого образовательного пространства, стал координатором патриотической деятельности учреждения дополнительного образования. Руководителем музея истории Краснофлотского района Масловской Валентиной Михайловной было организовано детское объединение «Музейное дело».

Концепция, заложенная в основу системы гражданско-патриотического воспитания, заключается в едином подходе, определяющем работу музейно-образовательного комплекса; в формировании у воспитанников чувства причастности к истории и культуре своего народа, осознании своей роли и значимости как носителя традиций и культуры прошлых времён, призванного обогатить и передать эти достижения последующим поколениям.

Участие воспитанников объединения в поисково-собираательной работе, изучении и описании музейных предметов, создании передвижной выставки, проведении вечеров, конференций способствует заполнению их досуга. В процессе исследовательской деятельности ребята овладевают различными приёмами и навыками краеведческой и музейной профессиональной деятельности, а в ходе краеведческих изысканий — основами многих научных дисциплин, не предусмотренных школьной программой. Дети знакомятся с основными понятиями и методиками генеалогии, археологии, источниковедения, этнографии, музееведения и т. п.

Кроме того, воспитанники постигают азы научно-исследовательской деятельности. Они учатся выбирать и формулировать темы исследования, производить историографический анализ темы, заниматься поиском и сбором источников, их сопоставлением и критикой, составлением научно-справочного аппарата, формулированием гипотез, предположений, идей, их проверкой, оформлением выводов исследования и выработкой рекомендаций по использованию достигнутых результатов.

Встречи с интересными людьми, знакомство с историческими фактами помогают детям узнать историю и проблемы родного края изнутри, понять, как много сил и души вложили их предки в экономику и культуру края, частью которого является семья и школа. Это воспитывает уважение к памяти прошлых поколений, бережное отношение к культурному и природному наследию, без чего нельзя воспитать патриотизм и любовь к своему Отечеству, к малой Родине.

Музей даёт возможность ребятам попробовать свои силы в разных видах научной, технической и общественной деятельности района, города.

Использование средств музея позволяет адаптировать воспитанников объединения к современной жизни, восприятию окружающего мира на основе законов культуры, традиций и бытия предков. Активное приобщение детей к сохранению народной культуры, воспитание гражданского и патриотического самосознания позволяет правильно сориентировать ребёнка на духовные ценности и даёт надежду на возрождение высоко духовного российского общества.

Таким образом, постоянное увеличение потока информации требует создания образовательно-познавательного процесса, при котором становление личности ребёнка, развитие его творческих способностей происходит через ознакомление с нравственным, духовным и историческим опытом поколений на основе активного использования историко-культурного и природного наследия родного края.

Гражданская позиция формируется в результате познания собственной культуры и культур разных народов, поэтому музейно-образовательными программами предусмотрено обратиться ребёнка к его родным корням — культуре, истории, природе. Через историю собственной семьи ребёнок познаёт историю своей страны, своего города, народа. И тогда прописные истины начинают звучать не абстрактно, а конкретно, понятно, потому что затрагивают самое дорогое и близкое.

Сегодня Музей истории Краснофлотского района города Хабаровска является экспериментальной площадкой по совершенствованию традиционных и отработки новых музейно-образовательных программ и технологий.

Дипломом в номинации «Надежда конкурса», в конкурсе социально-значимых студенческих проектов «Моя инициатива: от идеи до реальности» 2009 года наградили авторский коллектив МОУ ДОД ДТДиМ Северного округа города Хабаровска и ребят детского объединения «Музейное дело» за организацию проекта «Рождённая на Амуре», создание передвижной фотовыставки «История Амурской флотилии». Музейно-педагогическая деятельность Масловой В.М. была отмечена в 2010 году Памятным Знаком «Лучший хранитель истории».

Культурно-образовательная работа Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова — ведущего музея Дальнего Востока России, является одним из основных направлений его деятельности. Она ориентирована на презентацию и популяризацию историко-культурного и природного наследия дальневосточного региона с целью развития творческого потенциала посетителя и формирования его ценностных ориентаций. В стратегии развития культурно-образовательной деятельности в 2010–2019 годах музей предполагает два основных направления: образовательное и досуговое, которые он вместе с музейным сообществом региона предполагает осуществить за счёт расширения форм сотрудничества с учебными заведениями и разработки образовательной концепции музея и доступных

долговременных и кратковременных культурно-досуговых проектов (21).

Образовательные возможности дальневосточных музеев, благодаря их многогранности и уникальности, обеспечиваются спецификой музейных предметов — подлинных памятников материальной и духовной культуры, состав-

ляющих основу всей музейной деятельности и музейной среды (20). Изменения в образовательной и культурно-просветительской политике музеев Дальневосточного региона стали результатом их возрастающей открытости обществу и новой роли музея как культурного центра и инструмента социальной адаптации.

Список использованных источников

1. Корнева, Л. В. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884-1917 гг.) / Л. В. Корнева. — Хабаровск, 2002. — С. 112.
2. Там же. С. 151.
3. Там же.
4. Корнева, Л. В. Из истории научно-просветительной деятельности музеев Дальнего Востока России (1890–1917 гг.) / Л. В. Корнева // Музеи на рубеже веков : материалы науч.-практ. конф., Хабаровск-Москва, 2000 г. — М., 2001. — С. 203.
5. Корнева, Л. В. Просветительная и образовательная деятельность дальневосточных музеев в формате исторического развития региона / Л. В. Корнева // Соц. и гуманитар. науки на Дал. Востоке : науч.-теорет. журн. — 2005. — № 3 (7). — С. 115; Корнева, Л. В. Культурно-образовательная деятельность дальневосточных музеев в формате исторического развития региона / Л. В. Корнева // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств : науч. журн. — 2009. — № 2 (28). — С. 188-193.
6. Корнева, Л. В. Краеведческое движение на Дальнем Востоке России в 20-30-е гг. XX в. и роль музеев в нем / Л. В. Корнева // Духовная жизнь Дальнего Востока России : материалы регион. науч.-практ. конф., Хабаровск, 24-26 окт. 2000 г. / ГАХК. — Хабаровск, 2000. — С. 118.
7. Там же.
8. Корнева Л. В. Некоторые аспекты деятельности дальневосточных музеев в годы ВОВ 1941–1945 гг. / Л. В. Корнева // Культурол. исслед. в Сибири. — 2005. — № 2 (16). — С. 142.
9. ГАХК, Ф.741, Оп. 2, Д., .2, Л. 3.
10. Керчелаева, Н. Б. Завещано: сохранить и преумножить / Н. Б. Керчелаева // Юбилейный альбом к 110-летию ПГОМ им. В.К.Арсеньева. — Владивосток, 2000. — С. 54
11. Там же.
12. ГАХК, ф. Р. — 1690, Оп..3, Д. 36, Л. 45-47, 63-65.
13. ГАХК, ф. Р. — 1690, Оп..3, Д. 134, Л. 56.
14. ГАХК, ф. Р. — 1690, Оп..3, Д. 101, Л. 34-39.
15. ГАХК, ф. Р.- 1689, Оп.1, Д. 33, Л.116.
16. Там же.
17. Корнева, Л. В. Выставочная деятельность — одна из основных форм музейной коммуникации / Л. В. Корнева // Музейная коммуникация : материалы науч.-практ. конф. музейн. работников, г. Самара, 24-28 сент. 2001 г. — М., 2002. — С. 249–253.
18. Корнева, Л. В. «Роль региональных музеев в коммуникации исторических знаний» / Л. В. Корнева / Историческая наука и проблемы современного образования : сб. науч. тр. регион. науч. конф. / ХГПУ. — Хабаровск, 2004. — С. 182-185.
19. Там же.
20. Корнева, Л. В. Использование музейных коллекций в образовательной практике вузов / Л. В. Корнева // Современные технологии в высшем профессиональном образовании : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Хабаровск, 2004. — С. 105–108.
21. Научная концепция развития Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (2009-2019 гг.) / ГНУК Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск, 2010. — С. 53.

Тарасов Олег Юрьевич,
начальник научного отдела
Хабаровского государственного
института искусств и культуры,
кандидат исторических наук

Психология первопроходца: в поисках «Русского Эльдорадо»

Отдельные аспекты истории освоения Дальнего Востока

Стоит ли вскрывать негативные стороны истории колонизации Дальнего Востока России? Проблемы остаются, решение не выявлено.

Освоение русскими Дальнего Востока (Чукотки, Приколымья, Приохотья и Приамурья) является одной из ярких и в то же время жестоких и трудных этапов российской истории.

Уже первые походы показали характер экспансии, о чём свидетельствуют материалы казацких «отписок» и «скасок» [3, 14–24; 4, 56–68.; 7].

Судна Алексея Глубокого (Филиппова) реки Мотыклейки, куда они прибыли уже в середине августа 1648 года. Там они встретили большое количество эвенов, сообщали, что более 500 человек, но, несмотря на это, «...на той реке поставили зимовье, а иноземцы от служивых людей стояли улусами неподалёку». Зимовье, видимо, имело какое-то укрепление — «нагордню», надстройку на крыше зимовья, из ко-

Историческая правда об освоении Дальнего Востока — жестокий характер русской колонизации Северного Приохотья, Приколымья и Приамурья. Анализ проблемы «мифологизации» сознания русских землепроходцев: причины и следствия осложнений межэтнических взаимоотношениях.

Стоит ли вскрывать негативные стороны истории колонизации Дальнего Востока России? Проблемы остаются, решение не выявлено.

торой можно было отстреливаться из ружей от нападавших. Сначала такое соседство было спокойным. Но видимо, попытки казаков начать сбор ясака вызвали недовольство у эвенов, и они, видя малочисленность казаков, решились на стычки с ними. Как сообщает Глубокий (Филиппов), они «...тех больших (числом) людей неубоялись...» и захватили из двух родов по одному знатному человеку. Одного из них — Тавуна захватил Якун Максимов и получил за него ясак 30 соболей. Другого Лукача из Убзирского рода захватил Кручина Родионов. Но захваченные также оказались достаточно смелыми. Лукач сказал родственникам, чтобы за него ясак не платили, а нападали на казаков. Это привело к новым столкновениям. Эвены пошли на штурм зимовья. Казаки отстреливались из укрепления на крыше зимовья — «нагородни» и шли на «вылазки», вооружённые холодным оружием. Эффект от стрельбы из ружей был, видимо, невысокий. Поэтому особо, как отличный стрелок, в том сражении отмечен Иван Логинов. Сколько погибло эвенов, неизвестно, но они временно отступили».

Подобные же события происходили и в походе Андрея Булыгина. В конце августа (26) 1654 году ночью эвенские роды, руководимые Комкой и Ладака (из Нюногирского рода), в количестве более 500 человек напали на казачьи станы на Охоте и пытались отбить аманатов. Сражение было упорным — «бились с ними крепким боем» — писал Булыгин. Многие русских в том бою переранили, был один убитый. Видимо, и эвены понесли потери. Подобные столкновения продолжались до начала 1655 года. К весне в крае установилось относительное спокойствие. Основные возмутители его и среди них самый главный, Комка, покорились и платили ясак добровольно.

Но это спокойствие продолжалось недолго. Вслед за Стадухиным на Охотское побережье по реке Чендон — второе название реки Гижига — в 1657 году спустился Фёдор Чукичев с отрядом казаков. Его поход по Гижиге сопровождался стычками с коряками, некоторые из них продолжались по два дня. Коряки

жестоко сопротивлялись сбору ясака. Выйдя в начале лета в море и продвигаясь от устья Гижиги вдоль побережья, он «погромил 12 юрт», но аманатов захватить не смог, потому что коряков было намного больше, чем казаков, и они не решились на стычку с ними, а «добром (они, коряки) не сдаются». Осенью он опять отправился в морской поход вдоль побережья в другую сторону от устья Гижиги «и погромил 8 юрт». Сбирать с них ясак было намного труднее, чем с эвенов, потому что, как пояснили коряки, «соболей де мы не промышаем». Но они пообещали, что впредь для ясака начнут добычу соболя. После этого Чукичев ушёл в верховья Гижиги и в 1658 году собирал ясак с юкагиров.

После похода Стадухина отмечается некоторый спад в деятельности русских на северном побережье Охотского моря. Этому были и объективные причины. В 1659–1660 гг. на Охотском побережье прошла эпидемия оспы. Это повлияло на численность населения района. От оспы погибло много эвенов, а многие роды откочевали в верховья охотских рек — на Колыму, Индигирку. Тем не менее освоение территории, хоть и медленно, продолжалось.

События на Охотском побережье во второй половине 1660-х — начале 1670-х годов для русских развивались не самым лучшим образом. Как сообщал бывший в 1665 году командиром Охотского острога боярский сын Фёдор Пуцин, там произошли массовые нападения эвенов на казаков и русских охотников, от которых те понесли существенные потери. Так, например, был полностью уничтожен отряд Потапа Мухоплева численностью в 50 человек, «а как их и какими мерами и кто именем и за что побили, того подлинно в Охотском остроге не ведомо, потому что из того походу Русских людей никто в живых не остался». В Охотском остроге оставалось всего 30 человек, причём и «старых и малых», и больных в окружении тысяч воинственно настроенных эвенов.

Тяжёлое бремя налогов — ясака, неоправданная жестокость казаков при их сборе, захват

аманатов — всё это вызывало у эвенов сопротивление, принимающее иногда большие масштабы. Так, зимой 1677 году произошло сразу несколько выступлений. Эвены Годниканского и Уяганского родов напали на «царскую казну», захватили её вместе с остальным снаряжением, а казаков перебили [4, 14–24]. В 1677 году, в начале декабря, оленные эвены Годниканского рода напали на Охотский острог. Они «пошли валом на приступ, и сына боярского Юрия Крыжановского за острожком во дворе обсадили, и у избы окна выбили, и под стену огня склади, и в казачьи дворишки засели, и из дворишек в острог стрелять учили (начали), и стрел на острог полетело со всех сторон, что комаров». То есть осада велась по всем правилам военной науки. Казаки, видя, что в осаде им не отбиться, и слыша крики командира острога Крыжановского о помощи, несмотря на малолюдство, решили выйти «из острожку на вылазку драться с ними Тунгусами». Сражение продолжалось с утра и до вечера, когда казаки еле отбились от эвенов. Но снять осаду не удалось. Днём и ночью казаки караулили на башне и стене. Выйти из острога за дровами и за рыбой они не могли, не рискуя быть подстреленными. В такой обстановке Крыжановский обратился за помощью в Якутск к воеводе, чтобы он «наскоро» послал на выручку в Охотский острог казаков, «пороху и свинцу и мушкетов и куяков (доспехи), чтобы нам, сидячи в Охотском, голодную смертью не помереть и побитым не быть». Страдали от этой осады и голода и аманаты, несколько из них померло.

В 1680 году эвены Годниканского рода во главе с Некруном напали на отряд воеводы Данилы Бибикова, убив 39 казаков, в том числе и Бибикова, захватили «царскую казну» с ясаком. На следствии выяснилось, что эвены «соболиную казну на побоище разграбили», «казачьи ружья разломали и перековали на стрелы».

Но причину восстаний в Якутском воеводстве выяснили довольно быстро. Эвены подали туда многочисленные жалобы с описанием вымогательств и насилия, совершённых командами Охотского острога Крыжановским, Биби-

ковым, Пуциным, Ярышкиным. В расспросном листе эвена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: «имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносить по соболю...». А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и «родников его... три лисицы чёрных себе, а не в ясак великому государю». Бибиков при сборе ясака занимался «погромами», а у недоимщиков «...иных носы резал».

События на Чукотке развивались по такому же сценария. В ходе присоединения Сибири преобладало всё же не «мирное» и «добровольное вхождение», а открытое завоевание, сопровождавшееся вооружённой борьбой русских с сибирскими «инородцами». При этом отчётливо видно, что степень сопротивления и ожесточённости аборигенов повышалась с запада на восток, обратно пропорционально уровню их социально-экономического развития. И наиболее бескомпромиссную борьбу с русскими вели как раз самые «дикие» племена — чукчи.

С чукчами русские познакомились ещё в середине XVII века в низовьях рек Колымы и Анадыря. Первые же встречи ознаменовались вооружёнными столкновениями. И в последующем отношения с чукчами были исключительно враждебными, поскольку они не только отказывались идти в подданство и платить ясак, но и вели против русских активные боевые действия.

Судя по казачьим донесениям, чукчи в начале XVIII века со своего полуострова стали продвигаться к низовьям Колымы, обоим Анюям и Анадырю, вытесняя из этого района юкагиров и составив реальную конкуренцию русской власти. Особого внимания, однако, до поры до времени ни сибирские, ни тем паче центральные власти к «чукотской проблеме» не проявляли. Ситуация принципиально стала меняться только в 1720-х годах.

В 1722 году якутский воевода М. Измайлов, а вслед за ним и сибирский губернатор А. Чер-

касский, сообщили в сенат о том, что якутские казаки «находят на восточных и северных морях и около Камчатской земли многие острова, иные пустые, а другие многолюдные», и что имеются ещё в прилегающих к российским владениям землях («в Анадырском и других носсах») «непокорённые под российскую державу иноземцы» [4, 14–24].

Активизация русского продвижения на восток вызывалась соображениями «масштабного» характера. Они чётко сформулированы в сенатском «мнении»: «...а об обладанию таких народов и земель следующие притчины: 1. Что те земли прилегли к российскому владению и не подвластные...; 2. Для прибыли государственной, понеже в тех местех соболь и протчей зверь родитца...; 3. Для познания по восточному морю морского ходу, от которого может впредь воспоследовать комерция с Японною или Китайскою Кореєю...; 4. Наипаче для предбудущей заимки, пока ни кто других земель, а особливо от китайской стороны, яко Сибирью пограничной, в те новосысканные земли не ступили».

Наступление на Чукотку лежало в русле общего хода русского продвижения на восток. Первая половина XVIII века отмечена целой серией морских экспедиций в северной части Тихого океана (И. Козыревского, И. Евреинова и Ф. Лужина, И. Фёдорова и М. Гвоздева, первая и вторая камчатские экспедиции). Все они имели сугубо практическую цель — поиск путей в Америку и Японию для установления торговых отношений. Иначе говоря, Россия со времён Петра I стремилась «оседлать» торговые коммуникации в северной части Тихого океана (точно так же, как на Балтике и Каспии) [1, 115–246; 6, 368–404].

Естественно, что, стремясь в Америку, русские не могли оставить у себя в тылу непокорённые земли (Чукотку и Камчатку с прилегающим побережьем). К тому же Чукотка была прекрасным плацдармом для проникновения на Большую землю, лежавшую за Чукотским носом. Начало экспедиции, которая стала именоваться Анадырской партией, оказалось весь-

ма неудачным. Своенравный и склонный к самоуправству Шестаков поругался с Павлуцким, который, будучи офицером регулярной армии, не желал подчиняться казачьему голове.

Павлуцкий с большей частью команды 3 сентября 1729 года прибыл в Анадырский острог, откуда в 1730 и 1731 годах совершил два похода на Чукотский полуостров. Оба похода, хотя и сопровождались разгромом чукотских ополчений, желаемого результата не дали: чукчи не смирились, и идти в русское подданство не желали. А в 1733 году в отместку сами совершили набег под Анадырск, угнав казённое стадо оленей.

Действия Шестакова, который в середине 1729 года отправился в Охотск, а оттуда к Тауйскому острогу, закончились трагедией. Шестаков намеревался покорить немирных коряков, обитавших в северной части Охотского побережья, а затем сухим путём двинуться к Анадырску. Но 14 марта 1730 года отряд Шестакова (20 казаков и 113 ясачных якутов, тунгусов и коряков) был наголову разбит двумя тысячами чукчей на реке Егаче. В жарком бою погибли 10 казаков и 18 ясачных, остальные разбежались. Сам казачий голова был тяжело ранен стрелой в горло, а затем убит.

Разгром Шестакова резко ослабил русские позиции на севере Охотского побережья и Камчатке. Активизировались немирные (неясачные) коряки, а ясачные стали выходить из повиновения и в сентябре 1730 года подняли восстание, осадив Ямской острог. Летом 1731 года на борьбу с русскими поднялись ительмены, которым удалось захватить Нижнекамчатский острог. Активные действия против чукчей были приостановлены.

Походы на Чукотку в 1730–1740-х годах имели чисто карательный характер. Рапорты Павлуцкого не оставляют сомнения в том, что он действовал исключительно методом подавления и устрашения. Отказ от принятия русского подданства неизбежно вёл к физическому уничтожению мужчин, пленению женщин и детей. Вот отрывки из описания похода 1731 года: «И 9 мая дошед до первой

сидячих около того моря чюкоч юрты, в коей бывших чюкоч побили... Усмотрели от того места в недалеком расстоянии... сидячих одна юрта и бывших в ней чюкоч побили... И дошед до их чюкоцкого острожку... и в том остроге было юрт до осьми, кои разорили и сожгли». В одной из «скасок» 1736 года анадырские казаки, описывая действия Павлуцкого во время этого похода, откровенно сообщали: «Чюкоч, не призывая в подданство, побил до смерти». Очень часто чукчи, оказавшись в безвыходном положении, целыми семьями кончали жизнь самоубийством, не желая подчиняться посланцам «белого царя» [4, 14–24].

Наиболее откровенно «тактику войны» продемонстрировал казачий сотник Шипицын, исполнявший с 1732 года обязанности командира Анадырского острога. Летом 1740 года он с отрядом в 80 казаков отправился вниз по Анадырю для сбора ясака с «речных» чукчей. В урочище Чекаево русский отряд встретился с крупными силами чукчей. Не рискуя вступить с ними в открытый бой, Шипицын заманил в свой лагерь под предлогом мирных переговоров 12 чукотских тоёнов и перерезал их. После такого вероломства русские атаковали чукчей, которые, увидев гибель своих старшин, в панике разбежались. Эта «военная хитрость» Шипицына на долгие годы подорвала веру чукчей в мирные намерения русских [2, 73–87].

18 февраля 1742 года по предложению иркутского вице-губернатора Л. Ланга сенат издал указ, который гласил: «на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе, точию которых из них пойдут в подданство Е.И. В., оных, также жён их и детей, взять в плен и из их жилищ вывезть и впредь для безопасности распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местам между живущих верноподданных».

Осуществление всех этих замыслов вновь поручалось Павлуцкому, который ещё в 1733 году был произведён в майоры, а к 1742 году уже исполнял обязанности якутского воеводы. Павлуцкий энергично взялся исполнить правительственные распоряжения.

В 1744–1746 годах он с командой в 400–650 солдат, казаков и ясачных юкагигов и коряков совершил три похода на Чукотский полуостров. Но, как и ранее, походы не дали ощутимых результатов. К тому же на этот раз чукчи не рисковали вступать в открытое сражение с русскими, а предпочитали скрываться от них в бескрайних просторах тундры или на близлежащих морских островах. Те, кто не успевал скрыться, оказывали отчаянное сопротивление.

15 января 1747 года сенат своим указом вновь потребовал, чтобы с чукчами поступали «военною оружейною рукою». Но этот год для Анадырской партии оказался роковым — отряды казаков были уничтожены, а сам Павлуцкий убит (память об этом событии существует в топониме сопки Майорская) [5]. Разгром был полный: из отряда Павлуцкого в 97 казаков и около 50 ясачных коряков выжила лишь четверть [4, 14–24]. Разгром и гибель Павлуцкого произвели ошеломляющее впечатление на русские власти. Сенат и Сибирский приказ спешно приняли решение о переброске в Анадырск дополнительных военных сил. Тактика остаётся неизменной: «всех безо всякого милосердия побить и вовсе искоренить». Но энергия уже не та, что при Павлуцком. С 1748 по 1755 год Анадырская партия провела всего три похода на чукчей, не углубляясь на Чукотский полуостров, а ограничиваясь нижним течением Анадыря. Сами чукчи, избегая столкновений с крупными русскими отрядами, продолжали творить грабительские набеги на юкагигов и коряков, побивая при этом встречающиеся им небольшие партии русских промысловиков (охотников и рыболовов). В марте 1754 года они даже подходили к Анадырску, но в бой с высланным против них отрядом не вступили и скрылись от погони.

Интересно отметить, что на протяжении XVIII века самодержавие неоднократно запрещало продажу железа и железных изделий чукчам, опасаясь, как бы они не превратили эти изделия в оружие. Основания к таким опасениям были, ибо, покупая медные или железные котлы, чукчи разрубали их и делали наконечники для стрел и даже латы.

К середине 1750-х годов стала очевидной бесперспективность затянувшейся войны с чукчами. Первым шагом к пересмотру «чукотской политики» стала инструкция, данная очередному командиру Анадырской партии Ивану Шмалеву. Прибыв в Анадырск, Шмалев дважды, в 1755 и 1756 годах вступал с чукчами в мирные переговоры. В 1756 году в Анадырск приезжал даже один из чукотских тоенов Менигытьев, который согласился со своим стойбищем вступить в российское подданство [2, 73–87].

Кардинальный поворот в «чукотской политике» от войны к миру связан с именами сибирского губернатора Фёдора Ивановича Соймонова и назначенного в 1760 году анадырского командира подполковника Фридриха Христиановича Плениснера. Первый в донесении в сенат от 7 ноября 1760 года настаивал на том, «что надлежит отныне с теми чукоккими и протчих разных и многих родов иноверцами бунтовщиками при склонении оных в российское подданство к платежам ясаков не столько военною и оружейною рукою поступать, сколько ласкою, благодеянием и добрым с ними обхождением». Плениснер же, прибыв в январе 1763 года в Анадырск и освоившись с «местными обстоятельствами», вообще предложил ликвидировать Анадырскую партию и снести Анадырский острог. Его горячо поддержал Соймонов. Оба апеллировали к тому, что на Анадырскую партию затрачены огромные финансовые и материальные средства, тогда как отдача от деятельности партии фактически равна нулю.

4 мая 1764 года появился императорский указ о закрытии Анадырской партии и ликвидации Анадырского острога. В 1765 году из Анадырска начался вывод солдат, казаков и гражданского населения (в Гижигинскую и Нижнеколымскую крепости). Он продолжался до 1771 года, когда крепостные укрепления Анадырска были разрушены. Форпост русской власти на северо-востоке Сибири, основанный ещё в 1649 году Семёном Дежнёвым, перестал существовать.

Аналогично протекали процессы освоения в Приамурье. Если поход И. Москвитина был относительно бескровным (по крайней мере, в казачьих отписках ничего об этом не упоминается). Разве, что пишется об опасениях казаков при виде многолюдных улусов, высадки рядом с которыми казаки не проводили «убоявшись своего малолюдства».

На реке Алдан 28 июля 1638 года атаман Копылов основал Бутальский острожек. Отсюда весной 1639 года атаман Копылов отправил к Охотскому (Ламскому) морю отряд в составе 20 томских и 19 красноярских служилых людей под командой Москвитина. Отряд Москвитина спустился по Алдану до реки Май и по Мае вверх шли семь недель, от Май до волока малой речкой шли шесть дней, волоком шли один день и вышли на реку Улью, по Улье шли вниз стругом восемь суток, затем сделав лодью до моря плыли пять суток. На устье поставили зимовье с острожком.

Основной целью похода, помимо «приискания новых неясачных землиц» и сбора пушнины, был поиск реки Чиркола (Шилки — основного притока Амура), где, по слухам, находилась гора Чиркол, содержащая, якобы, серебряную руду. По опросам эзенов составили «ропись» побережья моря до устья реки Тауй, услышали и о реке Амур.

В апреле 1640 года казаки совершили плавание вдоль материкового побережья на юг, предположительно до входа в Амурский лиман. По пути наблюдали Шантарские острова.

В 1645 году Москвитин совместно с Копыловым сделал доклад томскому воеводе князю О. И. Щербатому о снаряжении казачьей экспедиции на реку Амур.

Географические данные, собранные Москвитиним были использованы в дальнейших походах.

Именно поход Ивана Москвитина к Охотскому морю не столько породил, сколько популяризировал легенду о Серебряной горе (вариант Эльдорадо). Один из проводников-эзенов рассказал о притоке «Омур-реки», на которой есть Серебряная гора, и люди там живут богато, разводят скот и сеют хлеб.

Именно по этой причине походы Ерофея Хабарова и Василия Пояркова сопровождались множественными погромами и кровопролитием.

В 1643–1646 годах отряд Пояркова, который впервые проник в бассейн реки Амур, открыл реку Зей, Амурско-Зейскую равнину, среднее и нижнее течение реки Амур до устья. Но сорвал планы правительства относительно поиска Серебряной горы на Чирколе (Шилке). Вместо того чтобы подняться вверх по течению, отправился в грабительский поход вниз по Амуру.

Поярков отличался суровостью характера и жестокостью. В «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва 1851 года издания зафиксированы некоторые подробности похода Пояркова на Амур:

«Вместе с пышными рассказами Пояркова о Пегой Орде (как называли приамурские страны) слышались страшные рассказы спутников его о поведении самого Пояркова во время похода. Служилых людей он бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил, и велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съели многих мёртвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят; иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: «Не дороги они, служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша». Когда он плыл по реке Зие, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских людей погаными людоедами. Когда весною в устье Амура снег с лугов сошёл и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас дорогою ценою».

Жестокое отношение к соотечественникам и ещё более зверское отношение к «инородцам» напоминает поведение братьев Писарро и Кортеса в Америке.

Сходную воинственную психологическую окраску имел и поход Ерофея Хабарова.

Воевода Дмитрий Андреевич Францбеков распорядился отправить отряд казаков под командованием Хабарова, выдать им военное снаряжение и оружие в кредит.

В 1649–1653 годах Хабаров с отрядом отправляется из Якутска в поход по Амуру от впадения в него реки Урки до низовий. Отряд Хабарова одержал многочисленные победы над местными даурскими и дючерскими князьями, захватив много пленных и скота.

Подчеркнём слова «захватили в плен» и «одержали победы». Интересно то, что одержать победы с огнестрельным оружием местные племена владеющими только холодным — не слишком высокая честь. Конечно, история Отечества не должна раскрывать все особенности, тем более что политика территориальной экспансии Британии, Испании, Португалии, Голландии, Франции по отношению к местным народам была во многом более кровавой.

В чём психологическая причина столь множественных насильственных действий? Можно выделить пять основных.

Во-первых, специфика казачьего (казацкого) менталитета. Речь не идёт о том, что казаки обладают какими-то особыми национальными признаками (хотя в последнее время отдельные «горячие головы» в отечественной этнографии пытаются «выдать» казачеству в национальный статус). Казачество начало активно формироваться при последних Рюриковичах — вольные люди стремились на свободные земли в желании избавиться от боярских налогов и гнёта. Формировалось особое вольное братство, живущее по иным, «негосударственным» законам.

Во-вторых, казачество даже при установлении «русского абсолютизма» сохраняло элементы самоуправления, а удалённость государственной власти от казачьих вольниц способствовало формированию особого «правового нигилизма».

В-третьих, элементарная жажда наживы, подкреплённая безнаказанностью приводила к бесцеремонному, а подчас жестокому обращению к «инородцам».

В-четвёртых, политика русской император-

ской власти на восточных и северо-восточных окраинах страны давала возможность насильственных действий по отношению к коренному населению.

В-пятых, и эта причина может считаться, пожалуй, самой главной — это «мифологизация» сознания первопроходца. Стремление к быстрому и лёгкому обогащению двигало многих первооткрывателей, зачастую преодолевая такое мощное биологическое явление, как инстинкт самосохранения. Какие мифы подвигали людей на жестокость и насилие. Одним из главных является миф об Эльдорадо (Эль-Дорадо — страна Золотого человека) в разных национальных вариациях. Энрико и Ганзало Писарро были одержимы именно им, Поярков, Хабаров и Москвитин были одержимы мифом о Серебряной горе, Булыгин, Чукичёв, Стадухин и др. мифами о Рыбьем зубе, Золотой реке и т.д. Мифы утопического характера существуют и существовали в недавнем прошлом («Золотая лихорадка», легенда о золоте Третьего Рейха) и эти легенды имели свои негативные последствия при внешней безобидности. Но так или иначе всё приводило к примерно одинаковым методам достижения собственной цели обогащения — захват «в аманаты» эвенских, чукотских и корякских тоёнов (по аналогии захваты братьями Писарро одних из последних Инков), пушные оброки-ясаки (по аналогии золотой дани), искоренение и полное уничтожение коренного населения

(по аналогии захвата Кортесом Теночтитлана и братьями Писарро Куско), карательные экспедиции и т.д.

На современном этапе развития истории необходимо тщательно изучать ранние периоды освоения, «демифологизировать» страницы этой истории, т.к. корни национальных конфликтов и проблем могут скрываться именно там. Основное направление исследований, безусловно, должно быть направлено не на «развенчание» заслуг казаков (захватнические войны и освоение в большинстве случаев проходило по сходному сценарию), а на выявление неясных моментов и выявление субъективных причин возникновения национальных столкновений в нашем историческом прошлом. Множественные аспекты освоения рассматривают с позиции «результатирующего вывода», но методы достижения результата не всегда были в достаточной степени мирными.

Немаловажным в исследованиях подобного характера опираться не только на анализ сохранившихся письменных источников (со стороны коренного их крайне мало, т.к. местное население не имело своей письменности), но и на картографо-топонимический материал, который способен донести во времени отголоски исторических событий. Безусловно на одной топонимике сложно реконструировать прошлое, но в совокупности с сохранившимися историческими преданиями можно достичь значительных результатов.

Список использованных источников

1. Белов, М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. / М. И. Белов // История открытия и освоения Северного морского пути : в 4-х т. — М., 1956. — Т. 1. — С. 115–246.
2. Золотарев, А. М. Из истории этнических отношений на Северо-Востоке Азии / А. М. Золотарев // Изв. ВорГПУ. — 1938. — Т. 4. — С. 73–87.
3. Зуев, А. С. От завоевания к вхождению. Как присоединяли Сибирь к России советские историки / А. С. Зуев // Родина. — 2000. — №5. — С. 56–68.
4. Зуев, А. С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-востока Сибири (XVIII) / А. С. Зуев // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. — 2002. — Т. 1, Вып. 3 : История. — С. 14–24.
5. Леонтьев, В. В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В. В. Леонтьев, К. А. Новикова. — Магадан, 1989. — С. 49–411.
6. Попов, С. В. Топонимика морей Советской Арктики / С. В. Попов, В. А. Троицкий. — Л., 1972. — С. 368–404.
7. Шурц, Г. История человечества. Средняя Азия и Сибирь / Г. Шурц. — СПб., 2004. — С. 25–66.

Историческое

Алепко Александр Валентинович, заведующий кафедрой теории и истории культуры Хабаровского государственного института искусств и культуры, доктор исторических наук, профессор

Хабаровский кадетский корпус: страницы истории

В статье рассматриваются историко-культурные аспекты, связанные с деятельностью Хабаровского кадетского корпуса. Обобщены малоизвестные факты, касающиеся реликвий корпуса и сведений об офицерском преподавательском составе военно-учебного заведения.

Формирование личности гражданина-патриота любой страны является определяющим элементом в деятельности государства, его важнейшей функцией. В условиях обновления российского общества, когда меняются нравственные, духовные и материальные ценности граждан, особое значение имеет военная школа как составная часть системы государственного образования. Сегодня в условиях реорганизации системы подготовки и воспитания военных кадров изучение исторического опыта по формированию личности российского офицера является достаточно актуальным. В современных условиях важно сохранить культуру и традиции российского офицерского корпуса, чтобы не только не забыть, накопленный столетиями опыт, но и обогатить его новыми положительными явлениями.

В этом смысле показательно изучение проблем военного образования в дореволюционный период в Дальневосточном регионе

на примере деятельности Хабаровского кадетского корпуса. Опыт этого учебного заведения был незаслуженно забыт в нашей стране в советское время. Он изучался лишь представителями российской эмиграции, в частности, в мемуарно-публицистических книгах С. Боголюбова, В. Егорова, П. Гаттенбергера, Л. Сейфулина, И. Реутта, В. Шкуркина [1; 2; 3]. В постсоветский период в отечественной литературе появилась историко-публицистическая книга М. Корнейчука [6] и ряд статей в дальневосточных газетах [8]. После 2000 г. в электронной сети Интернет на отечественных и зарубежных сайтах, посвящённых истории российских кадет, был размещён ряд публикаций, фотографий, отдельных сведений связанных с историей Хабаровского кадетского корпуса (2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9).

Имеющиеся сегодня в распоряжении российских исследователей архивные источники немногочисленны. Они ограничены отдельными документами Российского государственного военно-исторического архива, хранящимися в фонде 783. Хабаровский кадетский корпус в составе 30 разрозненных дел за период с 1910 по 1919 годы (10).

В связи с вышеупомянутым, сегодня вполне справедливо утверждать, что научно-историческое осмысление деятельности этого дальневосточного учебного заведения так и не состоялось.

На Дальнем Востоке, по сравнению с территорией центральной России, первое сухопутное военно-учебное заведение появилось сравнительно поздно, лишь в 1900 году, после присоединения Приамурья к России и сорокалетнего его освоения русскими людьми.

В 1986 году первый Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф обратился с ходатайством к императору об открытии в г. Хабаровске кадетского корпуса на 100 учащихся. В связи с этим в 1888 году в соответствии с приказом по военному ведомству за №40 [3, с. 22] в городе была открыта двухклассная przygotowительная школа, просуществовавшая 12 лет. Её первым заведующим стал бывший офи-

цер-воспитатель Сибирского кадетского корпуса, а впоследствии командир 3-го линейного Восточно-Сибирского батальона полковник А.В. Мейер [10, с. 29]. С 1982 по 1990 годы заведующим школы был подполковник Д.П. Мартянов, проходивший службу до назначения на эту должность в 8-м Восточно-Сибирском линейном батальоне [3, с. 24].

Школа состояла из трёх классов: начального, первого и второго. Обучение в двух последних классах проводилось по программам и инструкциям 1-го и 2-го классов кадетских корпусов и включало в себя программы специальных военных дисциплин: строевую подготовку, полевой фортификации, военной администрации, артиллерии и тактике [3, с. 23–24].

Следует отметить, что к приёму в начальный класс допускались и совершенно неграмотные дети, что являлось особенно важным для жителей удалённых мест Дальневосточного региона. К тому же не все поступавшие в первый класс дети имели возможность посещать общеобразовательные школы, так как их количество было ограничено, и они, как правило, находились лишь в крупных населённых пунктах. Для слабо успевавших учеников в школе были установлены дополнительные занятия по общеобразовательным предметам.

Воспитанники Хабаровской przygotowительной школы, успешно завершившие курс обучения 2-го класса, переводились без экзамена в 3-й класс Омского (Сибирского) кадетского корпуса [3, с. 36].

Делом религиозного воспитания кадет ведал законоучитель (он же духовник — священник городской церкви). В первые годы существования школы воспитанники посещали церковные службы в соборной церкви. Иногда богослужения совершались в столовой школы. День храмового праздника хабаровских кадет — 24 октября — отмечался ежегодно общим молебном и праздничным ужином. В 1894 году была сделана пристройка для алтаря, и 11 октября того же года состоялось малое освящение домового школьной кадетской церкви [6, с. 66–67].

Следует заметить, что начиная с 1891 года Приамурские генерал-губернаторы А. Н. Корф (1884–1893), С. М. Духовской (1893–1898), Н. И. Гродеков (1898–1902) постоянно обращались к российскому правительству с ходатайствами об открытии в Хабаровске кадетского корпуса. В 1899 году после командирования в Петербург помощника Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта А. С. Беневского (1898–1903) с очередным ходатайством перед императором, российское правительство приняло решение об открытии в г. Хабаровске кадетского корпуса на 300 человек кадет.

30 апреля 1900 года Хабаровская приготовительная школа Омского кадетского корпуса была упразднена, а вместо неё приказом по военному министерству № 146 был учреждён Хабаровский кадетский корпус на 300 казённокоштных интернов в составе 4-х классов (4). В приготовительный класс принималось 40 малолетних детей в возрасте 9 лет. Весь состав учащихся и воспитателей бывшей кадетской школы был полностью переведён в новый корпус.

Открытие корпуса стало крупным событием в жизни Приамурского генерал-губернаторства. Главной фигурой на открытии корпуса был генерал-губернатор Н. И. Гродеков, только что вернувшийся из Китая, где он принимал участие в военных действиях. Н. И. Гродеков обратился к кадетам с взволнованной речью: «Ваши родители одержали много побед... и я в память о подвигах ваших отцов приказал поставить в стенах корпуса два пулемёта, отбитые у китайцев». В заключении церемониала открытия генерал-губернатор лично побеседовал с каждым, из зачисленных в кадеты и подарил каждому из них книгу об А. В. Суворове. Хабаровский кадетский корпус имени графа Муравьёва-Амурского был 26-м в Российской империи. 4 сентября 1900 года (17 сентября по новому стилю) в нём начались занятия [4, с. 135–136].

Первым директором корпуса был назначен бывший инспектор классов Суворовского кадетского корпуса (город Варшава) выпускник

Михайловской артиллерийской академии полковник А. Н. Ваулин, а инспектором классов — полковник Д. П. Мартыанов (3; 4).

Внутренний уклад и распорядок жизни корпуса определялись согласно Инструкции по воспитательной части и высочайше утверждённого Положения о кадетском корпусе. Подготовку детей в корпусе вели 16 офицеров-воспитателей, имея каждый в своём отделении от 20 до 45 человек.

Все кадеты-интерны были распределены на 3 роты. Их обучение осуществлялось в семи классах, причём каждый класс разделялся на параллельные отделения. 7-й и 6-й классы входили в состав 1-й роты, которая считалась строевой. При этом в 7-м классе обучались кадеты, отличавшиеся особыми успехами в учёбе и дисциплине. Они производились в звания вице-фельдфебелей и вице-унтер-офицеров. Имя самого лучшего из них записывалось на мраморную доску кадетского корпуса [3, с. 53–54].

Строевая рота была вооружена винтовками лёгкого драгунского образца, которые хранились в шкафах между классными комнатами. Для охраны оружия назначался унтер-офицер из числа военнослужащих корпуса. Военнослужащие-солдаты несли круглосуточное дежурство при каждой кадетской роте, полировали паркетный пол в зале, следили за чистотой в коридоре и спальнях. Обмундирование кадетов проверял каптенармус.

Учебный год начинался с 16 августа и заканчивался в первых числах июля, подразделялся на четыре четверти. Образовательные программы обучения кадетов практически соответствовали программам гражданских учебных заведений — гимназий и реальных училищ. В числе преподаваемых дисциплин были закон божий, русский язык с церковнославянской и русской словесностью, французский и немецкий языки, математика, начальные сведения по естественной истории, физика, химия, география, история, космография, законоведение, чистописание, рисование и черчение.

По программе кадетских корпусов преподавались и все ранее упомянутые специальные военные дисциплины, а также гимнастика, танцы, музыка и пение. Оценка знаний по предметам производилась по двенадцати бальной системе [3, с. 54].

Подбор преподавателей для общеобразовательных предметов обучения осуществлялся из числа лиц, имевших высшее образование. Преподававшие военные дисциплины офицеры проходили подготовку в Санкт-Петербурге на педагогических курсах офицеров-воспитателей. По окончании этих курсов они получали аттестат на право преподавания гимнастики, фехтования и ручного труда в кадетских корпусах, а также специальные нагрудные знаки для ношения на мундирах [3, с. 53]. В числе наиболее опытных офицеров-воспитателей корпуса можно назвать подполковников А. А. Иванова (1900–1911), Г. Г. Плешкова (1900–1913) и В. В. Татарина (1900–1910) прослуживших в этих должностях с начала основания корпуса более 10 лет (4).

20 января 1902 года Хабаровский кадетский корпус посетил полковник французской армии Маршан, а 21 мая того же года, с разрешения командующего войсками округа, с корпусом познакомилась представительница японской государственной службы — майор Тамага и 1-й секретарь японского посольства.

В мае 1903 года корпус посетил военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин (1898–1904). В этом же году на должность инспектора классов был назначен полковник Г. А. Жуков (1903–1906). В октябре 1903 года в торжественной обстановке состоялось освящение вновь построенного главного здания корпуса. Кроме него были возведены баня, паровая прачечная, квасоварня, паровая водоподогревательная установка, водопровод и ледник. В бывших зданиях кадетской школы разместились канцелярия, квартиры директора, инспектора, старшего врача, офицеров-воспитателей, экономки, а также помещения для служащих [9].

С началом русско-японской войны в начале 1904 года хабаровские кадеты были эваку-

ированы из Хабаровска и распределены на период войны в другие кадетские корпуса России. В этом же году директор корпуса А. Н. Ваулин был произведён в воинское звание «генерал-майор» и переведён к новому месту службы на должность директора Полоцкого кадетского корпуса (2; 3). После окончания русско-японской войны все кадеты были возвращены в корпус, а 7 октября 1905 года корпусу было высочайше пожаловано знамя. В сентябре 1906 года новым директором корпуса был назначен полковник А. Н. Муратовский (4).

16 мая 1908 года, в день празднования 50-летия присоединения к Российской империи Приамурья, Хабаровский кадетский корпус получил имя графа Муравьёва-Амурского. Администрация Гродековского музея Приамурского отдела Императорского географического общества передала на хранение корпусу драгоценные реликвии (генеральский мундир и именное оружие), связанные с именем графа Н. Н. Муравьёва-Амурского.

4 декабря 1908 года российским правительством был утверждён жетон (герб) Хабаровского кадетского корпуса представлявший серебряный овальный щит, подвешенный двумя цепочками к графской короне. В центре щита были изображены два соприкасающихся нижними углами погона. Левый погон, покрытый белой эмалью с золотыми кантом и буквами «Х. Ш.» (Приготовительной Хабаровской школы Сибирского кадетского корпуса). Правый погон, покрытый тёмно-зелёной эмалью с белым кантом и буквами «Х. К.» (Хабаровского графа Муравьёва-Амурского кадетского корпуса).

На фоне соединяющего погонны золотого сияния, присвоенного гербу и пуговицам военно-учебного ведомства, было помещено серебряное, оксидированное, штампованное изображение памятника графу Муравьёву-Амурскому, установленному в Хабаровске. Под погонями были нанесены даты: «1888» и «1900» (основания школы и корпуса). Снизу жетон окаймляла голубая эмалевая лента с золотым кантом. На ленте была нанесена над-

пись: «Амур Усури», так как на месте слияния этих рек расположен Хабаровск (4).

11 мая 1909 года в Хабаровск прибыл великий князь Константин Константинович и провёл в кадетском корпусе трое суток, подробно знакомясь с жизнью кадет. А 13 мая, в 10 часов утра, в присутствии всего генералитета и начальства гарнизона Хабаровска великий князь вручил корпусу высочайше пожалованное знамя.

Весть о начале Первой мировой войны кардинально повлияла на воспитанников корпуса, кадеты подтянулись, стали серьёзнее. В каждом классе появились карты, по которым кадеты следили за продвижением войск, делая отметки условными знаками, согласно получаемым сводкам. Из журналов узнавали они о бывших кадетах корпуса [4, с. 137].

Сегодня все документы о героях-хабаровцах хранятся в архиве, созданном выпускниками кадетских корпусов России при музее «Объединённых кадет российских кадетских корпусов» в городе Сан-Франциско. Согласно сведений из этих документов, 73 кадета-хабаровца были награждены боевыми наградами России, некоторые из них — посмертно. На полях сражений остались кадеты Михаил Глухов, Георгий Горохов, Валерий Голубев и другие. Кадет Игорь Рутилевский за героизм, проявленный в бою, получил лично из рук императора Николая II солдатский Георгиевский крест 3-й степени с бантом. Михаил Бодиско, кадет 1907 года выпуска, приказом Главнокомандующего русской армии за мужество и храбрость был награждён орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени.

Февральскую революцию 1917 года и педагоги, и воспитанники корпуса встретили с восторгом, став республиканцами. А вот октябрьский переворот не приняли в результате поправки большевистским правительством только что полученных всеми гражданами страны демократических прав и свобод. 16 марта 1918 года приказом по войскам Приамурского военного округа корпус был расформирован. Кадеты, имевшие родителей, были

отправлены по домам, тех, у кого не было родителей, разместили в Хабаровском городском приюте в селе Красная речка. Некоторых сирот разобрали жители города, даже не подозревая, что этим могут вызвать на себя репрессии новой власти.

В начале сентября 1918 года выборный атаман Усурийского казачьего войска И. П. Калмыков (1918–1920) занял Хабаровск. По его приказанию Хабаровский кадетский корпус был восстановлен. Кадеты с радостью возвращались в свой родной корпус. Удалось собрать имущество, книги, учебники (9).

В октябре 1918 года при корпусе было сформировано военное училище имени атамана И. П. Калмыкова, в первом выпуске которого было два отделения — пехотное и конное, а во втором прибавилось и артиллерийское. Начальником училища был директор корпуса генерал-майор Н. П. Никонов (1917–1920). Период 1918–1919 годов прошёл для личного состава корпуса в сложных условиях, когда решение хозяйственных вопросов наталкивалось на полное отсутствие средств. Кадеты жили в тесноте, питание скудное, запасов белья и обмундирования не было (9).

В феврале 1920 года здание корпуса было занято красными партизанами, издан приказ о расформировании корпуса (9). В течении октября — ноября 1920 года Хабаровский кадетский корпус был перевезён со служащими и сохранившимся имуществом в 32-х вагонах во Владивосток, где был объединён с Владивостокской подготовительной школой на Русском острове (9). Не имея средств, не получая никакой поддержки от Владивостокских властей, страдая от недостатка топлива и продовольствия, руководство корпуса продолжало вести занятия. В конце октября 1922 года японские войска покинули Владивосток, и Хабаровский кадетский корпус — с педагогами, кадетами, библиотекой — ушёл в эмиграцию на кораблях Сибирской флотилии под командованием адмирала Г. К. Старка (1922–1923).

Один из кораблей — старая военная яхта «Лейтенант Дыдымов» при переходе из корей-

ского порта Гензан в китайский порт Шанхай во время тайфуна затонул в 100 милях от Шанхая, и с ней погибли 17 кадет-хабаровцев, бывших на ней пассажирами. В Шанхае, куда прибыл Хабаровский кадетский корпус в составе 226 кадет и 93 офицеров-воспитателей, служащих и членов их семей, по приказу директора корпуса А. А. Корнилова (1920–1925) были возобновлены занятия [3, с. 50]. Однако сложное материальное положение военно-учебного заведения привело к его переезду в портовый город Сплит в Югославию, где 1

февраля 1925 года он был расформирован, осуществив за годы своего существования 20 выпусков (9).

Все кадеты-хабаровцы были распределены для завершения учёбы в Донской кадетский корпус, Первый Русский кадетский корпус в городе Сараево, а также в Крымский кадетский корпус. После выпуска некоторая часть бывших хабаровских кадет в дальнейшем служила офицерами в югославской армии. Остальные разъехались во Францию, США, Австралию, Аргентину, Китай и другие страны.

Список использованных источников

1. Боголюбов, С. Хабаровский Графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус / С. Боголюбов, В. Егоров. — Буэнос-Айрес, 1950.
2. Гаттенбергер, П. Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус : 1878–1978 гг. / П. Гаттенбергер — Б. м. : Глобус, 1978. — 291 с.
3. Сейфулин, Л. Хабаровский Графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус / Л. Сейфулин, И. Реутт, В. Шкуркин. — Сан-Франциско : Глобус, 1978. — 293 с.
4. Греков, О. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. / О. В. Греков. — М., 1910.
5. Кадетские корпуса // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86-ти т. — СПб., 1980–1907. — Т. 82 и Т. 4 доп.
6. Корнейчук, М. История Хабаровского имени графа Муравьёва-Амурского кадетского корпуса / М. Корнейчук. — Хабаровск, 2002.
7. Краснознамённый Дальневосточный... / под ред. Н. Е. Медведева. — Хабаровск, 2003.
8. Попов, В. Жили-были кадеты // Тихоокеанская звезда. — 2006. — 11 марта.
9. Приамурские ведомости. — 1903. — 14 сентября.
10. Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус. — Хабаровск, 1903.

Примечания

1. Государственный архив Хабаровского края. — Ф. 1813. — Оп. 2. — Д. 1.
2. Шолох, Е. Кадеты императорской России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.konkurent.ru/starii_print.php
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://histpol.pl.ua/pages/content.php?page=1425>
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regiment.ru/reg/vi/D/30/2.htm>
5. Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кадетский_корпус
6. Фонд содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fskk.ru/library/bibliography/corps.html>
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vadimus58.livejournal.com/56295.html>
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gutin.org/show.jsp?id=28&area=art/shkurkin.rus.html>
9. Марков, С., Гаттенбергер, П., Росселевич, А. Хабаровский Графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус. Последние годы. Статья из журнала «Кадетская переключка» №9 за 1974 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xx.13.ru/kadeti/hab_corpus.htm
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://forum.vgd.ru/174/17639>

Глебова Елена Викторовна,
главный редактор регионального
культурно-просветительского
журнала «Словесница Искусств»

Становление этнографических исследований коренных народов на Дальнем Востоке России в XVIII — начале XX века

Изучение коренных народов, компактно проживающих на Дальнем Востоке России, всегда имело важное стратегическое значение для Российского государства и укрепления его восточных рубежей. Этот процесс начался ещё в XVII веке, однако его основательное развитие происходило со второй половины XIX века.

В условиях мировой глобализации этнология как наука о человеке и обществе приобретает всё большее значение. В настоящее время в мире не осталось какой-либо этнической общности, которая бы не испытывала на себе воздействие со стороны других культур, и в этой связи особо остро стоит проблема сохранения традиционной культуры этносов.

В XV–XX веках автохтонные культуры оказались под угрозой исчезновения в ходе европейской колонизации мира и стихийной глобализации, однако в настоящее время человечество подошло к осознанию уникальности и хрупкости культурного наследия каждой эт-

*Коренные народы
дальневосточной
окраины России*

нической группы, к важности того, что каждый народ должен сохранять и отстаивать свою собственную отличительность.

Серьёзным шагом в данном направлении стало провозглашение Международного десятилетия коренных народов мира Генеральной Ассамблеей на Всемирной конференции по правам человека в 1993 году, в рамках которого осуществлялись глобальные программы по возрождению и сохранению культурного наследия коренных народов. В 1994 году Генеральная Ассамблея ООН провозгласила Международный день коренных народов мира, а в 2005 году было объявлено Второе Международное десятилетие коренных народов мира, которое завершится в 2014 году. Таким образом, тенденции по сохранению этнических корней подтверждают общую закономерность, что «человечество, становясь всё более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнического многообразия»¹.

Особенность Российской Федерации заключается в том, что это полиэтническое государство, на территории которого проживают представители около 160 различных национальностей и этнических групп, характеризующиеся особыми культурными и духовными традициями. Возрождение и сохранение

этих традиций, укрепление национального самосознания с каждым годом приобретают всё большее значение, поскольку всё это напрямую влияет на стабильную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране.

Дальний Восток является одним из самых многонациональных регионов России, поскольку здесь живут представители более 140 национальностей и этнических групп. Однако важный момент заключается ещё и в том, что на территории Дальневосточного региона компактно проживают представители 14 коренных малочисленных народов Севера, общее число которых составляет около 90 тысяч человек или более 48 процентов общей численности автохтонных народов России².

Территориально на Дальнем Востоке выделяют три большие этнографические области: Крайний Северо-восток, Север и Юг. Каждая из них имеет свои особенности, которые обусловлены географической средой, историческим развитием народов и социально-культурными связями с другими этносами. Основные группы коренные малочисленные народов Дальнего Востока — тунгусо-маньчжурская (нанайцы, ульчи, не-

¹ Народы и религии мира : энциклопедия. — М. : Большая Рос. энцикл., 1998.

² Романовская, Е.С. Демографическое положение коренных народов Дальнего Востока: социологический аспект / Е. С. Романовская // Регионоведение. — 2009. — №1.

Обложка книги «Поселения на берегах Охотского моря»

гидальцы, удэгейцы, орочи, эвены, эвенки) чукотско-камчатская (коряки, чукчи, ительмены), эскимосско-алеутская (алеуты, эскимосы) и палеоазиатская (нивхи, юкагиры) — сосредоточены в северной и южной частях Дальневосточного региона, в той или иной степени сохраняя традиционный уклад жизни и духовные традиции.

Российская этнография как часть исторической науки, изучающая этносы, этнические группы и их этногенез, состав, расселение, традиционный уклад жизни, материальную и духовную, начала формироваться во второй половине XIX века. В её основу лёг опыт западной науки, а также эмпирический материал, накопленный в ходе этнографических исследований коренных народов, которые проводились в различных регионах России. В XX столетии, в связи с развитием науки этнографии и сменой её парадигмы, в научный оборот был введён термин «этнология» («наука о народах»). Этнология тесно связана с этнографией («описание народов»), социальной и культурной антропологией, однако эта научная дисциплина, взяв за основу этнографические исследования, анализирует их в контексте различных культур, придавая предмету своего изучения обобщающий характер и ставя перед собой такие цели, как реконструкция человеческой истории, культурное и историческое развитие этносов, изменение этнических

культур под воздействием различных факторов и др.

Изучение коренных народов, компактно проживающих на Дальнем Востоке России, всегда имело важное стратегическое значение для Российского государства и укрепления его восточных рубежей. Процесс начался ещё в XVII веке, однако его основательное развитие происходило со второй половины XIX века. С этого момента начинают создаваться научные труды с описанием традиционного жизненного уклада северных этносов, их обрядовой культуры, этнических технологий.

Первой территорией серьёзного этнографического изучения стала Камчатка, а отправной точкой поход Атласова на рубеже XVII–XVIII веков, зафиксировавший в «скасках» первоначальные сведения о камчатских этносах. В первой половине XVIII века огромное значение имела Вторая Камчатская экспедиция или Великая Северная экспедиция под руководством Витуса Беринга, а в XIX веке, когда началось активное освоение Приамурья, Приморья и Сахалина, важнейшими стали экспедиции А. Ф. Миддендорфа (1843–1844), Л. И. Шренка (1854), Р. К. Маака (1855, 1859), Ф. Б. Шмидта (1860), Г. И. Невельского (1850–1854), М. И. Венюкова (1857–1858), Н. М. Пржевальского (1867–1869), М. М. Добровольского (1867–1872) и др.

Значение этих экспедиций огромно, поскольку собранные во время них материалы не только давали достаточно отчётливое представление о расселении коренных малочисленных народов, особенностях их духовной культуры и материального быта, представляли первые лингвистические наработки, но и ставили вопросы этногенеза дальневосточных этносов, их этнокультурных связей.

На фоне достаточно серьёзных этнографических исследований на Камчатке и в Русской Америке, так именовались владения Российской империи в Северной Америке, включавшие Аляску, Алеутские острова, Александровский архипелаг и поселения на Тихоокеанском побережье современных США (Форт-Росс), «белым пятном» в российской этнографии оставались Приамурье, Приморье и Сахалин. Это связано прежде всего с тем, что Северо-восток евроазиатского материка уже с XVII века являлся территорией Российского государства, тогда как после первых походов на Амур отрядов Хабарова, Пояркова, Степанова русские, согласно Нерчинскому договору 1689 года с маньчжурской Цинской империей, были вынуждены почти на сто лет покинуть открытые с великим трудом земли. Только в 1858 году с подписанием Айгунского договора, а в 1860 году Пекинского договора, Юг евроазиатского материка, включавший большую часть территории современного Хабаровского края, северные районы Приморья, Сахалин и часть Амурской области, стал частью Российского государства. До этого момента наука практически не располагала какими-либо сведениями о данной территории и её народах, не считая отрывочной информации землепроходцев XVII и начала XVIII века: в отчётах и отписках предводителей амурских походов Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Онуфрия Степанова упоминались жители «даурских мест» — дючеры, натки, ачань, гольдики и негидальцы, а также некоторые особенности их образа жизни, в числе которых национальные жилища («клетки безоконные»), отсутствие земледелия и скотоводства, разведение собак

как единственных домашних животных, одежда из рыбьих шкур и др.³

С момента присоединения обширных территорий Приамурья к России началось их целенаправленное этнографическое изучение, однако основа была заложена ещё в первой половине XIX века благодаря целому ряду крупных научных экспедиций. Среди них Колымская экспедиция под руководством Ф. П. Врангеля (1820–1824), экспедиция А. Ф. Миддендорфа (1844–1845), Амурская экспедиция Г. И. Невельского, поддержанная генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским (1850–1855) и исследовавшая остров Сахалин, низовья Амура и Татарский пролив. Первая естественнонаучная экспедиция в Приамурье состоялась в 1854–1856 годах, в ней принимали участие члены Императорского Русского географического общества натуралист и путешественник Р. К. Маак, ботаник К. И. Максимович, этнограф и зоолог Л. И. Шренк, и в результате, в научном обороте появились первые и достаточно обширные этнографические сведения о коренных народах Приамурья. Р. К. Маак, которого считают первым исследователем центрального региона Восточной Сибири, написал книгу «Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году», в которой нашли отражение некоторые этнографические материалы о народах Амура. Л. И. Шренк, изучавший Нижний Амур, Сахалин и Уссурийский край, издал четырёхтомник на немецком языке «Путешествия и исследования в Амурском крае, причём, третий том, полностью посвящённый этнографии Приамурья, был переведён на русский язык и опубликован в трёх частях под названием «Об инородцах Амурского края», который стал известен всему научному миру. Шренк обобщил ценнейшие сведения о быте и культуре коренных народов, он одним из первых дал описания этнотехно-

3 Сем, Ю. А. Нанайцы : материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.) : этнографические очерки / Ю. А. Сем. — Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1973.

логий, в том числе технологию обработки рыбьей кожи.

Основатель советской этнографической школы Л. Я. Штернберг называл Шренка «Колумбом этнографии Приамурского края», а другой известный дальневосточный этнограф И. А. Лопатин отмечал, что Шренк «собрал огромный материал, и в итоге его труд — основное руководство для каждого, занимающегося этнографией русского Дальнего Востока».⁴ Действительно, работа Шренка «Об инородцах Амурского края» стала первым научным изданием, где детально описаны материальная и обрядовая культура народов Приамурья и Сахалина, обозначены вопросы их этногенеза и впервые упоминалось о таком коренном народе как нивхи.

В числе первых исследователей коренного населения Приамурья, Приморья и острова Сахалин были также и православные миссионеры. Обращая аборигенов в христианство, священники, чтобы вести проповеди, изучали их язык, обычаи, записывали легендарный материал, которым впоследствии пользовались учёные.

В 1860 году в Благовещенск приехал владыка Иннокентий (Вениаминов), ставший соратником генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского. Вместе с тем он продолжал научно-исследовательскую работу по изучению амурских народов.

Свою лепту в изучение амурских этносов внёс Александр Матвеевич Протодиакон — представитель известной хабаровской семьи священнослужителей Протодиаконных. В качестве миссионера он уехал в низовья Амура в 1864 году, где прожил два года среди гольдов (устаревшее название нанайцев), изучал их язык, а затем составил гольдский словарь, написал учебник грамматики и перевёл на гольдский богословскую книгу. Другой представитель этой священнической семьи — о. Прокопий Протодиакон — не только перевёл на гольдский язык книги

4 Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования / И. А. Лопатин. — Владивосток, 1922.

христианского содержания, но записал фольклорные произведения амурских этносов, обозначив их как «Гольдские песни, былины и сказки».

Заслуживает внимания статья «Об объездах духовными лицами острова Сахалина с миссионерскими целями», опубликованная в газете «Приамурские ведомости» 29 января 1895 года.⁵ В ней говорится о том, что некоторые священники по личной инициативе отправляются в аборигенные стойбища, где совершают православные обряды для крещённых инородцев, и отмечается, что «кроме религиозно-нравственной пользы, приносимой инородцам острова, учащение объездов духовными лицами могло бы оказаться весьма полезным ещё и в этнографическом отношении, так как на этих духовных лиц может быть возложена обязанность знакомиться с нравами и обычаями инородцев и собирать о них необходимые статистические сведения, которые до настоящего времени очень бедны и часто гадательны». Таким образом, дневники и отчёты православных миссионеров также представляют определённый научный интерес, поскольку в них находятся пусть и разрозненные, но совершенно достоверные этнографические факты о традиционном укладе жизни коренных малочисленных народов Восточной Сибири.

Присоединение Амурского края к Российской империи сыграло колоссальную роль в дальнейшем развитии дальневосточной этнографии. Р. К. Маак подчёркивал, что это «событие в высшей степени благоприятное для России и счастливое для науки».⁶ Так Восточная Сибирь оказалась под пристальным вниманием Российской Академии наук, Российского географического общества, а затем и его филиалов, военных и государственных учреждений. В 1884 году Высочайшим повелением было

5 Религия и власть на Дальнем Востоке России: сб. док. Гос. арх. Хабар. кр. — Хабаровск: Част. коллекция, 2001.

6 Маак, Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 году / Р. К. Маак. — СПб.: Типография Карла Вульфа, 1859.

Гольды. Фото В. Мацкевич.
Владивосток

образовано Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области и остров Сахалин. Таким образом, выделенный из состава Восточной Сибири край, центром которого была Хабаровка, управлялся собственной администрацией, которая состояла в непосредственном подчинении царю и сенату.

С учреждением в регионе Приамурского генерал-губернаторства связано появление двух общественных научных центров — Общество изучения Амурского края во Владивостоке (1884) и Приамурский отдел Императорского Русского географического общества в Хабаровске (1894). Деятельность каждой из них, сплотивших вокруг себя лучшие силы местной интеллигенции, стала важным этапом в эволюции этнографических исследований в самом восточном регионе Российского государства.

Общество изучения Амурского края (ОИАК), самая первая научная общественная организация на Дальнем Востоке, было основано 8 апреля 1884 года. Его главная цель обозначена следующим образом: «...всестороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточного океана и сопредельных местностей и ознакомление с ними посредством собраний коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии и этнографии и археологии, научной разработки

собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинений об указанном крае, не ограничиваясь какой-либо специальностью».⁷

Деятельность ОИАК предполагала такие направления, как этнография, география, археология и осуществлялась согласно уставу, утверждённого военным губернатором Владивостока А. Ф. Фельдгаузенем, а в состав учредителей вошло 45 человек. Среди них были люди самых разных профессий и разного общественного положения. Например, заведующий переселенческим управлением Ф. Ф. Буссе, окружной инспектор училищ Приамурского края В. П. Маргаритов, князь Л. А. Кропоткин, купец М. Г. Шевелёв, краевед Л. Ф. Гриневецкий, прокурор Владивостокского окружного суда И. А. Бушуев, редактор-издатель газеты «Владивосток» Н. В. Соллогуб, врач и поэт П. И. Гомзяков и др. Почётными членами Общества стали великие князья Алексей Александрович и Александр Михайлович.

Всего за два года — с 1885 по 1887 — число членов Общества изучения Амурского края увеличилось с 45 человек до 181. Маршруты археологических и этнографических экспедиций охватывали Императорскую Гавань, Хинган, полуостров Янковского, Никольск-

⁷ Справочник научных обществ России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.snor.ru>

Уссурийский, Уссурийский залив и др. Кроме того, на Общество была возложена обязанность следить за сохранением и сбережением всех древностей в крае, что подчёркивало значимость этой научной общественной организации.

По итогам экспедиций делались научные доклады для членов Общества, с 1888 года в свет начал выходить сборник «Записки Общества изучения Амурского края» и краеведческие материалы стали публиковаться на его страницах. Материалы научных экспедиций формировали архив ОИАК, который в настоящее время является одним из старейших на Дальнем Востоке и содержит уникальные документы: 30 документальных фондов, 330 личных коллекций, 2238 карт, около 2000 фотографий, уникальные подшивки первых дальневосточных газет за период с 1885 по 1917 год — («Владивосток», «Дальний Восток», «Далёкая окраина» и др.).⁸ Эти материалы и по сей день являются важной источниковедческой базой для исследователей, поскольку в них скрупулёзно зафиксированы многие утраченные элементы духовной и материальной культуры дальневосточных этносов.

С деятельностью Общества изучения Амурского края связаны имена многих людей. Далеко не все они были профессиональными исследователями, но ими двигал интерес к совершенно иной культурной традиции, желание понять её и, что очень важно, искреннее уважение к коренным народам восточной окраины России. Помимо своих основных профессиональных обязанностей они бескорыстно служили науке, отправлялись в экспедиции, изучали местные народы, делали полевые сборы, пополняя затем историко-этнографические фонды музеев и научных обществ.

Фёдор Фёдорович Буссе (1838–1896) — автор целого ряда научных работ, посвящённых вопросам переселения, социально-экономическому развитию восточного региона,

один из инициаторов создания Общества изучения Амурского края и его первый председатель. В течение шести лет Ф. Ф. Буссе возглавлял Общество изучения Амурского края, направляя его работу в русло историко-археологических исследований. Исследователи отмечают, что именно с этого момента «начинается новый этап в изучении древностей Дальнего Востока: этнографические наблюдения и сопоставление результатов с данными археологии, работа над древними письменными источниками, где встречаются тексты, посвящённые истории народов Маньчжурии и Приморья, записи легенд и преданий».⁹ И хотя в истории становления дальневосточной этнографии Ф. Ф. Буссе нередко отводят достаточно скромное место, важно отметить, что собранные им, пусть и не многочисленные, этнографические сведения о северных этносах послужили основой для их дальнейшего накопления. А главное, во многом именно благодаря этому человеку Приморье связали крепкие нити с Русским географическим обществом.

Сподвижник Ф. Ф. Буссе — Василий Петрович Маргаритов (1854–1916), педагог, окружной инспектор училищ Приамурского края в 1886 году возглавил первую этнографическую экспедицию ОИАК. Маршрут экспедиции проходил через селения орочей, которые к тому времени были совершенно не изучены. По итогам экспедиции Маргаритов дал описание орочского жилища, его внутреннего убранства и отдельных предметов, хозяйственных построек, различных типов лодок, нарт, орудий труда, основных видов ремёсел. Кроме того, им была собрана коллекция орочских предметов, которые в настоящее время находятся в коллекции Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева, а на основе собранного этнографического материала В. П. Маргаритов написал монографию «Об орочах Императорской Гавани», опу-

8 Приморский край [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primkray.ru>

9 Шульгина, Т. С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX — начало XX в.) / Т. С. Шульгина. — Владивосток, 1989. — С. 23.

бликованной в Санкт-Петербурге в 1888 году, в которой дал подробные сведения о духовной и материальной культуре орочей. Этот труд содержит интереснейшую информацию о мифологических представлениях орочей, о погребальном обряде и медвежьем празднике, о шаманских камланиях и потому является ценным источником информации. Кроме того, В. П. Маргаритов проводил антропологические исследования среди орочей, делал зарисовки, собирал лингвистический материал, в том числе сказки, сказания, а также орочские слова (всего 400), из которых он составил словарь. Вместе с тем, неопределима его роль в формировании этнографических сведений об орочах, о которых во второй половине XIX столетия практически ничего не было известно.

Позднее, уже после учреждения Приамурского отдела Императорского Географического общества, Маргаритов написал книгу «Камчатка и её обитатели», ставшую результатом его участия в экспедиции на Камчатку, которая была организована Приамурским генерал-губернатором С. М. Духовским в связи с 200-летием присоединения Камчатки к Российскому государству. Книга вышла в Хабаровске в 1899 году и в основе своей содержала этнографические сведения из книги Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Однако Маргаритову удалось проанализировать и показать влияние русской культуры на традиционный уклад жизни коренного народа Камчатки — ительменов, а также проникновение отдельных элементов аборигенной традиции в жизнь русского населения.

Несомненную научную ценность представляет рукопись «Бытовая сторона жизни амурских инородцев. Медвежий праздник у гиляков, верования ольчей. О русском населении по Амуру, описание дер. Берёзовки и др. Обычай и быт гольдов», автор которой — учитель начальной школы, исследователь-этнограф и фольклорист Карп Дмитриевич Логиновский (1867–1922). В дальнейшем эта работа стала одним из главных источников для учёных, занимающихся изучением обрядовой

культуры нивхов. Материалы Логиновского не только разноплановы по содержанию — этнографическое описание быта коренного населения Нижнего Амура, культ животных, похоронный обряд, представления о загробном мире у нивхов, легенды, предания нанайцев и нивхов — но и максимально достоверны. Так, известный этнограф А. В. Смоляк, подчёркивала точность данных Логиновского, который ставил под сомнение некоторые выводы Шренка и приводил свои аргументы, которые позднее подтвердили экспедиции советских этнографов.¹⁰

Участником экспедиции ОИАК 1886 года был подполковник Генерального штаба Иван Павлович Надаров, оказавшего серьёзную помощь в её снаряжении. И. П. Надаров выполнял поручения военных ведомств, а попутно, в качестве увлечения, проводил научно-исследовательскую работу и внёс определённый вклад в изучение приамурских этносов. Общась с коренным населением, и конкретно с нанайцами и удэгейцами, И. П. Надаров вёл этнографические дневники, в которых фиксировал особенности их обрядов, одежды, пищи, занятий и промыслов, давал описание орудий лова и некоторых видов ремёсел, отмечал отличительные черты характера коренных народов Приамурья. Отдельные мысли о социально-экономическом положении коренных народов вошли в его «Очерк Северо-Уссурийского края», опубликованный во Владивостоке в 1884 году. Кроме того, И. П. Надаров собрал этнографическую коллекцию, представляющую культуру удэгейцев — изделия из берёсты, инструменты для выделки шкур животных, праздничный халат из рыбьей кожи, охотничьи талисманы, которые в настоящее время хранятся в фонде Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева.

Подробные сведения о культуре и материальном быте удэгейцев собрал Сергей Николаевич Браиловский — педагог, учёный-
10 Смоляк, А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX — начало XX в. / А. В. Смоляк. — М. : Наука, 1975.

лингвист. Им написан ряд статей на эту тему, а также монография «Тазы и удихэ. Опыт этнографического исследования», опубликованная в 1901 году в журнале «Живая старина». Эта работа, которая сопровождалась словарём языка удэгейцев и рисунками, получила высокую оценку Русского географического общества, а её автор был награждён золотой медалью. Для современных исследователей монография «Тазы и удихэ. Опыт этнографического исследования» также имеет серьёзное значение, несмотря на отдельные этнографические неточности, и считается лучшей научной работой по истории и культуре удэгейцев, созданной в дореволюционный период. Основной заслугой С.Н. Браиловского считают тот факт, что он впервые ввёл в научный оборот термин «удэ» и таким образом обозначил отдельную этническую группу аборигенов, которая существенно отличалась от их соседей орочей. До этого же момента всё коренное население той части Приморья, которая называлась Северо-Уссурийским краем, причисляли к орочам, хотя здесь жили удэгейцы и найцы. В частности, не делал таких различий и И.П. Надаров в своём «Очерке Северо-Уссурийского края», а также другие исследователи. Именно поэтому работу С.Н. Браиловского по изучению «удэ» можно назвать серьёзной ступенью в формировании дальневосточной этнографии.

Значительную поддержку С.Н. Браиловскому в его этнографических экспедициях оказывал Николай Александрович Пальчевский — учёный-лесничий, один из самых ярких представителей Общества изучения Амурского края, человек, сплотивший вокруг себя начинающих исследователей и давший им «путёвку в жизнь». Именно Пальчевский был первым научным наставником Владимира Клавдиевича Арсеньева, ставшего впоследствии известнейшим путешественником, учёным и писателем. Пальчевский не только делился с ним знаниями по ботанике, зоологии, этнографии, давал научные методики изучения, но и совершал с Арсеньевым со-

вместные экспедиции. В 1907 году Пальчевский составил ороцкий словарь, а кроме того им была собрана ценная коллекция культовых предметов, охотничьего и рыболовного снаряжения, образцы орнаментов аборигенов Приморья и Приамурья (в настоящее время хранится в Приморском государственном музее им. В.К. Арсеньева).

К.Д. Логиновский совершил в 1906 году на средства Общества изучения Амурского края экспедицию по сбору фольклорно-этнографических материалов. Исследователь составил собственную «Программу собирания песен, пословиц, поговорок и пр.», а также программу по сбору сведений о местных жителях, в которой были отражены такие пункты, как область распространения малочисленных народов, постоянные и временные стойбища, род занятий. Кроме того, в процессе исследования охватывались все стороны быта, обычаи, верования, медицина и др.¹¹

В 1893 году в Хабаровске, на 3-м съезде сведущих людей края, собранном по инициативе Приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом, был поднят вопрос о необходимости организовать в Хабаровске отдел Русского Императорского географического общества. Идея была Корфом поддержана, однако её воплощением занимался назначенный вслед за Корфом, из-за его внезапной смерти, генерал-губернатор С.М. Духовской, который ещё будучи начальником штаба Московского военного округа вступил в члены Русского Императорского географического общества.

Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ПОИРГО) получил официальный статус общественной научной организации в 1894 году. Возглавил его Н.И. Гродеков, действительный член Русского Императорского географического общества с 1889 года, автор нескольких научных трудов по этнографии Средней Азии.

¹¹ Шульгина, Т. С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX — начало XX в.) / Т. С. Шульгина. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.

*Типы орочей с оленями.
Фото Э. Нино. Хабаровск*

У истоков ПОИРГО стоял Н. Л. Гондатти, назначенный в тот период начальником Анадырского округа. Находясь в Хабаровске, он выполнял поручение генерал-губернатора С. М. Духовского и его заместителя Н. И. Гродекова, связанное с подготовительным этапом создания ПОИРГО, и в этом пригодился его опыт работы учёным секретарём научного общества при Московском университете.¹² Н. Л. Гондатти, учёный-этнограф, окончивший естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, сочетавший в себе черты талантливого администратора и исследователя, за время служения на Чукотке собрал ценный этнографический материал о чукчах, который обобщил в четырёх статьях, опубликованных в «Записках ПОИРГО». Кроме того, Гондатти собрал на Чукотке и передал в Этнографический музей Академии наук уникальную естественно-историческую коллекцию, на основе которой В. Г. Богораз-Тан написал очерк о материальном быте оленных чукчей, а В. Ф. Миллер использовал материалы Гондатти в своей статье об эскимосских наречиях Анадырского округа.¹³ Вклад этого учёного в формирование дальневосточной этнографии огромен, его научные труды по антропо-

логии, статистике и этнографии на Чукотке были отмечены большой золотой медалью имени академика Бера и золотой медалью Русского Императорского географического общества. Этнографические материалы, не вошедшие в научный оборот, по сей день представляют научную ценность для современных исследователей.

С первых дней существования Приамурского отдела Императорского Русского географического общества важнейшим направлением являлась экспедиционная работа. В 1894 году была организована экспедиция в Амурскую, Приморскую и Забайкальскую области, главная цель которой заключалась в изучении местных народов и разработке ряда мер по улучшению их жизни. Возглавил экспедицию чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Пётр Поликарпович Шимкевич. Он был не только этнографом, но и фотографом, собрал богатый изобразительный ряд, сделал в общей сложности около 400 снимков. Многие свои этнографические исследования Шимкевич сопровождал рисунками, благодаря которым сегодня можно узнать о многих утраченных деталях обрядовой культуры аборигенов.

В своих поездках Шимкевич пользовался этнографической анкетой, разработанной Русским географическим обществом, что позволило собрать и систематизировать значи-

¹² Дубинина, Н. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Н. Дубинина ; Приамур. геогр. о-во . — Хабаровск : [б. и.], 1997.

¹³ Там же.

тельный материал о северных этносах. Кроме того, особой графой в научной деятельности П. П. Шимкевича стало изучение духовной и обрядовой культуры нанайцев, тунгусов и якутов. За время экспедиции по Амурской, Приморской и Забайкальской областям Шимкевич записал многие сакральные обряды нанайцев, дал подробное описание их бурханов, зафиксировал старинные легенды и предания. Этот материал исследователь объединил в статье «Материалы для изучения шаманства у гольдов», опубликованной в 1896 году в «Записках Приамурского отдела Русского географического общества». Среди других научных публикаций П. П. Шимкевича — «Обычаи, поверья и предания гольдов», «Инородцы Амурского края», «Тождественность религий некультурных народов рек Конго и Амура», «Орочёны Забайкалья и их охота», «Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия», «Шаманство».

В 1899 году в жизни ПОИРГО произошло значимое событие: в лице своего представителя А. Г. Лубенцова Приамурский отдел принял участие в работе VII Международного географического конгресса в Берлине. Дальневосточника познакомили с Ф. Нансеном, «который не скрыл удивления по поводу того, что в столь далёком крае России существует учёное общество географов».¹⁴ Через год, в 1900-м, ПОИРГО участвовал во Всемирной выставке в Париже, где были представлены образцы национальной одежды амурских аборигенов, отмеченные почётными дипломами.

Однако вследствие ряда исторических событий, последовавших одно за другим, активная работа двух общественных научных центров Приамурского края — ОИАК и ПОИРГО — была на какое-то время приостановлена: Ихэтуаньское восстание в Северном Китае в 1901 году, Русско-японская война 1904–1905 годов, затем ситуация революционного кризиса, в котором оказалась Россия.

¹⁴ Востриков, Л. И. Привести в известность край... : Из истории Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества Союза ССР / Л. Востриков. — Хабаровск, 1989. — С. 63.

Но члены ОИАК и ПОИРГО, не желая поступаться интересами науки, приняли официальное решение «не участвовать в союзах, имеющих политические цели».¹⁵

С деятельностью ПОИРГО связаны такие личности, как И. П. Надаров (возглавлял Отдел с 1898 по 1902 год), С. Н. Ванков (возглавлял Отдел с 1907 по 1913 годы), В. В. Перфильев, В. П. Маргаритов, М. С. Введенский. Печатным органом ПОИРГО были «Записки Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества», 10-й том которых был опубликован в 1914 году и стал последним изданием трудов членов Общества в дореволюционный период.

Краткий анализ деятельности ОИАК и ПОИРГО позволяет сделать вывод, что во второй половине XIX — начале XX века становление и развитие дальневосточной этнографии происходило благодаря интеллектуальному вкладу очень многих людей, принадлежавших к разным профессиям и социальному положению. Так, определённую роль в формировании массива этнографических материалов сыграл известный российский фольклорист, этнограф и литератор Сергей Васильевич Максимов, который одним из первых среди своих коллег — участников «Литературной экспедиции» 1856 года побывал на Дальнем Востоке в 1959 году, прошёл на пароходном корвете «Америка» до устья Амура, подробно описал встречающиеся на его пути русские и аборигенные селения, и эти дневниковые записи включил в книгу «На Востоке. Поездка на Амур». Максимов дал общую картину расселения русских переселенцев и коренного населения вниз по Амуру, описал их взаимоотношения, пунктирно обозначил аборигенную обрядовую культуру и дал некоторые психологические характеристики коренных жителей Амура. Так, описывая гиляков (устаревшее название нивхов), Максимов отмечает, что «от Мариинского вниз по Амуру живёт

¹⁵ Востриков, Л. И. Привести в известность край... : Из истории Приамурского (Хабаровского) филиала Географического общества Союза ССР / Л. Востриков. — Хабаровск, 1989. — С. 66.

уже другое инородческое племя — гиляки, совершенно отличающиеся от мирного гольдского племени; крупные и суровые черты лица, самый взгляд, в котором много зверства и дерзости...».¹⁶

Однако ведущая роль в процессе становления дальневосточной этнографии как науки принадлежит Льву Яковлевичу Штернбергу — крупнейшему российскому этнографу, основателю ленинградской этнографической школы. За плечами этого учёного была солидная школа: физико-математический факультет Петербургского университета, юридический факультет Новороссийского университета. В 1886 году политический ссыльный Штернберг приехал на Сахалин, где и начался его путь учёного-этнографа. Изучая коренных жителей Сахалина нивхов (гиляков), айнов острова Сахалин, впервые открыв у них и объяснив культ «инау» — застругенных деревянных палочек, а затем нивхов Амура и орочей, живущих на берегу Татарского пролива, Штернберг использовал всесторонние подходы к исследованию их духовной и материальной культуры, опирался на научные методики и собрал богатейший этнографический и социологический материал, который затем был им обобщён в многочисленных научных трудах. Серьёзные лингвистические знания обуславливали глубину и достоверность исследований этого учёного.

Именно со Штернбергом связан качественно новый этап в эволюции дальневосточной этнографии. В своих исследованиях дальневосточных этносов учёный опирался на антропологическую этнографическую школу, и с этих позиций рассматривал проблемы этногенеза, этнопсихологии и этнолингвистики автохтонных народов, комплексно подходил к изучению коренного населения Сахалина и Нижнего Амура, изучал их родовой строй и брачно-семейные отношения. Именно Штернберг открыл у нивхов фактически существующий групповой брак и подробно его

16 Максимов, С. В. На Востоке. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. — СПб. : Изд. книгопродавца С.В. Звонарева, 1871.

описал, доказав тем самым «несостоятельность культурно-исторической школы, представители которой отрицали существование группового брака».¹⁷

Работой Штернберга «Сахалинские гиляки», опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» в 1893 году, заинтересовался Ф. Энгельс, опубликовав перевод газетного отчёта о статье дальневосточного этнографа в статье «О вновь открытом примере группового брака», обратил внимание на целый ряд важных положений, высказанных исследователем, а в совместной работе с К. Марксом «Вновь открытый пример группового брака» отметил, что открытие Штернберга подтвердило его предположение о групповом браке как определённой ступени в истории человечества.¹⁸

Штернберг, продолжая научное направление Л.И. Шренка, проделал серьёзную работу по проблеме классификации населения Дальневосточного региона и в итоге внёс существенные поправки и уточнения в классификацию своего предшественника. В то же время Штернберг вывел и сформулировал признаки, послужившие основой классификации народов, которые актуальны по сей день и на которые в дальнейшем опиралась советская этнографическая школа в изучении коренного населения Дальнего Востока. Научные труды Штернберга стали программными, на них опиралась советская дальневосточная этнография, они являются базовыми для современных этнографов.

Продолжателем Штернберга считают Бронислава Осиповича Пилсудского — друга и соратника этого выдающегося учёного. Их судьбы оказались во многом сходными: Пилсудский учился в Петербургском университете на юридическом факультете, за революционную деятельность был приговорён к пятнадцати годам каторги и сослан на Сахалин. В 1896 году после амнистии был переведён на положение

17 Шульгина, Т. С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX — начало XX в.) / Т. С. Шульгина. — Владивосток, 1989. — С. 112.

18 Там же.

Орочи у хижины

ссылнопоселенца, и с этого времени начался этнографический этап его жизни: Пилсудский изучал историю, быт и нравы коренного населения Сахалина — нивхов, ороков, айнов. Деятельность этого учёного была тесно связана с Обществом изучения Амурского края, по поручению которого он проделал большую работу по систематизации и составлению каталогов на этнографические коллекции айнов и нивхов.

Многолетнее изучение айнов, их культуры и быта, детальное описание и глубокий анализ обрядовой культуры сделали Пилсудского одной из знаковых фигур в этнографии этого этноса. О статусе Пилсудского в научном мире говорит и тот факт, что в 1903 году Русское географическое общество пригласило его принять участие в экспедиции на остров Хоккайдо, во время которой он записывал и переводил айнские тексты, наблюдал за жизнью айнов на Хоккайдо, сравнивал их с сородичами, проживавшими на острове Сахалин. Пилсудский собрал уникальные по объёму и содержанию айнские коллекции, которые в настоящее время являются основой Санкт-Петербургского музея антропологии и этнографии.

В ряду крупных дальневосточных учёных-этнографов начала XX века стоит имя Ивана Алексеевича Лопатина, выпускника естественно-географического отделения Казанского

университета, посвятившего всю жизнь научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Лопатин был активным членом Общества изучения Амурского края, принимал участие в крупных экспедициях по Амуру. Основное внимание учёного было сосредоточено на изучении нанайцев и орочей, их материальной и духовной культуры, фольклорных произведений. Итогом десятилетних исследований стала книга Лопатина «Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования», ставшая в российской этнографии первой сводной монографической работой о малоизвестном народе.¹⁹ Здесь даны подробные описания обработки и выделки рыбьей кожи, дальнейшей работы с этим материалом, процесс изготовления ниток из рыбьей кожи и т. д. Кроме того, Лопатин внёс определённый вклад в разработку методической базы этнографических исследований на Дальнем Востоке, разработав программу изучения нанайцев, которая была одобрена распорядительным комитетом Общества изучения Амурского края.

Активным помощником Лопатина в его научно-исследовательской деятельности был Владимир Клавдиевич Арсеньев — поистине знаковая фигура в теме дальневосточной эт-

¹⁹ Шульгина, Т. С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX — начало XX в.) / Т. С. Шульгина. — Владивосток, 1989. — С. 172.

нографии, своего рода человек-символ. Среди наиболее важных экспедиций, проведённых Приамурским отделом Императорского Русского географического общества экспедиции по южному Приморью (1902–1903) и по Сихотэ-Алиню (1906–1910), которые состоялись под руководством В. К. Арсеньева.

Деятельность Арсеньева многогранна: чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, военный топограф, путешественник, литератор. В этом списке серьёзная роль отводится его этнографическим исследованиям, поскольку изучение жизни приамурских этносов стали главным смыслом его жизни. Как отмечала М. М. Хасанова, «заслуги В. К. Арсеньева перед российской этнографией бесспорны: в течение многих лет велось изучение культуры и быта орочей, удэгейцев, нанайцев; упорядочились и пополнялись этнографические коллекции музеев Хабаровска и Владивостока; уникальными экспонатами снабжался музей антропологии и этнографии имени Петра Великого».²⁰

Арсеньев вёл переписку с видными российскими учёными Г. Н. Потаниным, Д. Н. Анучиным, П. П. Шмидтом, однако исследователи отмечают, что решающую роль в становлении Арсеньева-этнографа сыграл Л. Я. Штернберг, который был, по сути, его научным руководителем и суровым критиком его сочинений.²¹

Основной период этнографической деятельности Арсеньева и выход в свет его литературных произведений пришлись на после-революционный период («По Уссурийскому краю» — 1921, «Дерсу Узала» — 1923), однако его становление как учёного произошло ещё до 1917 года. Вклад Арсеньева в развитие дальневосточных этнографических исследований огромен, т. к. он, следуя принципу российской этнографии, всегда был честным в описании тех явлений, которые наблюдали во время своих экспедиций.

Таким образом, за сравнительно короткий срок, благодаря энтузиазму исследователей Приамурья, Приморья и острова Сахалин, среди которых были исследователи-любители, общественные и политические деятели, профессиональные учёные, «белые пятна» на этнографической карте российского Дальнего Востока исчезли, и была заложена основа дальневосточной этнографии.

В настоящее время исследователи имеют возможность черпать из научных трудов, созданных во второй половине XIX — начале XX века ценнейшие материалы, которые, в том числе, способствуют возрождению утраченных этнических ремёсел. Яркий пример — технология обработки рыбьей кожи, которая сегодня становится важным ресурсом инновационного развития современных представителей коренных малочисленных народов Севера.

В материале использованы фотографии из архива Дальневосточной государственной научной библиотеки

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древнее ремесло обработки рыбьей кожи как ресурс инновационного развития коренных народов Нижнего Амура».
Проект № 11-11-27003а/Т

20 Хасанова, М. М. Путь В. К. Арсеньева-этнографа / М. М. Хасанова ; АН СССР, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Владивосток, 1988. — (Препринт).

21 Там же

Печорин Герман Анатольевич,
профессор кафедры оркестрового
дирижирования народных,
эстрадных и духовых инструментов
Хабаровского государственного
института искусств и культуры

Джазовая культура Дальневосточного региона: проблемы перспективы развития

*Статья посвящена зарождению
дальневосточного джаза,
его успехам и достижениям
с 1968 года до наших дней.
Рассмотрено значение основания
Хабаровского института культуры
и Хабаровского училища
искусств для развития джазового
направления в регионе
и для перспектив его развития.*

В 2011 году состоялся очередной джазовый фестиваль в Хабаровске. Это событие позволяет напомнить некоторые исторические подробности его развития и обозначить значение джазовой музыки для культуры нашего региона.

Как известно, первый джазовый фестиваль состоялся в 1968 году. Успехи на Таллинском и Московском фестивалях хабаровского ансамбля Вадима Горовица положили начало многих праздников джаза в нашем городе. Каким же было продолжение? Дальневосточный джаз не сдал своих позиций.

С основанием в 1968 году института культуры стало ясно, что будущее в музыкальной культуре Дальнего Востока принадлежит выпускникам этого вуза — теперь это основа хабаровского джаза. При институте искусств и культуры, в колледже искусств были открыты эстрадные отделения и кафедры, которые

стали готовить инструменталистов джазовой специализации. Эти учебные заведения работают в тесной связи — «колледж — институт искусств и культуры».

Сегодня эстрадное отделение колледжа искусств полностью укомплектовано выпускниками института — это народный артист России В. Захаров, В. Поздняков, И. Душников, А. Березняк.

Но обратимся к фестивалю «Дальневосточный джаз — 2003». Вспоминая достижения прошлого, мы сможем увидеть новые возможности для развития музыкальных фестивалей в нашем городе.

28 марта был открыт восьмой региональный фестиваль джазовой музыки, посвящённый 65-летию Хабаровского края, 145-летию города Хабаровска, 80-летию российского джаза. Три дня проходили концерты в краевом театре драмы. На фестиваль приехали ансамбли и оркестры из Владивостока, Благовещенска, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре, Москвы.

На фестивале можно было услышать великолепное разнообразие стилей и были представлены практически все направления джаза: свинг сменялся виртуозным би-бопом, диксиленд-джаз-роком, кул-фри-джазом. Этот фестиваль был истинным праздником, значительным событием в культуре региона, демонстрируя мощь кадров в нашем музыкальном искусстве.

Давно существует биг-бэнд краевого колледжа искусств под руководством заслуженного работника культуры С. П. Кузнецова. Это концертирующий оркестр с довольно насыщенной и разнообразной программой выступлений. У оркестра в городе есть имя, афиши, популярность, аншлаги, признание ценителей. Надо видеть наших ведущих музыкантов всех вместе — это В. Захарова, В. Бондаренко, С. Шиндрикова, В. Кудреватых, С. Тимченко, В. Абакумов и т. д. Учащимся колледжа просто повезло, что они играют рядом со звёздами джаза. Когда-нибудь на их месте, возможно, окажутся они сами.

Несколько слов о ведущем джазмене Вячеславе Захарове. Он основоположник хабаровского джаза — лауреат конкурса в Таллинне и Москве, народный артист России, выпускник кафедры музыкальной эстрады и джаза института искусств и культуры. Всю сознательную жизнь посвятил музыке, внёс огромный вклад в развитие джазовой музыки на Дальнем Востоке. Более того, на него равнялись и равняются, ему подражают все те, кто стремился постичь это искусство — искусство импровизации. В справочнике «Всё о джазе», теперь уже популярном у джазменов, есть подробная его биография: место учёбы, партнёры, гастроли. Фестиваль показал, что В. Захаров всегда в хорошей форме и ещё долго будет радовать дальневосточного слушателя.

В успехе оркестра штаба КДВО под руководством капитана П. С. Сергеенко никто не сомневался, хотя коллектив не частый гость джазовых мероприятий. Это связано с тем, что у военного оркестра иные функции, специфика и нагрузка, работа по эстетическому воспитанию молодёжи в войсках, концерты и т. д. И всё же руководство находит время выступить на фестивале «Дальневосточный джаз — 2011». Мастерство, профессионализм позволяет оркестру обращаться к произведениям различных стилей и жанров от академической музыки до джазовых произведений.

Нельзя не вспомнить постоянного участника всех джазовых выступлений оркестра Биробиджанского колледжа культуры и его бессменного руководителя заслуженного работника культуры Г. Богаченко — человека любящего свою профессию, студентов.

Отточенность звучания инструментов, слаженность оркестровых групп — всё это говорит о большой проделанной работе руководителя. Его биография не замыкается в круг работы педагога училища. Это великолепный трубач прошёл большой творческий путь: гастролировал с ансамблем «Дальний Восток» по всей стране, работал в группе «Слайд» в Мо-

ске, в оркестре радио и телевидения в Киеве, ансамбле Эдиты Пьехи, участвовал в международных джаз фестивалях, играл с лучшими музыкантами мира на гастролях в США, Голландии, Канаде и т. д. Но зов нации вернул его в родной Биробиджан. С 1992 года — он заведующий эстрадным отделением колледжа культуры, руководитель муниципального оркестра, педагог влюблённый в джаз.

И, наконец, последний биг-бэнд под управлением заслуженного работника культуры А. К. Юрковского. Оркестр не новичок в концертной деятельности. История создания коллектива уходит в далёкие 30-е годы. Трудно сказать, кому принадлежала инициатива создания эстрадно-духового оркестра. Очевидно то, что это было естественная необходимость в развитии духовных потребностей первостроителей и рабочих завода посёлка Дзёмги. Первое выступление состоялось в знаменательный день создания заводом первого самолёта — 6 мая 1936 года. В эти годы коллектив прошёл большой творческий путь: гастролировал в Москве, Нижнем Тагиле, Екатеринбурге.

Основной состав оркестра — это рабочие завода, студенты, школьники. На прошедшем фестивале оркестр продемонстрировал сложную разнообразную программу, и их выступление запомнилось многим.

Будем надеяться, что авиационное объединение ни на минуту не усомнится в том, что музыка этого оркестра нужна слушателю сейчас может быть даже больше, чем ранее. Наш фестиваль показал, что на Дальнем Востоке растёт число джазовых коллективов и их музыкальное мастерство. Однако в последнее время интерес к джазовой музыке ослабевает.

Этому есть несколько причин. Одна из них — недостаточно сильная пропаганда джаза (впрочем, как и других направлений музыкального искусства), слабое продвижение идеи ценности развития региональной культуры на телевидении и других СМИ и многое другое. Вспоминая организацию прошлого

фестиваля, нельзя не отметить огромную работу отдельных энтузиастов, и, прежде всего, известного продюсера Валерия Хусаинова. Своим успехом (а он очевиден) фестиваль обязан этому равнодушному к джазовому искусству человеку.

Главная цель фестиваля достигнута — состоялся большой яркий праздник, на котором музыканты-профессионалы и любители смогли показать всё лучшее, что создано многолетними занятиями и постоянными поисками новых звучаний.

Искусство джаза считается элитарным, как и классическая музыка. Он доступен не каждому, хотя это огромный пласт в мировой музыкальной культуре. Проведение праздников джазовой музыки в Хабаровске говорит о том, что в нашем городе этот музыкальный жанр находит понимание у тех, кто отвечает и за развитие музыкальной культуры и за воспитательную работу с молодёжью. Организация фестивалей — дело сложное и достаточно хлопотное, и без поддержки молодёжных организаций, местной власти весьма затруднительно провести такие представительные мероприятия.

Тем не менее, есть очевидные проблемы. Например, неоправданно долго ведутся разговоры о создании в краевом центре муниципального эстрадно-джазового оркестра, который снял бы загруженность оркестра штаба КДВО на всех гражданских концертах и выступлениях, создал бы дополнительные места для музыкантов — выпускников института искусств и культуры и Краевого колледжа искусств.

На данный момент актуален вопрос: «Почему сегодня музыканты уезжают в Юго-Восточную Азию и Китай на заработки?». Среди музыкантов Хабаровска уже нет ведущих джазменов: В. Болонкина, С. Останина, М. Поны, А. Носуля и т. д. Все они получили образование в нашем городе и теперь радуют своим мастерством японцев, корейцев и китайцев. Необходимы адекватные меры привлечения и закрепления творческой интелли-

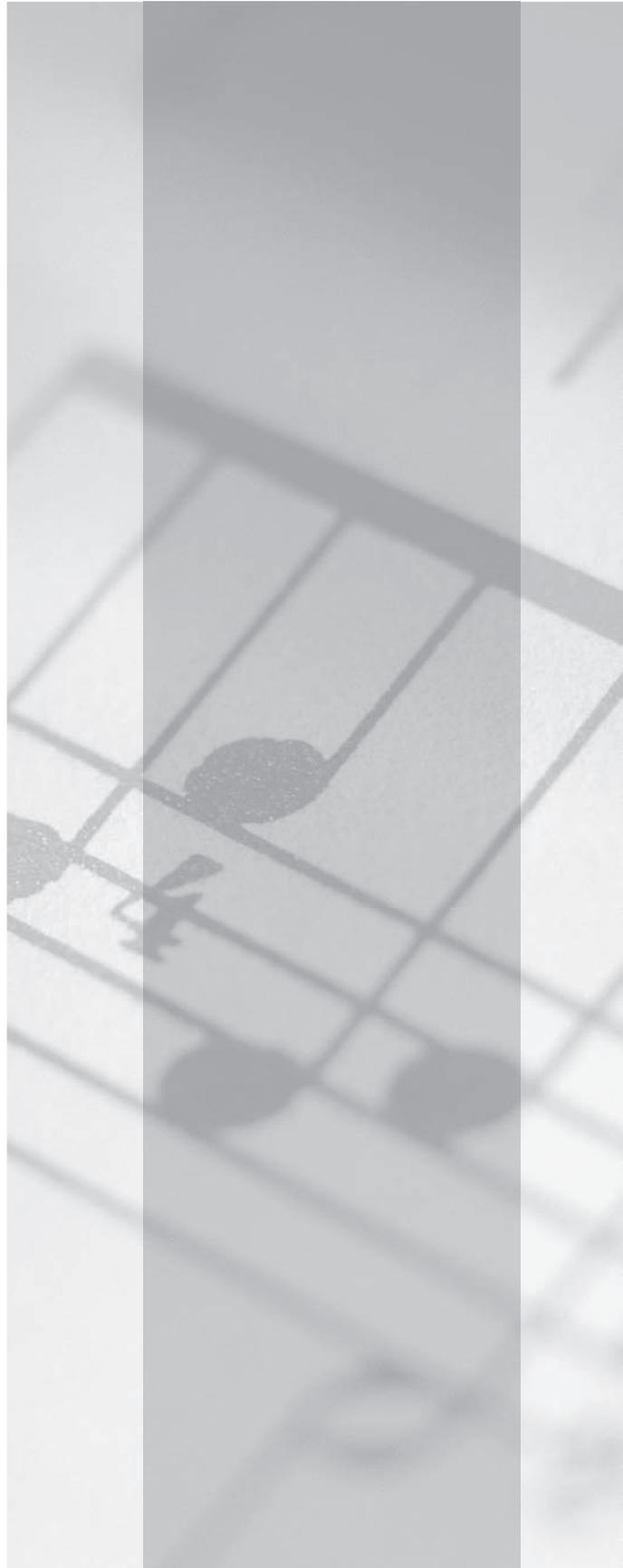
генции в регионе. Невниманием к творческим людям мы никогда не поднимем музыкальную культуру Дальнего Востока. Не секрет, что выпускники краевого колледжа искусств и института искусств и культуры зачастую не востребованы и поэтому вынуждены заниматься не своим жанром.

Мы все ещё помним оркестры в кино-театре «Гигант», при филармонии оркестр «Дальний Восток», в каждом Доме культуры эстрадный ансамбль, обслуживающий танцевальные вечера и т.д. Молодые музыканты занимались как эстрадной музыкой, так и джазом. В каждом кафе, ресторане был штат из пять — шести музыкантов. Сегодня ситуация кардинально изменилась — повсюду караоке, дискотеки, в лучшем случае возможна игра двух музыкантов.

Следует серьёзно задуматься над созданием условий для профессиональных музыкантов, чтобы их деятельность стала востребованной, а талант не ушёл за границу.

Социальная политика нашего региона должна быть основана на постулате: «Без роста культуры не будет роста экономики».

Надеемся, что очередной фестиваль джазовой музыки показал, что в городе есть силы, бережно несущие на руках музыкальную культуру. Фестиваль на берегах Амура может и должен стать традиционным и всегда радовать тех, кто неравнодушен к этому чудесному искусству, имя которому — ДЖАЗ.

Мишуров Геннадий Сергеевич,
профессор Белорусского
государственного университета
культуры и искусств,
доктор искусствоведения

Полистилистика в народно-инструментальной музыке

В своей статье автор рассматривает проблемы развития полистилистики в процессе создания современного репертуара в народно-инструментальной музыке. В данной работе актуальные вопросы использования полистилистики в народно-музыкальном творчестве ставятся впервые.

При анализе художественного музыкального искусства особый интерес вызывает взаимосвязь традиционной народно-инструментальной музыки с современными тенденциями. При этом нам интересны, прежде всего, историко-теоретический аспект этой проблемы и практическое наследование народной музыки. Такая взаимосвязь в настоящее время рассматривается как художественный процесс стилового синтеза в музыкальной культуре второй половины XX века. Если музыкальный стиль понимать как историческую эпоху в искусстве с определённым социально-эстетическим содержанием, то обнаруживается, что в результате его восприятия он творчески синтезируется с различными модификациями темпа, динамики, штрихов, полифонии, гармонии, интонации и др. Поэтому музыкальный стиль отражает не только стилистические признаки тех или иных музыкальных явлений, но и характерные особенности конкретной исторической

эпохи. Прежде чем говорить о полистилистике, обратимся к содержанию термина «стиль» и рассмотрим значение понятия «стилизация».

Понятие стиля в музыкальном искусстве связано с музыкально-эстетическим и музыкально-историческим направлениями во взаимодействии содержания и формы. Под последней понимается вся совокупность выразительных средств, включая элементы музыкального языка и композиционных приёмов.

Музыкальный стиль как понятие зародился в конце эпохи Возрождения, в период становления и развития особенностей музыкальной композиции, получивших отражение в эстетике и теории музыки. Как видим, его развитие прошло довольно длительный путь и являлось предметом многочисленных дискуссий, которые связаны, прежде всего, с определением стиля. Под ним понимают как индивидуальные особенности композиторского письма, творческий почерк композитора, так и общие особенности письма группы композиторов, которые выражают стиль той или иной школы. Существует определение «национальный стиль», относящееся к определённой стране. Используется понятие «жанровый стиль», которым отмечают особенности произведений соответствующей жанровой группы.

Мы считаем, что наиболее верно употреблять понятие стиля, имея в виду стилистические тенденции в музыкальной культуре данной эпохи или в творчестве конкретного композитора. Иногда в среде музыкантов встречаются выражения «произведение, написанное в таком-то стиле или не в современном стиле», «произведение не соответствует современному стилю». В данном случае наблюдается смешение понятий стиля, метода, направления. Эти понятия широко употребляются в научной литературе, однако чёткого разграничения их значения нет. Такие авторы, как А. Л. Сохар, М. К. Михайлов, характеризуя их, одновременно расширяют их значение. Так, например, они предлагают рассматривать стиль, кроме других значений, как систему. В таком значении

термин «стиль» широко употреблялся учёными в 1960–1970-е годы прошлого столетия.

Не менее важно правильное понимание термина «стилизация». Синтезирующий стиль композитора плавно переходит в стилизацию по мере творческого процесса. Этот процесс предполагает использование всех средств выразительности, характерных для стиля того или иного композитора, эпохи или направления. Использование полистилистики характерно для И. Ф. Стравинского, С. С. Прокофьева, А. Н. Скрябина, Д. Д. Шостаковича. В их сочинениях канонизированные типы стилистики сохраняются и в структурах музыкальных форм. Именно в каждой музыкальной форме, как и в жанре, заложены свои стилистические возможности. Например, в вариациях на заимствованную тему стилистика развёртывается часто как движение от характера к концертной авторской индивидуальной обработке народно-инструментальной музыки. Иногда противопоставление проникает в сами вариации, каждая из которых становится своеобразной. Во второй половине XX века и в начале XXI века для композиторов характерно усиление интереса к практике народно-инструментальной музыки.

Всё активнее идёт процесс вовлечения в музыкальную народно-творческую культуру музыки неевропейских народов, ширится взаимодействие различных стилей в творчестве отдельных композиторов. В музыковедческих исследованиях стало больше уделяться внимания не только стилистическим характеристикам классических произведений, но и современных. Большой интерес вызвало творчество А. Г. Шнитке, предпринимаются попытки его теоретического осмысления. В его творчестве ярко проявился феномен полистилистики.

В данной работе актуальные вопросы использования полистилистики в народно-музыкальном творчестве ставятся впервые. Они рассматриваются в русле современных процессов стилиобразования с новых методологических и эстетических позиций, отмечаются особенности композиторской практики конца XX–XXI ве-

ков. В настоящий период многие исследователи уделяют внимание проявлению полистилистики в произведениях композиторов современной эпохи, а что касается произведений народно-художественной культуры, то здесь музыковеды ограничиваются исключительно стилем «народный». И лишь косвенно в своих исследованиях обращаются к некоторым приёмам, как, например, цитированию текста, то есть неожиданному введению фрагментов из чужих произведений, резко контрастирующих по стилю с авторской манерой письма.

На рубеже XX–XXI столетий наиболее интересны исследования М. Арановского, Л. Акопяна, А. Козаренко, Е. Котляревской, И. Коханик, В. Москаленко, И. Пяковского, А. Самойленко, С. Шипа и других. В их работах чётко прослеживаются два направления музыкальной текстологии: имманентный подход; использование композиторами различных текстовых взаимодействий и приёмов интертекстуальности и полистилистики. К сожалению, в публикациях встречаются такие факты, которые не следовало бы относить к полистилистике как цитированию народных мелодий, которые в изобилии встречаются в музыке разных эпох. Ведь отдельные авторские темы песен постепенно становятся народными, и композиторы народной музыки в своих сочинениях вполне могут использовать чужую тему, то есть другого автора, и с учётом своих интересов вкладывать новую смысловую направленность в использованную тему или фрагмент. Такой композиционный приём у народников используется и в настоящее время. Например, когда композитор обращается к стилю другого автора, то уже появляется новый стиль, то есть происходит, так сказать, скрытая антистилистика чужого стиля. Но всё-таки свой, авторский стиль играет главенствующую роль в сочинении, а используемый чужой стиль имеет второстепенное значение. Иначе говоря, происходит скрытая полемика. В практике композиторы народной музыки часто цитируют сочинения других композиторов, в результате появляются

оригинальные концертные произведения благодаря методу полистилистики. А. Шнитке обращается к полистилистике, аллюзии, адаптации, использует коллаж, цитаты. Е. Назайкинский отмечает, что на первый взгляд может показаться, что полистилистика у А. Шнитке представляет собой лишь перифраз филологических толкований стилистики уже известного и апробированного термина. Думается, для уточнения данного вопроса лучше всего привести высказывание самого А. Шнитке: «...Допустимо ли слово «полистилистика» по отношению к неуловимой игре временных и пространственных ассоциаций, неизбежно навеваемых музыкой? Ведь в скрытом виде полистилистическая тенденция существует и существовала в любой музыке, ибо музыка стилистически стерильная была бы мёртвой. Так стоит ли об этом говорить?» И дальше, полемизируя, добавляет: «Говорить необходимо, потому что в последнее десятилетие полистилистика оформилась в сознательный приём — даже не цитируя, композитор заранее планирует полистилистический эффект, будь то эффект шока от коллажного столкновения музыкальных времён, будь то скольжение по фазам музыкальной истории или тончайшие, как бы случайные, аллюзии» [1, с. 329].

Наша главная задача при рассмотрении использования полистилистики в народно-инструментальной музыке заключается в том, чтобы чётко определить взаимоотношение «чужой — свой» и «свой — чужой», то есть нас интересует преобразование чужого текстового материала в собственном эффекте звучания в творчестве композиторов последних десятилетий.

В XX столетии возникло много различных течений, каждый композитор пытался найти своё русло в творческом пути. К началу XXI века главным в стилеобразовании стал художественный синтез, ведущий к полисистемному музыкальному мышлению в народно-инструментальной культуре. В новое столетие создаются разностилевые произведения в разных жанрах. Бурный рост популярности професси-

ональных народных инструментов и развитие исполнительского мастерства потребовали неотложного решения многих проблем. Главная из них — это разработка методики обучения студентов по вопросам теории и практики современного исполнительства с учётом нового стилиобразования в музыке, новых приёмов, средств выразительности. Именно они определяют для каждого штриха характер звукоизвлечения, который, собственно, и помогает народным инструментам расширить их художественные выразительные возможности. Такие народные инструменты как баян, балалайка, домра, цимбалы, гусли и духовые инструменты являются не только солирующими, но также входят во многие составы ансамблей, которые родственны по стилю или близки к ним. Все названные народные инструменты можно с уверенностью отнести к молодым инструментам эпохи XX века. Произошёл невероятно гигантский скачок в развитии и совершенствовании композиторского текста, достигнуто высокое исполнительское мастерство в народном стиле. В развитии исполнительского репертуара в начале XX века для народных инструментов можно отметить следующее. Прежде всего подчеркнём, что композиторов, работающих в народном стиле, просто не было. Приходилось удовлетворяться обработками для исполнителей народных мелодий.

Во-вторых, возрос интерес исполнителей к переложению классических произведений крупной формы для народных инструментов. Мы имеем в виду произведения М. И. Глинки, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, С. В. Рахманинова, Ш. К. Сен-Санса, Дж. Россини и других. Переложения давали возможность решить разносторонние художественные задачи на примере самых высокохудожественных образцов музыкального текста разных эпох, стилей, жанров.

В-третьих, отметим большую роль художественного опыта прошлого в развитии народно-инструментального искусства. В связи с этим остро встаёт проблема заимствования материала. Вместе с активным цитировани-

ем музыки из сочинений создавались новые жанры, стили, формы, образы. Такое явление Е. Шевлякова называет «мнемонической функцией». Бурный всплеск интереса в народном искусстве к формированию репертуара, национальным формам, профессиональному исполнительству, фольклорным истокам произошёл в 1920–1950-е годы.

Первыми создателями народно-инструментального репертуара были преподаватели Киевской консерватории М. М. Гелис, Н. И. Ризоль (его ученик), И. Д. Алексеева, Е. Г. Блинов, Т. И. Вольская, которые активно способствовали постоянному содружеству исполнителей и педагогов с композиторами. Так, например, М. М. Гелис обратился к композиторам с просьбой о создании новых произведений для народных инструментов, подчеркнув, что это, в свою очередь, будет способствовать популяризации их сочинений. Л. Г. Бендерский описывает такой факт: «Ещё в начале тридцатых годов музыкант обратился к композитору М. А. Скорульскому с предложением пересочинить для оркестра народных инструментов только что написанное им для струнного квартета «Интермеццо» на тему народного восстания в селе Турбан. От этого, как считал М. М. Гелис, идейное содержание произведения, отражающее дух бунтарской народной песни, только выиграет. Интермеццо было пересочинено композитором. А затем, доинструментованное Гелисом, добавившим в партитуру балалайки и концертины, было в таком виде издано в 1940 году с авторским посвящением оркестру народных инструментов Киевской консерватории» [2, с. 85]. Этот пример свидетельствует о феномене переплетения нескольких стилиобразований, о взаимоотношениях «свой — чужой», «чужой — свой». Можно говорить о том, что существует столько видов полистилистики, сколько индивидуальных композиторских стилей, учитывая тенденцию последних к автономности.

Назовём ещё исключительно талантливый образец народной музыки. М. М. Гелис обратился к известному композитору Р. М. Глиэру с предложением написать сим-

фонию для народных инструментов. «Маститый композитор ответил, что не знает этих инструментов, но тут же добавил: «Надо изучить их». И вот во время войны, в сентябре 1942 года, в Москве видный советский музыкант, будучи уже в преклонном возрасте, изучив основы инструментовки оркестра народных инструментов сочинил симфонию — крупное, монументальное сочинение из пяти частей, близкое по направлению сочинениям С. Василенко для народного оркестра» (там же). Этот путь взаимодействия с известными композиторами способствовал расширению репертуара для народных инструментов. Указанные примеры свидетельствуют о стилевых особенностях в текстах авторов, которые отражают стремление к стилистической универсальности. Ведь в произведении используются народные темы либо темы, написанные в народном стиле, но подвергшиеся стилевым изменениям в творчестве композиторов и в аранжировке М. М. Гелиса благодаря введению новых голосов в партитуре. Таким образом, в произведение вкладывается новая смысловая направленность в виде скрытой полемики с предыдущим стилем, в чём, собственно, и выражаются полистилистические тенденции в народно-инструментальной культуре XX века.

В решении задачи расширения репертуара для народных инструментов использовался ещё один путь — путь создания новых сочинений исполнителями на народных инструментах. Исполнители активно включились в концертную обработку народных мелодий, хотя не имели специального композиторского образования. Такой путь широко применялся в практике освобождённых исполнителей. В их число нередко входили преподаватели средних и высших учебных заведений. Самыми талантливыми исполнителями-баянистами в начале XX столетия были Н. И. Ризоль и И. Я. Паницкий, чьи обработки вошли в основной репертуар учебных заведений. На этих произведениях воспитано не одно поколение. Обработки данных авторов использовались для игры на всех видах народ-

ных инструментов, они звучали в исполнении солистов, ансамблей, оркестров. Широкую известность получила обработка Н. И. Ризолем песни «Ах ты, душечка». В начале произведение звучит задумчиво, широко, континентно, а главная тема народной песни изложена с элементами полифонии. В произведении средствами инструментальной музыки создаётся аккордовая фактура на проведение повторяющейся главной темы, затем следует вариационная форма изложения основной темы.

Поиски новых концепций, которыми характеризуется прошедшее столетие, расширение образно-технических возможностей, направленных на воплощение современного мировоззрения, связаны со стилевым синтезом. Благодаря использованию принципов полифонического мышления и приёмов полифонического развития существенно обогатился национальный стиль в народно-инструментальной музыке. В полифоническом стиле Н. И. Ризоля чётко выражается его полифоническое мышление. Полифоническое письмо этого композитора позволяет говорить о музыкальном континууме, для которого характерна пространственная соразмерность линейно движущихся голосов, данных в темпоральном единстве, что не противоречит пространственности и времени архитектурного решения. Такой полифонический приём наблюдается во всех обработанных Н. И. Ризолем полифонических произведениях, в произведениях, где встречаются элементы полифонии.

Другой не менее талантливый композитор-народник И. Я. Паницкий впервые обработал народную мелодию «Ноченька», для которой характерно широкое изложение полифонических голосов аккордно-гармонической фактуры с их прозрачным красочным звучанием. В этом произведении стиль свободной полифонии доведён до высшего профессионального уровня. Вспомним слова М. И. Глинки, учившегося у немецких и итальянских мастеров, в которых им сформулирована задача русских композиторов: «Связать фугу западную с условиями нашей музыки узами закон-

ного брака». В данном случае он имел в виду технику западноевропейской полифонии. Условия применения этой техники мыслились как самобытно национальные. Искусствоведы в своих исследованиях обращают внимание на «технические» стороны национальной песни с целью сохранения самобытного национального стиля. Неслучайно на одном всесоюзном конкурсе в программе его участников было предусмотрено исполнение «Ноченьки» как обязательного произведения. В данном произведении обнаруживают себя очень логично собственно полифонические приёмы, присущие ещё стилю Баха. И в настоящее время указанные произведения известных музыкантов-народников остаются актуальными в народно-полифонической полистилистике.

Проявление полистилистики наблюдается в сочинениях, впервые специально созданных для народных инструментов, в форме концерта для баяна с оркестром композитором Ф. А. Рубцовым. Мы имеем в виду концерты № 1 и № 2. Позднее сочинены два концерта и Пер-

вая соната композитором Н. Я. Чайкиным. Все названные концерты были исполнены автором данной работы. Для домры с оркестром народных инструментов известным композитором Н. Будашкиным написан концерт. Эти монументальные произведения в форме концерта и сонаты послужили своеобразной основой для введения исследователями термина «полистилистика в народно-инструментальной музыке». В названных произведениях воплотились выразительные средства, специфические качества русского народного музыкального искусства. Такие уникальные произведения положили начало последующему стремительному развитию народной музыкальной культуры.

Мы не ставили своей целью дать теоретический анализ указанных произведений, а лишь хотели показать, как развивался процесс создания современного репертуара с использованием нового стилиобразования, для чего обратились к сочинениям с конкретными признаками полистилистики в народно-инструментальном искусстве.

Список использованных источников

1. Холопова, В. Альфред Шнитке : очерк жизни и творчества / В. Холопова, Е. Чигарева. — М. : Совет. композитор, 1990.
2. Бендерский, Л. Г. Киевская школа воспитания исполнителя на народных инструментах / Л. Г. Бендерский. — Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1992.
3. Назайкинский, Е. Принципы единовременного контраста / Н. Назайкинский // Русская книга о Бахе / ред.-сост. Т. Ливанова, В. Протопопов. — М., 1985. — С. 265–294.
4. Энциклопедический музыкальный словарь / гл. ред. Ю. Келдыш. — М. : Совет. энцикл., 1990.

Шишкина Виктория Авенировна,
профессор кафедры дизайна
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета,
искусствовед, член Союза
художников России, доктор
педагогических наук

Воспоминания о художниках-педагогах хабаровского худграфа

*Статья посвящена художникам,
которые не только много
работали творчески,
но и годами совмещали
это с нелёгким трудом
педагога на художественно-
графическом факультете
Хабаровского государственного
педагогического института.*

Рождённый в 1959 году, наш факультет начинался с деятельности двух преподавателей Е.И. Потаповой и Е.И. Вольгушева. В числе первых педагогов по специальным художественным дисциплинам были Л.А. Альбинский, А.М. Максимовский, Б.С. Павлов, Б.С. Петров, А.П. Плахов, В.М. Соломенцев, В.И. Ярошенко и др. Из первого потока художников-педагогов мне довелось учиться, а затем работать с Е.И. Вольгушевым. Со временем факультет рос, изменялся состав кафедр, в его стены постоянно приходили другие люди, иногда не оставаясь там надолго, и поэтому вспомнить всех поимённо не представляется возможным. Так как содержание статьи в значительной мере построено на материале личных впечатлений, встреч и наблюдений, то это предопределило полумемуарный характер повествования. Кто-то из преподавателей учил меня,

*Группа преподавателей
художественно-
графического факультета.*

Нижний ряд:

*А. И. Бельды,
С. Н. Золоторёв,
Е. И. Вольгушев,
В. Т. Сахатов.*

Верхний ряд:

*Д. А. Романюк,
В. Е. Девятко,
В. К. Амелянчик*

а кто-то просто в это время работал в параллельной группе курса, чьи-то творческие работы «приковали» внимание на выставке, а с кем-то позднее свела судьба в каждодневной многолетней работе на факультете. Более того, у автора нет возможности в рамках данной публикации дать глубокие характеристики творчеству наших преподавателей. И всё же речь в статье идёт о тех, с кем были связаны самые интересные годы жизни, кого автор искренне любит и кому благодарен за годы учёбы, кто вошёл в его жизнь, порой предопределив в ней какие-то повороты.

Первым педагогом в нашей группе по специальным дисциплинам был Г. М. Кутуров. Требовательность и внимание к нам Геннадия Матвеевича были очевидны, как и стремление привить чувство ответственности за выполняемые задания. Начало наших отношений было непростым. Мы не вполне понимали как это: «нельзя срисовывать», а образное выражение «рисовать надо головой и чувствовать форму» повергало в недоумение. «Рисунок должен быть конструктивный», часто говорил Геннадий Матвеевич, терпеливо прорисовывая решение творческой задачи для тугодумов, в том числе и для меня, прямо на краю листа. Сам Г. М. Кутуров занимался в то время и графикой и живописью, обращаясь к разным жанрам, успешно экспериментировал в смешанных техниках, совершал

творческие поездки на Камчатку и Сахалин («Думы», 1973; «Дома», 1973; «Амурские волны», 1973). Это может показаться неожиданным, но уже с первых курсов мы живо интересовались тем, как работают сами педагоги, пытались как-то осмыслить увиденные произведения во время ежегодных творческих отчётов преподавателей на факультете или в музейной экспозиции. В коллекции Дальневосточного художественного музея есть портрет Г. М. Кутурова, выполненный графиком Н. И. Холодом, в котором очень точно передано сходство и характер этого скромного и обаятельного человека.

Одетую фигуру мы писали с А. И. Бельды, справедливо требовавшего от нас качественного подготовительного рисунка. Когда Андрей Иченгаевич исправлял наши задания и поясняя, настолько увлекался, что речь его становилась необычайно быстрой, проявляя мягкий акцент, движения рук стремительными, а испорченная композиция на глазах начинала постепенно «оживать». Помню свою первую встречу с картиной А. И. Бельды «Портрет проводника В. К. Арсеньева — Гейкера Комбока» (1974) в небольшом зале на пятом этаже музея по улице Карла Маркса, 15. Плотную, пастозную и одновременно цветную живопись, с уверенным композиционным решением, в которой чувствовалось основательное академическое образование

художника. От холста исходило настроение гармонии и покоя, и седобородый старик в национальном халате, написанный на фоне неолитических петроглифов, был олицетворением мудрости самой природы. Сейчас этот замечательный холст находится в коллекции Дальневосточного художественного музея.

У каждого педагога на факультете была своя, авторская методика работы, что, конечно, совершенно очевидно при обучении творческим дисциплинам. Каждый мастер вёл нас своим путём к постижению трудных законов изобразительного искусства, но единым было одно: требовательность, полная самоотдача и честность в работе. Маленькие «чудеса» позволяла творить великолепная академическая подготовка Степана Матвеевича Федотова. Долго и пристально рассматривая безнадежно испорченную работу студента, где всё смешалось в липкое месиво, он мог буквально двумя или тремя движениями кисти возродить этюд. Такие ошеломительные виртуозные ходы С. М. Федотов демонстрировал не раз, всегда повергая студентов в тихое восторженное изумление. Случалось С. М. Федотов иногда исчезал на неделю, но вернувшись в мастерскую всегда навёрстывал упущенное, умея собрать студентов буквально «из-под земли» (мобильников тогда не было), и заставив их работать и в субботу, и в воскресенье до глубокого вечера. Однажды на защите дипломных работ Степан Матвеевич внезапно исчез, хотя всегда был активным членом ГЭК, выступая всегда по сути и делая точные критические замечания. Близилась защита его дипломницы, и Степан Матвеевич появился в зале буквально за пару минут до начала, был взволнованным и покрасневшимся. Его облик преобразился: лысина, руки до локтя и грудь светлой новой рубашки неожиданно оказались в изумрудных разводах. Через минуту в зале появилась заплаканная, но успокоенная студентка, на вытянутых руках она торжественно несла на защиту влажный холст, от которого нестерпимо, до рези в глазах

пахло растворителем. Оказывается, накануне она решила полностью переписать завершённую и одобренную кафедрой дипломную композицию, мысленно увидев её в зелёной колористической гамме, чем безнадежно испортила. Вот эта готовность всегда прийти на помощь, или «сидеть» с толковым студентом, не считаясь с личным временем — ещё одна черта, свойственная художникам-педагогам худграфа. Степан Матвеевич, анализируя подготовительный материал к дипломным работам, часто приговаривал студентам: «А изюминку пока так и не нашли». И это означало одно — надо упорно искать и искать дальше. В вопросах творчества доброжелательный С. М. Федотов всегда был строгим и требовательным. Всеобщая любовь того времени к носителям романтических профессий оставила заметный след в творчестве Степана Матвеевича, воплотившись в цикл композиций, посвящённый вулканологам («Станция вулканологов», 1967). Когда я впервые в конце 1980-х годов попаду на Камчатку, то испытаю чувство «окружённости» этюдами и холстами С. М. Федотова, настолько точно было передано настроение и характер этих мест, а многочисленные пейзажи Забайкалья, где так любил работать Степан Матвеевич, помогут представить места, откуда пришли на Амур мои предки.

Без сомнения, одной из ярких личностей на факультете был Е. М. Фентисов, отдавший педагогической деятельности много лет. Поразительная начитанность и глубина мысли, прекрасное знание истории изобразительного искусства и нестандартность теоретических идей делали его замечательным собеседником. Неудивительно, что им был разработан интересный авторский курс по теории композиции для студентов. Мне довелось наблюдать работу Евгения Михайловича в качестве руководителя дипломной работы у моих подруг. Характерно, что он старался донести творческую идею именно движением мысли, а не работой собственного карандаша в эскизе студента, будучи

*В. Н. Джунь со студентами
в скульптурной мастерской*

глубоко уверенным, что дипломная работа должна быть именно авторской. Неслучайно, что при Евгении Михайловиче на худграфе сложилось что-то вроде студенческой творческой киногруппы. Ему всегда удавалось найти единомышленников среди студентов, готовых дни и ночи пропадать в фотолаборатории института. Кинокамерой «Красногорск», укрепленной на штативе, в режиме поккадровой съёмки был снят не один мультипликационный фильм, главным образом в технике плоской марионетки. Тематика была разнообразной: о худграфе, экранизировали также сказки и даже делали натурные съёмки по сценариям студентов. Научным руководителем был, конечно, Е. М. Фентисов, получивший прекрасное базовое образование во ВГИКе, а техническое руководство качественно осуществлял преподаватель Иван Павлович Анашкин, строгость и требовательность которого, также не были пустой выдумкой. Сколько радости потом доставляли всем просмотры фильмов во время юбилейных дат факультета.

Современным студентам непросто представить себе, чем для нас была книга. Однажды мы получили от Евгения Михайловича приглашение домой. В небольшой квартире книги буквально обступили нас со всех сторон. Великолепная, годами собиравшаяся библиотека: альбомы по искусству, редкие жур-

налы «Мир искусства», книги о творчестве художников, в том числе редчайшие монографии дореволюционного издания — бесценные сокровища. Книги, которые можно было нам читать и размышлять об узанном. Значительно позднее Евгений Михайлович будет моим наставником на кафедре живописи, и я очень ему благодарна за это. Честность, открытость и принципиальность позиции Е. М. Фентисова мне помогали во всех сложных ситуациях. Требовательность к коллегам и студентам, поддерживалась необычайной строгостью Е. М. Фентисова к самому себе. Евгений Михайлович никогда, ни при каких обстоятельствах, ни под кого не прогибался. Долгие годы в моём представлении Евгений Михайлович был опытным теоретиком искусства, знатоком морфологии, иконографии Средневекового искусства, а также необычайно ярким и убедительным собеседником, способным ошеломить неожиданным поворотом мысли. С позиций молодости мне было невдомёк, что за этим стоит к тому же и напряжённая ежедневная творческая работа. Поэтому откровением и настоящим открытием стал однажды творческий отчёт Е. М. Фентисова для преподавателей кафедры живописи. После занятий мы были приглашены в мастерскую, где под лучами уже неяркого заходящего солнца нам неожиданно открылись замечательные композиции,

выполненные в технике пастели. Насыщенные и глубокие по цвету амурские пейзажи, портреты и натюрморты. Их было много, они были и на стенах и в раскрытых папках. Пастели, такие разные по колориту, мерцающие красивыми цветовыми переходами, привлекали целостностью видения и обобщенностью форм. Так открылся для меня в одно мгновение, раз и навсегда, художник — замечательный мастер пастели Е. М. Фентисов. Сейчас трудно ответить на вопрос, почему Евгений Михайлович так долго, десятилетиями не экспонировал своих работ широкой публике. Возможно что-то должно было отстояться, созреть, но скорее всего это требовательность к себе, острое чувство ответственности за созданное. Многие художники работают постоянно, буквально не выпуская из рук карандаша, не обращая внимания на окружающих, полностью отрешившись от происходящего. Для Е. М. Фентисова, по-видимому, было нужно полное уединение, вызревание идеи, погружение в творчество, уверенность в не случайности, а в истинности полученного творческого результата («Натюрморт с виноградом», 1979; «Ночное окно», 1979; «На-найские женщины», 1979; «Утро на путине», 1979). Сейчас по прошествии стольких лет совершенно очевидно — композиции Е. М. Фентисова — весомый и ценный вклад в развитие дальневосточного искусства, они по праву заняли место в музейных коллекциях.

Просмотр — как много в этом слове для каждого худграфовца. Бессонные ночи, лихорадочное состояние тихого ужаса, когда комиссия входила в аудиторию, где были развешены во время сессии наши студенческие работы по рисунку, живописи и композиции. Процессию преподавателей обычно замыкал Виктор Ефимович Девятко, также сам закончивший худграф на первом выпуске. Что творилось за плотно закрытой дверью, мы тогда не знали, но ноги у нас буквально подкашивались и обмирали сердца. В. Е. Девятко обожал, любил и коллекционировал книги. Легко цитировал их по памяти, блестяще знал твор-

ческие биографии художников и обладал к тому же феноменальной зрительной памятью. На студенческих просмотрах прихрамывающий Виктор Ефимович внушал ужас тем, что легко изобличал лодырей, кто не утруждая себя напряжёнными поисками авторских решений в композиции, просто нахально «заимствовал» готовенькое, чужие идеи из альбомов и журналов. Поразительно, как всё это помнил В. Е. Девятко. Разгром лентяя и восстановление истины было очевидным для всех, когда Виктор Ефимович победно выносил из кабинета истории искусств затёртый альбом с исходным образцом. Открытый, нетерпимый к вранью и лени студентов, в негодовании В. Е. Девятко мог быть очень резким, но в то же время он буквально спас от отчисления одну мою однокурсницу. «Художником не будет, а вот учительница из неё классная получится», — сказал, и путь всей её жизни сразу и прочертил. Своих дипломников, если они действительно того стоили, на защитах Виктор Ефимович отстаивал как ратный воин, буквально до последней капли крови. В своём творчестве В. Е. Девятко отдавал предпочтение пейзажному жанру, много и охотно работал на пленэре, видя природу целостно, добиваясь естественности солнечного света в многочисленных картинах и этюдах. Большим увлечением В. Е. Девятко была точёная деревянная игрушка. Он сам создавал форму на токарном станке, иногда делая серии из своих рукодельных героев. Хорошо запомнилась одна, созданная по мотивам национального искусства народов Приамурья, её фигурки были украшены точно воспроизведённым криволинейным орнаментом.

Тема дальневосточная — особая для нашего факультета. Именно наши педагоги смогли пробудить в нас интерес и внимание к национальной культуре народов Приамурья, увидеть окружающее культурное пространство через глубь веков, а ведь между тем, тогда в 1970-е годы публикаций о дальневосточном искусстве было не так уж много.

Просмотр студенческих работ. На переднем плане художники В. Е. Девятко, А. Д. Блажнов

Замечательно, как это делалось: не только через факультативы и спецкурсы (К. П. Хомутова, Л. С. Букатова), но и получало естественное продолжение в творчестве самих художников-педагогов, в тематике их картин, рисунков и многочисленных графических серий. Как-то незаметно преподаватели сдвинули в наших молодых головах мысль о том, что искусство есть не только в музеях Москвы и Ленинграда. О Риме и Париже в наглухо закрытой стране как-то не помышлялось.

Сколько слёз было выплакано на зачётах и экзаменах К. П. Хомутовой, заканчивавшихся к полуночи. Запомнился самый первый, когда на 49 студентов разом было поставлено 37 «неудов». Это было по-настоящему действенный метод, и никто из студентов не мог позволить себе такой наглости, как незнание истории изобразительного искусства. Требовательность Клавдии Парфентьевны была вполне оправданной. Её начитанность, знание иностранных языков, русской поэзии и литературы подкреплялось также великолепно прочитанными нам лекционными курсами. Редкое «отлично», полученное на экзамене К. П. Хомутовой поистине дорогого стоило. Те, кто прошёл через учебные курсы Клавдии Парфентьевны, ещё прошёл через её душу, ведь она всех нас по именам и фамилиям

помнила долгие годы.

Самое незабываемое время для каждого худграфовца — пленэры. Всё было прекрасно: и ранние зорьки, и дивные уссурийские закаты, и даже ненасытные тучи безжалостных комаров, неисчислимой ратью окружавших нас на этюдах. Геннадий Матвеевич будил нас, когда ещё над землёй стоял лёгкий утренний туман. После выхода из студенческих мастерских, в деревне нас ошеломило само солнце, всё казалось непривычно ярким. Погода была отличная и рисовать не хотелось. Тянуло поплавать и позагорать где-нибудь на косе, одним словом, в дали от строгих глаз наших наставников. За безделье и лень неотвратимо приближалась расплата — поставленный для нас Д. А. Романюком натюрморт, надо было написать за короткое время, решив при этом сложные учебные задачи. Работа сразу не заладилась, но от неминуемых «неудов» нас спасла деревенская свинья. Дородная хавронья, неподвижно лежавшая в луже у забора, также как и мы пристально созерцала натюрморт, мудро дожидаясь, когда мы уйдём обедать, чтобы наконец-то съесть оставленные без присмотра хлеб, зелёный лук и редиску. Несмотря на внезапную утрату наглядного пособия на этом незавершённом экзамене педагогами было достигнуто глав-

ное — мы действительно настроились на серьёзную работу.

Особое слово следует сказать о педагогах-графиках. Время 1970-х годов характерно сложившимся на факультете сильным творческим коллективом: Е.И. Вольгушев, Д.А. Романюк и более молодые художники Е.В. Бурлов, А.В. Гуриков, Г.М. Кутуров, С.П. Заровный, В.А. Смирнов, В.К. Амелянчик, В.В. Артёменко, позднее А.В. Макашин и др. Графика этого периода просто замечательна. В экспозиции музея и на факультете нас встречали работы преподавателей, а их качество и уровень исполнения говорили о том, каким сложным путём они идут. Конечно, тогда нам было просто невдомёк, что творческая деятельность наших педагогов ещё и важный аспект в развитии дальневосточной графики, её новый период, отмеченный смелыми поисками и экспериментами. В частности, в композиционной организации листов и раскрытии новых возможностей классических, трудоёмких техник станковой графики. В графике этого времени до сих пор ощущим смелый дискуссионный напор. Художники нащупывают и разрабатывают новые темы (Е.И. Вольгушев, А.В. Гуриков, В.А. Смирнов и др.). Они часто используют экспрессивные формы монтажа и неожиданные сопоставления планов в листах. По прошествии нескольких десятилетий графика 1970-х годов воспринимается необычайно целостно и органично, как мощный творческий поток, отразивший интерес художников к разнообразному натурному материалу (панорамы дальневосточных строек, история БАМа, портреты современников, жанровые сцены, городские и сельские пейзажи). Открытость, искренность, эмоциональная раскрепощённость графических листов того времени буквально захлёстывает зрителя, выявляя точные срезы социального пространства и развёртываясь в сериях у многих художников, и сохраняя остроту и свежесть романтического видения тех уже прошедших будней (И.Е. Вольгушев, серия «Работа у них

такая», 1979: «Таксаторы», «В маршруте», «Геологоразведка», литографии). Качество и мастерство художников-графиков не поблекли с течением времени. Яркий тому пример — недавняя персональная ретроспективная выставка В.А. Смирнова в Дальневосточном художественном музее (2011), где снова произошла встреча с замечательными листами и сериями, созданными художником в 1970-е годы. Тема покорения неба — авиации и космоса — одна из лучших в творчестве Валерия Александровича. Впечатляет отточенность мысли и её пластическое и техническое воплощение. В сконструированном художником пространстве смело используется эффект наплыва и совмещения разных планов, продуманный монтаж тщательно отобранных деталей, а мотив свободного парения олицетворяет безграничные возможности и мечты человека. Одним словом, графика этого периода нуждается в основательном специальном исследовании.

Творческая работа педагогов-художников — это очень важная составляющая в обучении студентов, и поэтому их композиции 1970-х годов были для нас настоящим открытием. Одним из самых опытных педагогов на худграфе был, несомненно, Е.И. Вольгушев. По сути вся творческая жизнь и судьба Е.И. Вольгушева, окончившего Московский педагогический институт им. В.П. Потёмкина в 1956 году, была отдана нашему факультету. Евгений Иванович не всегда был для нас, студентов, простым собеседником. Уровень его теоретической подготовки был просто несопоставим с нашим, мысль многомерна, и многое из того, что он рассказывал, почему-то не забывалось, а открывалось во всей полноте лишь с течением времени. Всегда было интересно следить за ходом его рассуждений о том, какими выразительными средствами художник создаёт единую пластическую систему в своём произведении, как соотносятся в нём форма и содержание. Он настойчиво учил нас видеть окружающее пространство и предметный мир че-

*Художник С. М. Федотов
на занятии по живописи*

рез категории искусства. Всегда изумляло, как Евгений Иванович чувствует и понимает какую-нибудь сложную художественную проблему. Откуда этот внутренний взгляд недоступный нам? Тогда нам было непонятно, что с нами делились тем, что было наработано и в упорной практике многолетних творческих будней, и в долгих размышлениях. Вкус и прозорливость Е. И. Вольгушева были безупречны. Помню серию рисунков на якутскую тематику, горячо поддержанных Евгением Ивановичем на защите дипломных работ, тогда казавшихся мне вялыми и невыразительными. Только с течением времени мне открылось понимание замысла, и стала очевидной правильность аналитических рассуждений опытного педагога. При непосредственном участии Евгения Ивановича на факультете была создана мастерская графики, в которой студенты будут осваивать различные техники эстампа и выполнять дипломные работы. Е. И. Вольгушев всегда успешно работал как график, отдавая предпочтение офорту и литографии («Материнство», 1967 офорт; серия литографий «За горизонтом», 1973: «Таёжный костёр», «В самолёте», «Ночёвка»). Каждое десятилетие в творчестве Евгения Ивановича происходили заметные качественные сдвиги, и следить за этим было инте-

ресно и в студенческие годы, и значительно позднее. Литографии 1980-х годов позволяют нам ощутить красоту раскрытия сложной техники и свободное овладение материалом (Серия «По Чукотке», 1984). Этот северный цикл можно назвать поэмой в графике. Увиденная острым взглядом мастера жизнь людей вдали от цивилизации обрела, благодаря точно найденному композиционному решению художника (камерность отдельных сцен и удалённость их друг от друга), точно найденные паузы, сопоставимые с эпически мерным ритмом северных легенд и песен.

Дмитрий Андреевич Романюк, также долгие годы работавший на факультете, был выпускником Харьковского художественного института. Он был мягким, улыбчивым и деликатным человеком, но становился строгим, когда речь шла о творчестве. В перерыве между парами Д. А. Романюк всегда что-то упоённо рисовал в небольшом альбоме, а рассматривая студенческие учебные или пленэрные работы, умел искренне восхищаться каким-нибудь удачным этюдом. Под его руководством многие студенты охотно учились иллюстрированию книги, осваивали технику линогравюры. Д. А. Романюк не расставался с карандашом, создавая лёгкие подвижные рисунки, наполненные дыханием жизни,

но главным в его творчестве была, конечно, линогравюра («Остров на Охотском море», 1966; «В таёжном посёлке», 1966; из серии «Народности Амура»: «За ягодами», «Тёплый день», «Дочь рыбака», 1969). Графика Дмитрия Андреевича всегда безмятежно солнечная и тёплая, но без налёта приторности. Она — рассказ мудрого и сердечного человека, искренне любящего дальневосточный край. Помню меня «остановили» листы, экспонировавшиеся на выставке, из серии «На земле дальневосточной» (1985), своей логической ясностью и простотой, продуманностью каждого движения резца и ощущением солнечного света.

Вспоминаются занятия по композиции (Е. И. Вольгушев, В. Е. Девятко, Г. М. Кутуров, Д. А. Романюк, Е. М. Фентисов, В. К. Амелянчик и др.), когда преподаватели, стремясь сдвинуть с мёртвой точки наши косные и неловкие подготовительные эскизы, приносили книги, показывая иллюстрации, говорили о произведениях искусства, о своём видении и понимании их, чего не найдёшь ни в одном источнике. Находили какие-то свои слова, видели такие особенности в композиционном решении, о которых и речи в книгах не было. Мы узнавали от них о именах и творчестве М. Шагала, П. Филонова, К. Малевича, В. Кандинского, К. Брынкуша и многих других, то есть о тех кто был тогда не в чести официального искусства. С нами общались как с равными, и ценно то, что с нами в такие моменты говорили именно художники. Преподаватели никогда не пытались нас вдавить в ложе чьей-либо манеры, стараясь сохранить и развить, то немногое, что в нас было. Только потом, значительно позднее, мы в полной мере сможем оценить терпеливость и деликатность наших учителей. Мы благодарны за ту долю здорового анархизма и свободы, которая всегда ощущалась на факультете, без которых невозможно ни творчество, ни развитие индивидуальности, ни движение мысли. Только сейчас долгие годы спустя пришло понимание того, как много для нас было сделано в рамках тех,

не очень больших по объёму часов учебных курсов, где следовало дать лишь азы будущему школьному учителю.

Мастерские факультета были настоящим кладом знаний, умений и творческих контактов. Сколько интереснейших экспериментальных работ будет создано в полуподвальных помещениях, из которых нас, кажется, никогда не выгоняли, а в предзащитные дни работа обычно кипела круглосуточно. В. Н. Джунь, сам выпускник нашего факультета, всегда вспоминается с трубочкой в руках, в своей, пахнущей свежим деревом, воском и лаком мастерской, где не прекращалась работа. На полках и станках плотной группой стояли начатые и завершённые скульптуры, в старинном шкафу — великолепные альбомы по изобразительному искусству. Близкая Виктору Николаевичу в творчестве тема — обнажённое тело, всегда было пронизано чувством жизни, свободы и раскрепощённости. Он не имитировал, не копировал натуру, а словно создавал её метафорический образ. С любимым материалом — деревом — был бережен. В его скульптурах оно как-то не разрушалось, а в корнепластике оживало причудливыми изгибами живых форм, рождая ассоциации. В. Н. Джунь мог показать и прихотливость силуэта, или наоборот, достичь целостного пластического выражения художественного образа. Виктор Николаевич вёл в нашей группе скульптуру, обладая уверенной рукой и верным глазом, без лишних слов смело исправлял наши слабые работы. К сожалению, в городе не сохранился ни один из детских городков, над которыми трудились его студенты-дипломники, последним от рук вандалов пал городок В. Н. Джуня на прудах Уссурийского бульвара.

Мне не довелось учиться у Э. В. Буданцева, так как к этому времени замечательный скульптор и керамист уже занимался исключительно творчеством. В мастерской керамики с нами занимался чаще всего В. Ф. Бабуров и иногда Ю. П. Исаев. Те задания, что мы выполняли, проходили полный

*Художник-педагог
Е. М. Фентисов
на пленэре
со студентами*

технологический цикл и мы могли видеть конечный результат. Мы осваивали навыки работы с гончарным кругом, и Владимир Филиппович терпеливо учил нас всем премудростям обращения с глиной, показывая, как наносить декор, а если он был объёмным, прилеплять его на жидкую глину — шликер. Именно здесь мы узнали, что шликера много не бывает, изготовив как-то несколько объёмистых баков этой массы, вручную протирая холодную и скользкую глину через частое сито. В. Ф. Бабуров не пытался скрепить нас какими-то жёсткими рамками, занятия носили неформальный характер. Он всегда поддерживал инициативу и разрешал студентам экспериментировать, подсказывая интересные идеи.

Особое состояние приподнятости, остроумия, хорошего настроения ощущалось в кабинете художественного конструирования. Евгений Васильевич Бурлов — выпускник худграфа, позднее закончил ассистентуру в Строгановке. Сферой его творческих интересов был плакат, книжная графика, фирменный стиль и разработка товарных знаков, а также опыты по оформлению интерьера. Профессионализм Е. В. Бурлова проявлялся в умении извлечь рациональное зерно даже в самом слабом студенческом поиске, реальном показе его улучшения. Это умение из ничего, из жалких почеркушек сделать

что-то действительно качественное и небанальное всегда привлекало. Движение мысли и карандаша преподавателя было просто молниеносным. В мастерской всегда были разложены планшеты, россыпи трафаретов, множество раскрытых журналов, и над всем этим стоял неистребимый резкий запах резинового клея. Сколько поколений худграфовцев пережило адский труд по вырезанию шрифта скальпелем или бритвой дрожащими руками по подклеенной резиновым клеем на ватман кальке. Всё это мгновенно кануло в лету с приходом цифровых технологий, когда в памяти компьютера есть несколько тысяч шрифтов и достаточно несколько нажатий клавиши для извлечения любого. Рядом с Евгением Васильевичем всегда кипела жизнь. Он был постоянным участником студенческой самодеятельности, капустников, неиссякаемым кладезем историй и анекдотов из студенческой жизни нашего факультета. Е. В. Бурлов часто руководил групповыми дипломными работами студентов, требовавших больших усилий и бездны времени. Оформление интерьеров, музея ХГПИ и его кабинетов порой затягивалось настолько, что плавно переходило в ночные бдения с дипломниками. Полезным началом было введение в качестве помощников дипломникам студентов младших курсов. Само вращение в живой творческой кухне позволяло им по-

*Живописец и график
Г.М. Кутуров в своей
мастерской*

стичь какие-то теоретические законы изнутри ясно и глубоко. Со многими выпускниками худграфа Евгения Васильевича на долгие годы свяжет близкая дружба. Е. В. Бурлов и сейчас показывает редкое умение идти в ногу со временем, не останавливаясь на достигнутом, осваивает цифровые технологии. В значительной мере благодаря ему начала расти школа дизайнеров на Дальнем Востоке. Со временем мы стали коллегами по кафедре, и мне до сих пор есть чему поучиться у Евгения Васильевича.

Можно ли назвать худграф времени 1970-х годов школой? В рамках образовательных программ подготовки учителя ИЗО это было просто невозможно, так как учебных часов по специальным дисциплинам было катастрофически мало, да и на выпуске мы получали дипломы учителя. Тем удивительнее то, что со временем многие из тех, кто учился на нашем факультете, сами стали членами Союза художников России, участниками престижных выставок в нашей стране и за рубежом, из дипломников Е. М. Фентинова двое выпускников стали членами Союза кинематографистов, а творчество И. Заха-

рова (Игорь Росс), окончившего факультет в 1970 году, получило признание в Европе. Мы всегда тепло вспоминаем о своих педагогах при таких уже редких сейчас встречах однокурсников, а это означает, что не напрасно вы были тогда рядом с нами, ведь каждому из вас удалось продлить себя в других людях. Работа над этим текстом была приятной и отчасти печальной, так как, к сожалению, не все остались с нами в этой жизни, и тем не менее воспоминания не потускнели и не обесцветились, как старые фотографии. По прошествии стольких лет они остались живыми. Главное, что объединяет художников-педагогов, учивших меня — это творческие требовательные люди с чистой, красивой душой и высокой профессиональной культурой.

Автор статьи выражает искреннюю благодарность инженеру Студенческого творческого центра ДВГГУ Александру Анатольевичу Телецкому за представленные фотографии преподавателей художественно-графического факультета ХГПИ из архива Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Художественная сфера

Фефилов Павел Лукич,
член Союза художников
Российской Федерации,
почётный член Приамурского
географического общества

Два века художников Дальнего Востока (XVIII — начало XX века)

*Статья посвящена
развитию изобразительного
искусства на Дальнем
Востоке России в контексте
общеисторических процессов,
происходивших в стране.
Исследование охватывает
конкретный период:
XVIII — начало XX века.*

В XVIII веке в русском изобразительном искусстве произошли важные изменения, процесс «отмирщения» продолжал развиваться и привёл к появлению светской живописи. Известно, что на Охотском побережье и Камчатке уже в первой половине XVIII века расписывались воеводские хоромы, памятные арки и т. п. Развивалось декоративно-прикладное искусство: художественные работы по металлу (чеканка, серебрение, инкрустация медью и драгоценными металлами), изготовление ювелирных изделий, шитьё. Широкое распространение имела резьба по дереву и кости (на Крайнем Северо-Востоке).

Для украшения строившихся церквей нужны были краснодеревщики, художники и другие мастера — иконщики, выполняющие иконописные работы. В Восточной Сибири сложился крупный центр иконописи — Иркутск (местопребывания Иркутской духовной конси-

стории), который оказывал большое внимание на становление этого вида искусства на Дальнем Востоке.

Известно, что иконы для Камчатки в 40-е годы XVIII века выполняли мастера из Иркутска. В Верхнеудинске работал иркутский живописец Кузьмин, в Охотске — «маляр» Колосов. Они выполняли местные заказы. Нет сомнения, что такие мастера были и в других городах региона.

В XVIII — первой половине XIX века важную роль в развитии светской живописи на Дальнем Востоке играли научные экспедиции, в состав которых, как правило, входили художники, сделавшие сотни набросков и зарисовок. Приятно сознавать, что многие рисунки растворились в книгах, географических отчётах в виде путевых зарисовок, путевых заметок.

Участниками Второй Камчатской экспедиции были художники И. Люрсениус, И. Беркан, И. Деккер. Например, И. Беркан изображал на своих полотнах природу Дальнего Востока, зверей, птиц, быт жителей Камчатки. Наиболее интересны его рисунки: «Сцены труда камчадалов», «Нижний Камчатский острог» и др.

В состав экспедиции И.И. Беллигса и Г.А. Сарычева находился рисовальный мастер, выпускник Академии Художеств — Лука Алексеевич Воронин. Он оставил многочисленные виды побережья Чукотки и Камчатки, реки Колымы, Курильских и Алеутских островов и др. В сохранившемся его альбоме 21 лист с акварелями. Большую ценность представляют портреты коряков, чукчей, юкагиров, а также «Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы», «Оленные тунгусы ставят юрту для своего ночлега», «Тунгусы в национальном костюме», «Лаптевы казармы в устье реки Колымы».

В первой половине XIX века число художников, посетивших Дальний Восток, значительно увеличивалось. Здесь побывали многие выпускники Академии Художеств. Интересные рисунки принадлежат Е.М. Корнееву (1780–1859). Окончив Академию Художеств, он получил звание академика живописи и в 1802–1803 годах совершил путешествие по Сибири

и Дальнему Востоку в составе экспедиции генерала Спренгпортена, пройдя от Нерчинска до устья Амура. В 1819 году вместе с капитаном М.Н. Васильевым художник побывал на Камчатке и в Северном Ледовитом океане. Среди акварелей Е.М. Корнеева выделяются «Лов китов в Охотском море», «Тунгусский шаман», «Святочное гулянье в Охотске». В экспедиции принимал участие талантливый живописец Волков. Ему принадлежат акварели «Езда на собаках», «Охотск», «Амурский пейзаж» и др.

Многие художники участвовали в кругосветных путешествиях первой половины XIX века: в экспедиции И.Ф. Крузенштерна (1803) Курляндцев; О.Е. Коцебу (1815–1818) — Л.А. Хорис; В.М. Головина (1817–1819), — М. Тихонов, рисунки которого отличались точностью, реалистичностью. Особый интерес представляют сделанные им этнографические зарисовки.

В это же время художники посещали Дальний Восток не только морскими, но и сухопутными экспедициями. В экспедиции Л.Н. Шренка работал художник В.С. Поливанов, для Р.К. Маака и Л.Н. Шренка рисовал академик живописи Е.Е. Мейер (1822–1867). О нём следует рассказать поподробнее. Мой старый друг, краевед из Николаевска-на-Амуре, с кем я имел длительную переписку — Владислав Иннокентьевич Юзефов, многие годы работавший директором краеведческого музея в г. Николаевске-на-Амуре, заслуженный работник культуры Российской Федерации — изучал биографию Егора Егоровича Мейера. Перу В.И. Юзефова принадлежат статьи «Академик живописи — мэтр Николаевска», страницы истории, газета «Амурский Лиман», 27 апреля 1991 года; «Е.Е. Мейер — исследователь Дальнего Востока», в сборнике «Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов» (тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции, посвящённой 350-летию выхода России к берегам Тихого Океана, 17–18 сентября 1989 года Южно-Сахалинск, 1989, стр. 52–53). В 2000 году В.И. Юзефов опубликовал биографический очерк Е.Е. Мейера и его пись-

ма, в «Вестнике Сахалинского музея» (№7), с рисунками художника.

Е. Е. Мейер иллюстрирует книги Маака, выполняет задания Н. Н. Муравьёва-Амурского, участвует в Уссурийской экспедиции полковника К. Ф. Будогосского, военный губернатор П. Ф. Казакевич включает его в свою экспедицию по установлению государственной границы с Россией. «С 1846 года он являлся пенсионером Академии художеств в Риме, впоследствии был избран академиком. Его картины отмечены бойкой кистью, приятным и лёгким тоном, прекрасным освещением и колоритом. Е. Е. Мейер запечатлел в своих этюдах строительство первых русских городов на Амуре, в том числе г. Николаевск».

«В Амурский период им сделаны десятки работ: «Крещение на реке Амгуни инородцев в 1857 г.», «Гиляцкая деревня», «Внутренность гиляцкой избы», «Шаманство», «Вид Софийска», «Вид станицы Казакевичево», «Озеро Ханка с верховьев той же реки», «Вид реки Турий Рог», «Амурские инородцы и их летники», «Место древнего Албазина», и др.

Любопытно, что рисунки Е. Е. Мейера используются в ряде изданий, однако его фамилия не помечена. Так, «Жители берегов Амура» из 17 типажей, можно найти в «Вестнике Сахалинского музея» (№7, 2000), там же опубликованы «Зимник мангунов», «Внутренность мангунского зимника», «Гробница мангунского шамана», «Предметы и приспособления для рыбной ловли» — 19 рисунков; «Предметы быта гольдов» — 37 предметов; «Пароход Америка» (на реке Амур у Николаевского поста), на котором граф Путятин ходил в Китай в 1857–1858 годах для заключения Тяньцзинского договора; «Вид Амура близ деревни Дырень».

Заметный след в истории дальневосточной живописи оставили декабристы (Я. М. Андреевич, И. А. Анненков, П. И. Борисов, В. П. Ивашёв и другие). Особое место принадлежит Н. А. Бестужеву, чьё живописное наследие отмечено большим художественным дарованием. В годы каторги и ссылки он написал около 80 акварельных портретов декабристов и их жён,

а также многочисленные виды Читы, Петровского завода и их окрестностей.

В порядке подтверждения приведём иллюстрации из книги Даниила Романенко «Ерофей Хабаров», из серии «Дальневосточная библиотека», изданной Хабаровским книжным издательством в 1969 году, где опубликован «Вид Нерчинского завода в конце 19 века». Рисунок выполнен обер-берг-чешвореном Н. Васильевым. Мы видим дома и производственные помещения на фоне высокой сопки, изрезанной каменными осыпями. На другом изображении мы видим гравюру Н. Витсена — «Северная и Восточная Татария», где изображён всадник на коне на фоне дальневосточного пейзажа. Третье изображение воспроизводит сибирского шамана XVIII века на фоне древнего поселения. Четвёртое изображение показывает охоту загонном на оленя у бурят, пятый рисунок отображает переправу людей с лошадьми через бурную реку. Все рисунки довольно выразительны и хорошо характеризуют время и место действия.

В середине XIX века появляются художники из аборигенов, развивается изобразительное искусство у народов Российской Америки. Получившими специальное образование были художники А. Ольгин, А. Кашеваров, художник-самоучка В. Крюков. Дошли до наших дней выполненные неизвестным автором в Форте Росс портреты И. А. Кускова, и его жены К. П. Кусковой, акварели Ольгина «Вид города Ново-Архангельска» и др. Для изобразительного искусства характерны натурализм и описательность увиденного.

Амурский период творчества

Интересную информацию можно почерпнуть о художниках, работавших на Амуре из книги «Живописная Россия» под общей редакцией П. П. Семёнова — вице-председателя Императорского Русского географического общества. Том 12-й, часть 2-я включает восточные

окраины России, Приморского края и Амурской области. Не на всех графических рисунках в этой книге разборчивы фамилии художников, на некоторых их вовсе нет. Например, «Вид Амура» (1860) автор не указан, но дата помечена чётко. На рисунке «Пароход Ермак» подпись автора неразборчива. Среди русских художников Н. Корякин — «Добыча китов», К. Тихомиров — «Зимняя станция по Охотскому тракту». Изображены дом, вешала для подвески сетей и сушки шкур на другой картине этого же автора — «Последствия медвежьих праздников у айнов». Последствия эти выражены во множестве высушенных черепов медведей, расположенных на кольях, на ограде, неподалёку от хижины людей.

Большинство надписей, которые можно прочесть на рисунках, написаны по латыни. Так, художник по фамилии Пр Weber написал следующие графические листы: «Вид Амура» — акварель; «Пароход Муравьёв-Амурский» на фоне красивого пейзажа; «Селение Пей-хо»; «Амгунь»; «Ловля красной рыбы»; «Сплав на плоту по Амуру»; «Памятник близ деревни Тыр в низовьях Амура»; «Хабаровка».

Художник А. Slom написал тунгусов; «Инвеген» — гиляцкие суда-парусники, у которых паруса с 2-х сторон; Нуловчано — сделал зарисовки Михайловского форта и Мариинского форта, что представляет известный краеведческий интерес.

Что касается другой информации без обозначения фамилий авторов, она не менее интересна и имеет большую ценность для изучения Приамурья.

Комплекс изобразительных сведений из прошлого Дальнего Востока, изложенных в упомянутой выше книге — «Живописная Россия», считаю необходимым чаще показывать и пропагандировать среди молодёжи, студентов, школьников. Живой интерес к истории и краеведению появляется при изучении первоисточников, поскольку они отражают время, быт, обустройство жизни людей.

Во второй половине XIX века в составе научных экспедиций, а также экипажей военных

судов на Дальний Восток приезжали профессиональные художники, большей частью воспитанники Петербургской Академии художеств. Известно, что в научные экспедиции работали К. Гун, А. Паннемакер, П. Барановский, Ф. Баганец и др.

Значение их графических и живописных работ велико — это произведения искусства и исторические источники, отобразившие природу и быт населения Дальнего Востока.

Крупнейшим мастером был художник и моряк Ф.Ф. Баганец (1834–1873), совершивший в 1864–1867 годах кругосветное плавание на транспорте «Гиляк», а в 1869–1871 годах на клипере «Гайдамак». Ф.Ф. Баганец сумел в своих акварелях с необычайной точностью, тепло и живо запечатлеть подвиг русских переселенцев, облик русских поселений: Хабаровки, Кизи, Мариинска, Софийска, Шелиховского, Пермского, Нижнетамбовского и других гаваней Посыета, Ольги, Залива Де-Кастри и портов Владивостока, Дуэ, Охотска, Аяна.

Имя художника-пейзажиста Фридриха Фридриховича Баганца было основательно забыто до тех пор, пока сотрудник городского краеведческого музея Е.А. Кривещекова не заинтересовалась его биографией и рисунками сёл. Был сделан запрос в музей этнографии Санкт-Петербурга. Многие сведения о художнике нам помогла получить Т.А. Кубанова, работавшая в прошлом в музее изобразительных искусств, ныне живущая в Санкт-Петербурге.

Ряд лет краеведческий музей показывал работы художника (ксерокс в чёрно-белом варианте), но в прошлом старейший краевед Анатолий Наумович Белоглазов привёз в музей цветные копии с акварелей художника, которые теперь можно увидеть на экране. Ценность работ Ф.Ф. Баганца в том, что они показывают развитие сёл во времени. К примеру, Нижнетамбовское художник рисовал, когда селу было всего 6 лет.

Профессиональные объединения и школы и искусств

Художники-рисовальщики постоянно участвовали в изучении Дальнего Востока. В сухопутных и морских экспедициях были картографы, геофизики, океанографы, археологи, топографы, штурманы судов и кораблей, т. е. те специалисты, чья профессиональная работа была сопряжена с рисованием.

Ранее их подготовку обеспечивало военное ведомство по учебным программам кадетских корпусов, т. е. велась системная подготовка специалистов высокого уровня.

Рассмотрим отдельные фрагменты «Из истории Хабаровского графа Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетского корпуса», отпечатанной в типографии «Глобус» в г. Сан-Франциско (США), в 1978 году, изданной группой офицеров корпуса. В ней отмечено, что с 10 января 1911 года производились в свободное от уроков время занятия лепкою из глины, гипса под руководством офицера-воспитателя капитана Д. И. Петрова. Кроме того, кадеты обучались ручному труду под руководством подполковника А. А. Шлегеля, уходу за растениями по указанию Н. А. Десулави (при корпусе имелась оранжерея), производились метеорологические наблюдения (7–6 классы) под руководством преподавателя космографии Я. В. Громова, в праздничное время имели private уроки рисования акварелью и масляными красками под руководством преподавателя рисования К. Н. Зимины, обучались препарированию и набивке чучел животных под наблюдением Н. Т. Быкова и К. А. Гомоюнова.

Для лучшего ознакомления с историей в корпусе положено начало будущему музею, хранилищу предметов и реликвий, относящихся к прошлому. Осуществлению этого предприятия во многом способствовал Гродековский музей Императорского Русского географического общества, передавший корпусу драгоценные реликвии, связанные с именем шефа корпуса графа Н. Н. Муравьёва-Амурского.

Кто преподавал в кадетском корпусе

в тот период? 10 апреля 1910 года с сообщением «Южно-Уссурийский край» по итогам экспедиции 1906–09 годов выступил член ИРГО, штабс-капитан В. К. Арсеньев. 30 мая 1910 года — экскурсия на хребет Хехцир (10 дней) под руководством преподавателя Н. А. Десулави. С 20 января 1916 по 1918 гг. служил офицером — воспитателем Александр Петрович Гроссевич — исследователь, топограф.

С августа 1901 по 1925 года преподавал французский язык статский советник Наум Августович Десулави. С августа 1913 по 1922 год преподавал историю, географию Константин Азарьевич Гомоюнов, океанограф, учёный с мировым именем. Его именем названа бухта в Антарктиде. В 1916 году преподаватель Хабаровского кадетского корпуса Анатолий Бутаков был занесён на мраморную доску корпуса.

Профессиональное изобразительное искусство в крае развивалось медленно. Сказывалось отсутствие специальных учебных заведений, небольшой круг местных художников состоял из самоучек любителей. Создание художественных объединений на Дальнем Востоке произошло лишь в начале XX века. В 1910 году во Владивостоке группа художников объединилась в «Обществе поощрения изящных искусств». В это время в городе жили и работали такие замечательные мастера, как А. Н. Клементьев, К. Н. Каль, А. А. Лушников, В. А. Баталов, П. В. Николаев-Тепляков, М. М. Лобанов, М. А. Зайцев., А. Н. Клементьев (1874–1931) учился в Одесском художественном училище, затем в Академии Ф. Кармона в Париже. Его пейзажи «Весна», «На рыбалке», «Бухта» и др. неоднократно экспонировались на владивостокских, сибирских и зарубежных выставках. А. Н. Клементьев проводил большую педагогическую работу в организованной им частной студии. К. Н. Каль (1876–1938). Он получил художественное образование в Дюссельдорфской Академии в Германии, писал пейзажи в традиции лучших живописцев (К. А. Коровина, К. Ф. Юона). Его картины «Зима», «Река Зимой», «Люди на берегу моря» и другие являются одними из лучших пейзажных по-

лотен дальневосточного изобразительного искусства. Член общества московских художников А. А. Лушников (1872–1937), воспитанник Академии Ф. Кармона, много путешествовал по Дальнему Востоку, Забайкалью и Монголии, создал ряд замечательных пейзажей, жанровых картин и портретов. Художники-самоучки В. А. Баталов, П. В. Николаев-Тепляков написали немало хороших акварельных этюдов.

В Благовещенске, по инициативе художника М. С. Пилецкого, в 1911 году организовался кружок любителей искусств, в состав которого вошли 10–12 человек из местной молодёжи. Благодаря таланту и организаторским способностям М. С. Пилецкого кружок был преобразован в 1914 году в Амурское общество поощрения художеств. Вместе с М. С. Пилецким работали живописцы А. А. Александров, скульпторы С. И. Володченко и В. Е. Панов.

С 1900 по 1906 год в Благовещенске жил и работал прекрасный пейзажист и педагог В. Г. Шешунов (1866–1921), ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи. Он состоял вольнослушателем в Академии Художеств, откуда в 1895 году выбыл из-за недостатка средств к существованию. В 1906 году В. Г. Шешунов поселился в Никольск-Уссурийске, где до конца жизни преподавал в гимназии и школе. Любимая тематика его полотен — уссурийская тайга в разное время года. Лучшим полотнам этого художника свойственны мягкий лиризм, точный рисунок, интересные построения композиции. После смерти В. Г. Шешунова почти всё его наследство — сотня картин, этюдов, рисунков, акварелей — было передано в Дальневосточный художественный музей в Хабаровске. По рекомендации дальневосточного искусствоведа В. И. Кандыбы мне довелось изучать творчество Василия Григорьевича и его брата Константина, — резчика по дереву, а также рассказать о его дружбе с Арсеньевым. Известно, что Владимир Клавдиевич был прекрасным рисовальщиком. В. К. Арсеньев помогал устроить и оформить его выставку, а после смерти художника, совместно с педагогами гимназии написал некролог на его смерть (газета «Све-

жий номер», 2007, 1 августа).

18–25 апреля в помещении Никольск-Уссурийской первой женской гимназии была устроена посмертная выставка произведений В. Г. Шешукова, где экспонировалось 538 картин художника («Материалы I-ого съезда по изучению Уссурийского края 18–22 апреля 1922 г.», опубликованные в «Известиях Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела Русского географического общества»). В сентябре 1920 года по решению правительства Дальневосточной республики в Благовещенске было открыто художественно-промышленное училище, просуществовавшее всего полгода. Но доброе дело не умерло. Вскоре в Благовещенск приезжают два питомца Петербургской Академии Художеств: ученик В. Д. Поленова — Георгий Васильевич Белашенко и ученик Д. Н. Кардовского — Пётр Сергеевич Евстафьев. Они устраиваются преподавателями черчения в строительный техникум и среднюю школу. Организуют бесплатную художественную школу на Зейской улице и ведут занятия по программам училищ Москвы и Петербурга. Первый выпуск школы состоялся в 1924 году. Бывшие выпускники Благовещенской школы М. В. Абрамов, В. И. Викулов, И. С. Шаньгин, К. Н. Лазарев и А. Д. Зайцев успешно закончили Академию Художеств в Ленинграде, стали видными мастерами советского изобразительного искусства, а А. Д. Зайцев в течение нескольких лет был ректором института имени И. Е. Репина.

В разные годы в Благовещенском училище учились ведущие художники Приамурья и Приморья: В. Н. Высоцкий, В. Д. Овчинников, И. С. Петухов, В. Ф. Иванов, К. Н. Шебеко, П. Ф. Герман, И. В. Рыбачук, Я. С. Куриленко, Н. Ф. Чайкин и многие другие.

Благовещенская художественная школа просуществовала до 1931 года, оставил заметный след в деле развития Дальневосточного изобразительного искусства.

В одном из писем в мой адрес от 01.03.2005 года, упомянутый выше краевед В. И. Юзёфов сообщил, что Белашенко преподавал в Николаевской гимназии и реальном

училище, много рисовал. В годы Гражданской войны был автором эскизов тысячерублёвок Сахалинской области и «тряпиценок». Во время эвакуации в Благовещенск вывезти свои картины не смог, и они погибли. В Благовещенске основал первую на Советском Дальнем Востоке изостудию. При подготовке первой энциклопедии Дальнего Востока в 1931 году (она так и не вышла в свет), ему планировалось отвести целый абзац.

До 1927 года художественная школа не входила в систему Наркомпроса, поэтому педагоги-энтузиасты не получали зарплаты, учащиеся не имели стипендий. Сами ремонтировали помещения, доставали дрова, за свои деньги покупали краски, кисти, наглядные пособия. Им приходилось брать любую работу, разгружать баржи, заниматься подсобными работами.

Интересный художественный центр сложился на рубеже XIX–XX веков в Чите. Большая заслуга в его создании принадлежала художнику-самоучке П.И. Рязанцеву (1829–1896), который вначале был иконописцем, затем увлёкся пейзажной и портретной живописью. Им созданы произведения, правдиво отражающие жизнь и быт забайкальских бурят и тунгусов.

В 1912 году в Чите основано первое на востоке России художественно-учебное заведение — художественно-промышленная школа, просуществовавшая до 1922 года. Среди преподавателей школы были художники Н.И. Верхотуров, И.П. Сверкунов, Н.П. Пальмов, Г.Р. Жизневский, В.А. Алмазов, скульптор Жуков и другие. У этих отличных педагогов учились И.А. Горбунов, А.М. Федотов, А.В. Кикин, Н.Б. Мурашев, В.Н. Гордеев и другие.

В Хабаровске в разные годы создавали свои произведения известные мастера: художник-баталист А.А. Сахаров, ученик И.Е. Репина живописец Н.В. Розанов, мастер графики П.Н. Львов. Но наибольшую известность получил замечательный карикатурист В.В. Граженский (1883–1920). Он писал фельетоны и рисовал карикатуры, публикуясь под разными псевдонимами. В 1919 году для выстав-

ки, посвящённой 300-летию Дома Романовых, В.В. Граженский издал сатирический альбом «Каталог экспонатов, не попавших на выставку». К каталогу была приложена сатирическая «История Приамурья», карикатурно изобразившая местных чиновников и буржуазию. После февральской революции он выпустил в Хабаровске новый альбом «Дружеские шаржи», высмеивающие общественную и политическую деятельность Дальнего Востока, неоднократно издавал сатирические открытки. Не имея специального образования, В.В. Граженский, тем не менее, создал произведения, получившие известность не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири.

Несколько произведений высокого художественного уровня было создано в области монументальной скульптуры. Из них наибольший интерес представляет гранитный обелиск, воздвигнутый во Владивостоке по проекту старшего механика флота А.Н. Антипова и посвящённый подвигу адмирала Г.Н. Невельского. Он был торжественно открыт 26 октября 1871 года. В нише обелиска установлен бюст Невельского работы академика Р.Р. Баха. Памятник создан по подписке на средства нижних чинов флота и жителей города и стал одной из достопримечательностей Владивостока.

В Николаевске памятник Невельскому был открыт по подписке 13 августа 1913 года. 24 августа в Петропавловске — памятник в честь сражения с англичанами и французами в 1854 году, а в 1913 году — В. Берингу и Ж.Ф. Лаперузу. В 1908 году во Владивостоке — адмиралу Завойко — работы И.Я. Гинзбурга. Часовня в Албазино появилась в 1917 году, в память об осаде 1681 года.

Дальневосточное искусство нашего края прошло тот же исторический путь, что и российское искусство в целом. В силу местных условий оно переживает свои трудности, которые придали ему черты своеобразия, а чтобы оценить творческие достижения художников, следует помнить: мы существуем, трудимся на всём протяжении от Читы до Тихого океана.

«Надо вспомнить творческую и обще-

ственную деятельность первых советских художников, отдавших своё дарование и силы нашему краю, и ту сложную обстановку, в которой формировалась наша талантливая молодёжь», — пишет в своей книге известный хабаровский искусствовед Валентина Гавриловна Старикова. Её книга «Художники Приамурья», вышедшая в Хабаровском книжном издательстве в 1968 году, едва ли не единственное теперь хрестоматийно-энциклопедическое издание по истории и развитию дальневосточных жанров, направлений и техник искусств, обозначенных жизненных связей и интересов личностей художников в определённых срезам времени их жизни.

Только перечисление глав книги — «Художник — боец гражданской войны», «Художественная жизнь в годы первых пятилеток», «Старейшие хабаровские художники», «Изобразительное искусство военных лет», «Художники Комсомольска», «Творчество хабаровских живописцев за последнее десятилетие», «Графика, эстамп, скульптура», «Сегодняшний и завтрашний день монументально-декоративного и прикладного искусства» — даёт ёмкую характеристику огромного труда искусствоведа. И очень жаль, что эта книга не переиздавалась позднее, а она могла быть серьёзным и достойным подспорьем для молодых художников, дизайнеров, вступающих на жизненный путь творчества. Но сделать это ещё не поздно. Надо, чтобы чиновники от культуры знали, для чего это нужно.

Невозможно не вспомнить о душевных качествах Валентины Гавриловны. Она подвижник, исследователь творчества, инженер человеческих душ, умещающая выпестывать творческие личности через внимание к творческому человеку. Сколько жизненных сил она тратила на всё это — подсчитать невозможно! Убеждён, каждый, кто общался с ней в музее на улице Фрунзе или на выставках, забыть её не сможет.

Хабаровское отделение Российского фонда культуры в 1998 году издало брошюру — «Старикова Валентина Гавриловна — искус-

ствовед — «Страницы жизни». Приведу фразы с последней страницы: «Я жила в Петрограде, в Москве, во Фрунзе. Побывала в Риге, Смоленске, Рязани, Сухуми, Владимире, ездила по Золотому кольцу России. Видела петроградское наводнение 1924 года, смерч в десяти шагах от меня в центре России. По необъяснимой и счастливой случайности не попала под взрыв пятисоткилограммовой бомбы, брошенной в Московский городской комитет партии. Испытала обжигающий, удушливый ветер Афганистана в Ферганской долине. Побывала в Ташкенте, Коканде, Намангане, Самарканде и Бухаре, в Сибири, во всех городах Дальнего Востока. Плавала на агитпароходе по Амуру и ездила по всем погранзаставам от Бикина до Аргуни. Видела, как танцуют седые журавли на Уссури и как загоняют на мелководье рыбу, собравшись в полукруг, дельфины на Чёрном море». Эти строки ярко показывают внутренний мир В. Г. Стариковой.

Из истории русского авангардного движения

В годы интервенции и калмыковского террора в Хабаровске возникло объединение художников под названием «Зелёная кошка». Инициаторами этого объединения, давшим ему такое название, были художники П. В. Любарский и Ж. Плассе, приверженцы традиций футуризма, кубизма и экспрессионизма, которые появились в начале XX века. Сотрудничество художников «Зелёной кошки» было кратковременным. Её члены не обладали общностью творческих методов и единством идейных убеждений. К этому времени относится пребывание на Дальнем Востоке видного футуриста, поэта и художника Давида Бурлюка, впоследствии эмигрировавшего в Америку. Для П. В. Любарского — коренного хабаровчанина, служившего в Приамурском военном округе, организатора ряда городских выставок

и Жана Плассе — военнопленного художника, «Зелёная кошка» была удобной ширмой, чтобы печатать и беспрепятственно выставлять свои формалистические поиски. П. В. Львов оставался верным реалистической живописи и использовал это объединение также, как и В. В. Граженский для выставления своих карикатур. В 1917 году В. В. Граженский был помощником комиссара Временного правительства Русанова, а в 1920 году, направляясь на переговоры с японцами, был убит вместе с редактором Владивостокской газеты «Красное знамя» коммунистом Уткиным.

В рядах борющихся за освобождение Дальнего Востока от белогвардейцев и японских оккупантов был художник Никтополион Павлович Наумов. Его славная и недолгая жизнь была связана во многом с Хабаровском. Здесь он делал первые шаги в области политического, расписывал декорации в Народном доме. В дни оккупации он ушёл из города с партизанами. Воевал в партизанских отрядах Шевчука, Бойко-Павлова, Постышева в 1920–1922 годах. Не раз под покровом ночи проникал в занятый оккупантами Хабаровск для расклейки сатирических листовок и прокламаций. Возвратившись после окончания Гражданской войны в Хабаровск, Н. П. Наумов занимается разнообразной деятельностью, но основной для него становится работа в газете. На страницах «Дальневосточного пути», а затем «Тихоокеанской звезды» публиковались его карикатуры, вплоть до смерти, наступившей внезапно на охоте в 1928 году.

Особенно сильное влияние оказал на Наумова художник-плакатист Г. Р. Жизневский. Благоприятное воздействие Жизневского сказало и на И. Горбунове, который учился у него в Читинском промышленно-художественном училище по классу рисунка и резьбы по дереву. Георгий Ромульдович Жизневский за участие в студенческих демонстрациях попал в список неблагонадёжных и в силу этого решил приехать в 1900 году в Забайкалье. Он восторженно принял освобождение Читы в 1920 году от банд атамана Семёнова и с увлечением ра-

ботал над росписями здания Народного собрания по эскизам, получившим первую премию на конкурсе. В отличие от некоторых художников, предсказывавших конец культуры и искусства, он твёрдо верил, что именно теперь начинается их подлинный расцвет.

Карл Николаевич Каль получил образование в Германии. До 1910 года работал художником в Витебске, затем Томске, Иркутске. С 1911 года жил и работал во Владивостоке, с 1918 года — в Приморском областном музее в отделе живописи. Преподавал рисование в школах. В 1935 году Военным трибуналом Тихоокеанского флота был приговорён к пяти годам лишения свободы. Репрессирован, расстрелян в 1938 году. В 1965 году посмертно реабилитирован Верховным судом СССР за отсутствием состава преступления.

Виктор Никандрович Пальмов работал в стиле кубофутуризма. В 1919–1920 годы жил и работал в Сибири и на Дальнем Востоке. Был членом отдела ИЗО Наркомпроса Дальневосточной Республики. В 1920 году совместно с Бурлюком организует в Японии «Первую выставку русских художников» (Токио, Иокагама, Осака). В 1922 году в Доме Международной книги на Кузнецком мосту в Москве открылась его персональная выставка. Последующие годы преподавал в Киеве.

Вацлав Фиала (псевдоним Арсов) в 1919 году был во Владивостоке начальником артиллерийской батареи ДВКА. Находился в Японском плену, но был освобождён. После ухода из армии посещал занятия юридического факультета, одновременно преподавал рисование в женской гимназии. Как журналист и художник работал в журнале «Творчество», где сотрудничал с художником Д. Бурлюком. Познакомился во Владивостоке с родной сестрой Бурлюка — Марианной и в 1921 году вместе с ней вернулся в Чехословакию. По случаю 80-летия Фиалы во Львове и Москве состоялись большие выставки его произведений. Заслуженный художник ЧССР, за свою творческую деятельность имел высокие правительственные награды.

Вацлав Вацлавич Пановский получил европейское художественное образование в Краковской академии, затем в Париже. В 1928 году приехал во Владивосток. Участник многочисленных художественных выставок в России и за рубежом.

Касаясь истории русского авангардного движения на Дальнем Востоке, нельзя не отметить прекрасную выставку в Дальневосточном художественном музее в Хабаровске и изданный каталог «Два мира. Дальневосточное изобразительное искусство 20–30-х годов XX века в контексте русского авангарда», составленного Людмилой Григорьевной Козловой и Светланой Александровной Соловьёвой, изданного тиражом 500 экземпляров в Хабаровске в 2004 году. Это интереснейшее историко-культурное исследование сложного и противоречивого времени в области развития искусств в нашем крае и на Дальнем Востоке. Понятно, что розыск, изучение биографических данных художников прошлого — сложное и ответственное дело, хотя экспозиция состоит из собрания 4-х музеев: Дальневосточного художественного музея, Приморской картинной галереи (Владивосток), Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств, Хабаровского краеведческого музея им. Н. И. Гродекова. Хочется пожелать авторам-составителям дальнейших исследований сложной и малоизученной темы, и очень жаль, что такая работа в области культуры как бы замалчивается и не пропагандируется широко.

Новизна живописного искусства в 30-е годы

В 1927 году в Хабаровске при художественном отделе краеведческого музея инициативной группой в составе: П. П. Наумова, И. А. Горбунова и П. М. Покровского была организована «Ассоциация хабаровских художников». Она явилась организационной формой объединения усилий художников. А когда музею стали поступать произведения из центральных музеев, для создания

фонда художественных произведений, ассоциация явилась центром художественной жизни Хабаровска, а отдел, ставший художественным музеем, возглавил П. М. Покровский. Не будучи сам художником, П. М. Покровский пользовался среди коллектива художников огромным авторитетом. На скромные сбережения вместе с художником Г. В. Гусаком эти энтузиасты собрали огромный художественный материал, работы декоративно-прикладного искусства. Все эти экспонаты выставлялись вместе с произведениями живописи, графики и скульптуры. Огромный научный труд П. М. Покровского, подготовленный к печати, в 1937 году исчез бесследно. Но жизнь продолжалась. В 1932 году, одновременно с посмертной выставкой Наумова была открыта Первая Художественная выставка. С этого периода они устраивались ежегодно.

Тема Гражданской войны нашла отражение в творчестве хабаровчанина Василия Николаевича Высоцкого. Коренной хабаровчанин, в 30-х годах он учился в Благовещенском художественном училище в самое трудное время, когда необеспеченным иногородним студентам приходилось работать на разгрузке барж, браться за любую работу, чтобы заплатить за угол, скудные харчи. Он участвует на краевой выставке 1932 года со своими полотнами. Своими глазами художник видел события Гражданской войны, как белогвардейцы и интервенты всех мастей заполнили Дальний Восток, как начались расправы над мирным населением. В картине «Народ поднялся» В. Н. Высоцкий отобразил движущуюся лавину партизан, которую уже ничем нельзя остановить. Цикл его работ «Амур в огне» включает в себя картину «Гибель разведчика». Товарищи обнажили головы, тяжело переживают утрату. Высоцкий стал мастером жанровой картины, мастером композиции. Он умел гармонично и правдиво скомпоновать фигуры. Он пишет портрет писателя-фронтовика В. И. Клипеля, портрет кузнеца А. П. Павлова, снайпера Максима Пассара, тигролова П. П. Богачёва и др. Нельзя не вспомнить картину «Иван Семикоровкин» — молодой, красивый с обветренным лицом партизан в горно-таёжном районе.

Если Высоцкий предпочитал масляную живопись, работал методично, напористо, даже этюды старался довести до полной завершенности, то художник Алексей Васильевич Шишкин с одинаковой лёгкостью делал живописные и графические работы, переходил от масла к акварели. Он родился в Москве, осиротев в пять лет, воспитывался в детском доме, затем учился в Строгановском училище, окончил два курса ВХУТЕМАСа. Затем были годы странствий по Средней Азии и Сибири, военная служба в Приморье, а с 1934 года А. В. Шишкин навсегда обосновывается в Хабаровске, занимая видное положение в кругу местных художников. В Приморье он пишет картину «Расстрел партизан». Картина «Первый поезд в Комсомольск» находится в краеведческом музее города. Большинство его работ посвящены природе Дальнего Востока. Он являлся первым художником Хабаровского ТЮЗа. Его многие годы занимала тема старого Хабаровска. Он мастер лиричного, интимного пейзажа. Сам художник называл акварель «скрипкой в живописи», способной в талантливых руках передать очень тонкие ощущения и вызвать в душе зрителя волнующие эмоции».

В. Н. Высоцкого и А. В. Шишкина объединяла не только дружба, но и совместные поездки на этюды, в экспедиции, работа в Художественном музее, общность творческих замыслов.

В 1937 году, в связи с подготовкой к празднованию 5-летия Комсомольска-на-Амуре, хабаровским художникам А. В. Шишкину и В. Н. Высоцкому впервые был дан государственный заказ от Наркомтяжпрома на ряд произведений, отражающих строительство города и завода «Амурсталь». Художники участвовали в организации экспозиции городской первой выставки. В Комсомольске выставочную деятельность возглавлял Георгий Александрович Цивилёв, принявший деятельное участие в оформлении экспозиции, развёрнутой в помещении на Брусчатке.

Ещё в начале 1930-х годов, наряду с графикой, И. А. Горбунов экспонировал рельеф, вырезанный из дерева — «Атака на Хасане». Неистощимая фантазия извлекает из материала всё,

что самой природой в нём заложено. В мастерской И. А. Горбунова находились всевозможные древесные породы, стволы с причудливыми наростами. Один из таких наплывов послужил материалом для композиции «Куба». Искажённое ужасом лицо из корневища маньчжурского ореха позволили художнику в 1967 году создать произведение «Хиросима».

Остросюжетные, меткие, доходчивые сатирические рисунки И. А. Горбунова на протяжении десятилетий являлись своеобразной летописью и комментариями к событиям международной жизни на Дальнем Востоке и в Европе. Горбунову вместе с поэтом Петром Комаровым принадлежит первое агитационно-сатирическое окно «Удар по врагу», существовавшее в годы Великой Отечественной войны. Прекрасный собеседник, обаятельный человек, художник всегда был готов что-то посоветовать, помочь, подсказать.

Когда началась Великая Отечественная война, художники, как и весь народ, встали в ряды защитников Родины. Среди них Д. С. Шофман, Н. С. Тихонов, Г. В. Гусак, В. Л. Шкраб, уехавшие воевать на запад. Других — В. Е. Кайдалова, Н. Н. Баскакова, А. Д. Рашкевича, М. Г. Козелла, В. В. Завьялова — война забросила к нам, на восток. Горбунов, Шишкин, Высоцкий поступили в распоряжение политуправления Дальневосточного фронта.

Но где бы война ни застала художников, с первых же дней они без промедления включились в агитационно-массовую работу: писали лозунги и панно, расписывали агитпоезда, делали рисунки для печати. Работали в трудных условиях не считаясь со временем, безвозмездно. Самым важным делом был выпуск агитационно-сатирических плакатов «Удар по врагу». Их размножали от руки, лучшие печатались Дальгизом в тысячах экземпляров и рассылались по всему краю.

В Комсомольске возглавлял эту работу Г. А. Цивилёв, сделавший в то время серию рисунков «Ужасы войны». Вместе с ним участвовали в выпуске агитплакатов Засыпкин и Лоншаков.

Выводы

Процесс познания и изучения огромных территорий Дальнего Востока требовал больших человеческих затрат на экспедиции, перемещения по территории с целью изучения особенностей быта, условий жизни людей, местности на которой они живут.

В большинстве экспедиций участвовали подготовленные художники-рисовальщики, поскольку требовалась картосъёмка и описание изучаемой местности и населяющих её народов. Руководители кругосветными экспедициями были грамотными и подготовленными офицерами флота и сухопутных войск.

В период революционных преобразований в условиях Гражданской войны на Дальнем Востоке появление объединения культуры — «Зелёная кошка» само по себе знаменательно. Это позволило соединить разносторонние интересы художников и дало возможность разви-

ваться изобразительному искусству, устраивать выставки, проявить своё отношение к революционным преобразованиям. Однако требуется более углублённое изучение этого периода.

Эволюция развития художественных объединений, школ, техникумов, первичных ячеек рисовальной культуры, не имея общего руководства развивались хаотично, по мере появления заинтересованного и подготовленного художника-преподавателя.

В живописной культуре многое зависит от инициативы специалистов, от личной преданности и любви к предмету рисования, к тому, что ты делаешь. В культуре совсем не нужны случайные, неподготовленные, поверхностные люди. Необходимы подвижники-собиратели, истинные мастера, такие как директор музея П.М. Покровский, художники Г.А. Цивелёв, В.Н. Высоцкий, В.Е. Романов, В.Л. Шкраб, И.А. Горбунов, В.Г. Старикова, Г.А. Зорин, Н.П. Долбилкин и многие другие.

Список использованных источников

1. Федоров-Давыдов, А. Русский пейзаж XVIII–XIX / А. Федоров-Давыдов. — М.: Искусство, 1953.
2. Русский библиографический словарь. — СПб., 1903. — Т. 9. — С. 267; Петров, А. Н. Материалы для истории Академии художеств. — СПб., 1864. — Т.1. — С. 346, 398, 416, 579, 590.
3. В. И. Юзеров — Академик живописи — мэтр Николаевска // Амур. Лиман. — 1991. — 27 апр.
4. Юзефов, В. И. Е. Е. Мейер (14.03.1823–29.01.1867). Биографический очерк / В. И. Юзефов // Вестн. Сахал. музея. — 2000. — № 7. — С.113–118.
5. Мейер, Е. Е. Письма с Амура к С. В. М. / Е. Е. Мейер; публ. В. И. Юзефова // Вестн. Сахал. музея. — 2000. — № 7. — С. 119–156.
6. Большая энциклопедия: словарь общедоступ. сведений по всем отраслям / под ред. С.Н. Южакова. — СПб., 1904. — Т. 12. — С. 780.
7. ЦГИА, ф. 789 (1839–1869), оп. 14, дм — 41, №51, 54, 58, 59, 71, 82, 92.
8. Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом. — СПб.; М., 1895. — Т. 12, ч. 2.
9. Окладников, А. П. Незаслуженно забытые картины художника Ф. Ф. Баганца о Дальнем Востоке / А. П. Окладников, А. И. Крушанов // Труды ДВФ СОАИ СССР. — Благовещенск, 1963. — Вып. 5. — С. 154–161.
10. ГАХК, Ф.537, оп 1, д.43, с. 198–201.
11. ЦГА. РСФСР. ДВ, Ф 702, оп. 3, д. 500 л. 1-3
12. Фефилов, П. Л. Огонь разгорается от огня // П. Л. Фефилов // Свежий номер. — 2007. — 1 авг.
13. ГАХК, Ф.537, ОП. 1, д. 43, л. 203.
14. Кандыба, В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока.1858–1938 / В. И. Кандыба. — Владивосток, 1985. — С. 78.
15. Кочешков, Н. Первая художественная школа Приамурья / Н. Кочешков // Дал. Восток. — 1971. — № 5. — С. 157–158.
16. Старикова, Г. В. Художники Приамурья / В. Г. Старикова. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1968.
17. Старикова, Г. В. Страницы жизни / В. Г. Старикова. — Хабаровск: Рос. фонд культуры, 1998.
18. Козлова, Л. Г. Два мира. Дальневосточное изобразительное искусство 20–30-х годов XX века в контексте русского авангарда: каталог / Л. Г. Козлова, С. А. Соловьева. — Хабаровск, 2004.
19. Словесница искусств. — 1999. — № 3. — С. 18-19.
20. Романенко, Д. Ерофей Хабаров / Д. Романенко. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1969.
21. Из истории Хабаровского графа Н. Н. Муравьёва-Амурского кадетского корпуса. — Сан-Франциско: Тип. Глобус, 1978.

Культуру можно представить как систему мифологических структур различного назначения и уровня функционирования, начиная от простейших мифологем в сферах повседневности и заканчивая целыми сферами, определяющими потребности общества. Миф, используя для выражения своих смыслов в системе культуры семиотическую форму символа, способен наиболее адекватно выполнять функцию аккумуляции, интеграции и передачи из поколения в поколение вечных моделей личного и общественного поведения, сущностных законов социального и природного космоса.

Савелова Евгения Валерьевна, и. о. декана факультета социально-культурной и информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры, кандидат культурологии, доцент

Миф в смысловом пространстве культуры: семиотический аспект

Системно-синергетический подход к определению культуры

Многогранность культуры как феномена человеческого бытия породила в истории гуманитарной мысли множество подходов к её исследованию и определению. Перечислим лишь некоторые из них: аксиологический (В. Виндельбанд, Г. Зиммель, Г. Риккерт), психоаналитический (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Г. Юнг), функциональный (Ф. Боас, Б. Малиновский, М. Мид), деятельностный (М. С. Каган, Э. С. Маркарян, Г. П. Щедровицкий), символический (А. Белый, Э. Кассирер, Г. Коген, Л. Уайт), коммуникативный (М. Вебер, Ю. Хабермас), структурный (Р. Барт, К. Леви-Стросс). Каждый подход предлагает определённый объём теоретических понятий и совокупность приёмов анализа культурных форм и процессов. Наиболее адекватным для анализа культуры и выявления

специфики актуализации в ней мифа нам представляется системно-синергетический подход.

Распространение идей системного и синергетического подходов к исследованиям культуры стало следствием фундаментального пересмотра взглядов на социокультурные основания науки и научной рациональности во второй половине XX века. Одним из существенно значимых моментов в этом процессе можно считать «признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания» [8]. Как отмечает И. Пригожин, «идея нестабильности <...> потеснила детерминизм»: «универсум открывается как нечто многовариантное» и «раскрывает перед человечеством возможность выбора» [22, с. 47, 52].

В системно-синергетическом ракурсе мир и его фрагменты, осваиваемые человеком, понимаются как сложные развивающиеся системы, в которые включён и человек. Такие открытые неравновесные сложноорганизованные системы могут быть любой природы: социальные, природные, когнитивные. Их специфика определяется тем, что для них, как правило, существует несколько альтернативных путей развития, они не являются пассивным, инертным материалом, а обладают собственной «свободой», собственными недетерминированными возможностями.

Системный характер культуры и синергетические процессы её функционирования были неоднократно отрефлексированы в зарубежных и отечественных философских, социальных и культурологических исследованиях (В.И. Аршинов, О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, В.В. Василькова, М.С. Каган, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, А.П. Назаретян, Т. Парсонс, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, П.А. Сорокин, Н.И. Хренов, Г.П. Щедровицкий).

С позиций системного подхода культура представляет собой сложноорганизованную иерархическую систему, которую Э.С. Маркарян определяет как «большую систему». Это система, которой «не свойственна чёткая вну-

тренняя организация, пригнанность элементов». Она обладает диффузностью и подвижностью, в ней «границы культурных явлений проходят по широким, неопределённым территориям», но, тем не менее, элементы этой системы «характеризуются достаточно определёнными внутренними и внешними связями» [18, с. 59–60].

Ключевым теоретическим понятием, определяющим наиболее существенные признаки и законы культурного универсума, является понятие «смысл». Смысл в философско-культурологическом дискурсе всегда мыслился как скрепляющее начало человеческого бытия, бытия культуры и всего мироздания. Будучи первичным содержательным основанием культуры, универсальным метакодом, структурирующим культурное пространство, смысл соединяет в единое целое человека и мир, «переплавляя» в универсум ценностных ориентаций все многообразные чувственные впечатления эмпирической реальности, которые способен пережить человек.

Процессы смыслообразования, а также аккумуляции и трансляции смыслов лежат в основе всех фундаментальных системных взаимодействий внутри культуры и определяют не только начало культурогенеза, но и дальнейшие пути культурной динамики. Л.М. Баткин считал, что «онтологически культура есть не что иное, как внесение в мир смысла» [3, с. 118]. А по определению М. Вебера, культура — «это тот конечный фрагмент лишённой смысла мировой бесконечности, который с точки зрения человека обладает смыслом и значениями» [5, с. 379].

В основе процесса смыслообразования лежит первичное вычленение субъектного сознания из континуального переживания «жизненного мира» на экзистенциальном уровне бытия через установление метаоппозиции «Я — Другой». Важнейшую роль в этом процессе играет миф, удерживающий оба полюса оппозиции в едином пространстве «доверия» и задающий тем самым перспективу потенциально бесконечного смыслового продуци-

рования. В результате преодоления структурно-семантической гетерогенности мифа и разделения полюсов возникают новые условия для установления смысловых координат человеческого бытия.

Появление собственно культуры начинается тогда, «когда генеральная оппозиция «я — другое» становится априорной и наследуемой конструктивной константой» [19, с. 39]. Её дальнейшее дробление на более частные оппозиции бинарного характера (имманентное и трансцендентное, дискретное и континуальное, сакральное и профанное, внешнее и внутреннее, идеальное и реальное) порождает «лишь всё новые витки расчленений и оппозиционных полаганий, совокупно задающие структурный метакод всякого последующего смыслообразования», в результате которых «наращивается феноменологическое тело культуры» [19, с. 35].

Локус возникновения смысла, по определению А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, находится «как бы посередине между миром переживаемых прафеноменов и миром их инобытийственных семиотических эквивалентов» [19, с. 13]. Смыслы «опредмечиваются», организуются в завершённые ноуменальные структуры, застывают в конечных и единичных формах, составляя внутреннее содержание культуры.

Культура, таким образом, оказывается изоморфной миру экзистенциального переживания-рождения смыслов, представляет собой семиотический аналог этого мира. В ней содержатся наиболее общие ценности, верования, знания, принципы выбора целей, методы и технологии действий, — то есть те «смыслы», которые реализуются в культурных процессах и социальных взаимодействиях, а также те семиотические средства, которые обеспечивают организацию и коммуникацию этих смыслов.

Общий континуум как латентных, так и семиотически объективированных смыслов человеческого бытия, а также принципы и законы их образования и взаимодействия представляют собой в совокупности сложную самоорганизующуюся систему культуры, об-

ладающую нелинейным, бифуркационным характером развития. Многообразие культурного опыта порождает как внешнюю разветвлённую иерархию знаковых систем культуры, так и их внутреннюю структурно-семантическую сложность. Поэтому морфологическую модель культуры в самом общем виде можно определить как сложноорганизованный комплекс относительно автономных культурных сфер, в которых концентрируется специфическое смысловое содержание в наиболее адекватной для той или иной сферы семиотической «оболочке».

Как отмечают Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, иерархическая структура культуры может быть рассмотрена как «сочетание высокоупорядоченных систем и таких, которые допускают в разной мере дезорганизацию, вплоть до того, что для обнаружения структурности их необходимо постоянно сопоставлять с первыми» [16, с. 337]. В этом случае культура представляет собой хорошо структурированные ядерные системы, в которых реализованы или приближены к идеальной реализации структурные связи и отношения всех уровней («сфера порядка»), а также сферу периферийного, слабоструктурированного пространства, не обладающего внутренней упорядоченностью и испытывающего на себе периодическое организующее воздействие со стороны ядра. Пространство внешней по отношению к культуре среды образует «сферу хаоса», а на периферии системы, в своеобразной буферной зоне диссипации, идут постоянные процессы структурного усложнения (негэнтропии) и противоположные им процессы структурного упрощения (энтропии).

«Недостроенность», неоднородность культуры, наличие различно организованных структур и разных степеней организованности является, по мнению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, не только необходимым условием работы механизма культуры, но и законом её существования. Исследователи пишут: «Мы не можем назвать ни одной исторически реальной культуры, все уровни и подсистемы которой были бы организова-

ны на строго одинаковой структурной основе и синхронизированы в своей исторической динамике» [16, с. 341].

Миф в логике репрезентации культурных смыслов

Системно-синергетические характеристики культуры позволяют обозначить в её структуре и внутрисистемных процессах позицию мифа как фундаментальной смыслообразующей формы, становление и развитие которой обуславливает жизнеспособность, функционирование и воспроизводство культурно-семиотического универсума.

Рассмотрим структурно-функциональные особенности мифа в культуре, специфику его возможной внутрисистемной локализации, а также механизмы репрезентации культурных смыслов. При этом необходимо учитывать, что изначально целостное мифологическое переживание «доверия» к миру распадается в процессе смыслополагания на субъект-объектную антиномию и затем кодифицируется в семиотических формах, преодолевая хаотическую гетерогенность жизненного мира и образуя упорядоченную смысловую целостность. Структурное «превращение» мифа объясняется тем, что смысловые полюса «своего» и «иного» в момент «затухания» экзистенциального мифологического переживания фиксируются, приобретают новое качество «остановленного мгновенья» и отчуждаются в пространство культуры уже в определённой знаковой форме.

Таким образом, миф «превращается» из формального оператора-проводника свободно перетекаемых смысловых потоков в семиотически маркированную структурную конфигурацию с более-менее сильно выраженным семантическим центром и нестабильной смысловой периферией.

Центральная часть смыслового комплекса мифа является пассивно-инертной и наиболее

устойчивой, то есть сохраняющейся во времени в качестве инварианта. В ней заключено константное ядро мифа — доминантный смысл, зафиксированный в оппозиции «Я — Другой» и получивший своё «имя». Этот смысл выбирается и закрепляется в культурной традиции в соответствии с теми или иными историческими, мировоззренческими, психологическими, политическими и другими установками. Вокруг него в периферийной зоне располагается диффузионное «облако» пограничных смыслов, представляющих собой другой, вероятностный полюс оппозиции, потенциально способных к изменению, интерференции или даже к отпадению от основной части. Связи, соединяющие центральную и периферийную зоны, могут варьироваться в диапазоне от очень слабых, создающих практически однородное смысловое пространство и подверженных рискам разрушения, до очень устойчивых, выделяющих смысловую константу и нейтрализующих второстепенные элементы, вплоть до полного их игнорирования.

Такая «превращённая» форма мифа, представляющая собой знаковый эквивалент мифологического переживания экзистенциальной коммуникации с Другим, включается в сеть актуальных и потенциальных культурных взаимодействий, а её основным признаком как минимальной единицы мифологического дискурса является присутствие «следа» Другого, определяемого через наличие явно или неявно выраженных коннотативных значений. Каждый мифологический смысл семантически многозначен, он несёт в себе отпечатки, отголоски множественных образов Другого — смыслов, эмоций, действий, ситуаций, чувств, переживаний.

Нам представляется, что именно присутствие Другого в смысловой структуре мифа объясняет его неистребимую «живучесть», его участие и в архаическом, и в современном культурном процессе. Поэтому даже при изменении социокультурной ситуации мифы оказываются устойчивыми и константными для различных культур и обществ в разные

исторические периоды, ведь в них может быть проявлена и актуализирована новая грань смыслового облика Другого, новые оттенки его потенциально бесконечного бытия. Накапливая и концентрируя возможные сочетания и рекомбинации смыслов, миф, таким образом, создаёт свою собственную семантическую «историю» и выполняет по отношению к культуре функцию аккумуляции.

Однако образуемый мифом смысл важен не только своей семантической глубиной и способностью удерживать собственное ассоциативное поле для проявления Другого, не только возможностью манифестировать свой уникальный потенциал в смысловом универсуме культуры, но и перспективой вторичной актуализации механизмов мифа по отношению к уже сформированным культурным смыслам как к Другим (и — в пределе — к культуре как к обобщённому Другому). В каждой историко-культурной традиции существует набор изначальных мифологических смыслов, протосмыслов, которые сами в свою очередь выступают как синкретически нерасчленённое целое для вторичного оппозиционного расчленения и последующего смыслообразования. Иными словами, вторичная культурная рефлексия влечёт за собой новый виток порождения мифов и формирования новых семиотических опосредований. На базе уже существующего, семиотически выраженного мифа могут возникать новые смыслы, новые коннотации, новые семантические приращения.

Миф, таким образом, и на культурно-семиотическом уровне бытия выполняет функцию интеграции, соединяя между собой многочисленные комплексы культурных смыслов и порождая их новые корреляции и рекомбинации. Каждая новая мифологическая структура должна «сопрягаться», взаимодействовать со всей системой мифологических представлений, уже сформированных в культуре. То есть, культуру можно представить как систему мифологических структур различного назначения и уровня функционирования, начиная от простейших мифологем в сферах повседневности

и заканчивая целыми сферами, определяющими потребности общества. Сохраняя в своём диапазоне возможность неограниченного смыслового становления Другого, миф обогащает культуру новыми элементами либо преобразует уже имеющиеся, поэтому по праву может быть определён как «имагинативный абсолют смыслообразования» [6, с. 138].

Культурные смыслы, порождаемые мифами, не только формируют определённые сегменты общей картины мира для носителей той или иной этнокультурной традиции, но и соединяют с ней каждое индивидуальное сознание. Именно об этом культурном статусе мифа пишет А. М. Лобок: «В сущности говоря, вера в тот или иной миф есть главный признак принадлежности человека к миру той или иной культуры. И если спросить, что отличает одну культуру от другой, то ответ будет предельно прост: в конечном итоге — МИФ, лежащий в основании этой культуры. Миф — это то, что позволяет человеку чувствовать себя уютно и естественно в своей культуре и не уютно и не естественно — в чужой» [11, с. 25].

Нам представляется, что мифологические смыслы могут проявляться в любой сфере культуры (в искусстве, в религии, в социальных отношениях, в повседневной жизни и т. п.), а также присутствовать в личном ментальном пространстве каждого человека. Для них в культуре нет специфического пространства бытования: они легализуются на все уровнях и во всех подсистемах культуры, создавая, тем самым, ситуацию потенциального разотождествления существующих смысловых связей и разрушения стабильности внутрисистемных отношений.

Таким образом, отчуждаясь в пространство культуры, миф «схватывается» в некий момент своего живого, актуального бытия, профанизируется и обретает самостоятельную знаковую форму, в которой фиксируются те или иные определённые смысловые отношения Я и Другого. При этом в каждом мифологическом «эмбрионе» будут присутствовать в скрытом, неявном состоянии потенциально

бесконечные программы возможного смыслового развёртывания и трансформации. Из таких мифологических структур формируется неоднородное семантическое поле, в котором содержится потенциальный запас первичных смысловых комплексов культуры вообще.

По сути, любая культура или отдельная её сфера будет выстраивать внутрисистемные смысловые взаимодействия через обращение к этому универсуму пока не реализованных семантических возможностей, выявляя и закрепляя в традиции лишь те, что соответствуют определённым «правилам игры» (ментальным, психологическим, гносеологическим, мировоззренческим, социальным).

Семиотическая объективация мифа в культуре

К. Леви-Стросс, определяя основные, на его взгляд, ошибки мифологов XIX века, упрекал их в том, что они «пытались понять миф исключительно посредством одного кода, в то время как в нём действует всегда их несколько» [10, с. 38]. Действительно, это свойство мифа, подчёркнутое исследователем, является одним из ключей к пониманию специфики семиотической репрезентации мифологических смыслов в культуре, а также даёт возможность понять особенности семиотического выражения мифов во взаимодействии с образованием.

Итак, выбор семиотического эквивалента для выражения смыслового содержания мифа в культуре определяется следующими факторами.

Во-первых, миф создаёт в своей структуре «шлейф» смысловых коннотаций, которые потенциально не могут быть исчерпаны, поэтому для того, чтобы миф был идентифицирован в культурной традиции как миф, в составе знака, представляющего мифологический смысл, должно быть представлено не одно, а как минимум два и более означаемых.

Во-вторых, поскольку образ Другого в мифе может значительно варьироваться (в пределе — до бесконечности) и, соответственно, отсылать не только к принципиально разным, но и к произвольным семантическим полюсам, то характер означаемого в составе знака, представляющего мифологический смысл, не всегда может быть предопределён характером означаемого, и, следовательно, в структуре связи между ними должен преобладать конвенциональный фактор.

В-третьих, знак, представляющий мифологический смысл, должен сохранять глубину и многомерность смысловой перспективы мифа, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора основательного знания культурного контекста и умения работать с кодами различного уровня (языковым, визуальным, историческим, социальным, психологическим, религиозным, художественным, научным и т. п.).

Нам представляется, что наиболее адекватным, отвечающим всем трём условиям типом знака для репрезентации мифологических смыслов, является символ. Именно через символ может быть выражена потенциальная смысловая бесконечность мифа, возможность проявления и актуализации тех смыслов, которые изначально представлялись вероятностными.

Контекст современного употребления термина «символ» связан с историей различных областей знания (искусствоведения, лингвистики, логики, математики, семиотики, философии), поэтому его понятийное «насыщение» является достаточно сложным, неоднозначным и, соответственно, требует прояснения. Проведём дифференциацию и дефиницию понятия «символ» по двум направлениям — символ и миф (философско-культурологическая традиция), символ и знак (семиотическая традиция).

Соединение или разграничение категориальных полей символа и мифа — проблема, далеко не новая в гуманитарных исследованиях. Начиная от Платона, отграничившего символ от дофилософского мифа, и неоплатоников,

увидевших в символе глубину и сокровенность мифологических интуиций, европейская культурфилософская традиция предлагает множество вариантов соотнесения этих понятий. В эстетической теории немецкого романтизма (И. Гёте, Г. Ф. Крейцер, Ф. В. Шеллинг, Ф. Шиллер, А. и Ф. Шлегели) символ противопоставляется аллегории как иррациональный, интуитивный, поэтический образ, выражающий бесконечность, а корни, его питающие, обнаруживаются в древнейших мифологиях.

«Знаковость» символа, его несводимость к мифу подчёркивают в рамках классической философской традиции Г. В. Гегель, Ф. Фишер, И. Фолькельт. В отечественной лингвопоэтической школе XIX века (А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. А. Потебня) мифическое и поэтическое (символическое) мышление также ясно разграничиваются. Символ, как утверждает А. А. Потебня, имеет и образную, и знаковую природу, которая проявляется в слове как понятии. А миф, хотя и принадлежит области поэзии в обширном смысле этого слова, но «отличается от собственно поэтического мышления тем, что оно не метафористично, то есть исходит не из сходства обозначаемых метафорой объектов, а из их действительного родства» [21, с. 11].

Мыслители русской религиозной философии (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, П. А. Флоренский) видят в символах определённые знаки трансцендентного мира, сигнализирующие о третьем пути познания: не чувственном, не рациональном, а мистико-мифологическом. Так, Н. А. Бердяев подчёркивает, что «в основе мистико-символического знания лежит не философия, а мифология. Понятие порождает философию, символ порождает мифологию. На высоких ступенях гнозиса философское и религиозное познание освобождается от власти понятий и обращается к мифу» [4, с. 60]. И далее: «Чистая, отвлечённая метафизика, совершенно свободная от всякой мифологии, есть смерть живого знания, отрыв от бытия, прекращение питания. Живое знание — мифологично» [4, с. 60].

В философии русского символизма Серебряного века (А. Белый, В. Я. Брюсов, В. И. Иванов, Д. С. Мережковский) миф представляет собой особую реальность мистического прозрения, откровения, прорыва к высшей реальности; адекватно выразить эту реальность возможно лишь средствами символического языка, доступными и привычными для восприятия лиц из круга сопричастных. В. И. Иванов пишет: «В круге искусства символического символ естественно раскрывается как потенция и зародыш мифа. Органический ход развития превращает символизм в мифотворчество» [7, с. 605]. Таким образом, символ служит средством актуализации мифа.

В XX веке Э. Кассирер интерпретирует понятие «символ» как предельно широкое понятие человеческого мира: человек есть «животное символическое», а язык, миф, религия, искусство и наука суть «символические формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос. В психоаналитической концепции К. Г. Юнга можно наблюдать размытие границ между символом и мифом и превращение символа в лишённую твёрдого смыслового устоя стихию.

Наблюдения над природой символа и мифа позволили С. С. Аверинцеву сделать вывод о том, что символ есть «знак, наделённый всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа», то есть «образ, взятый в аспекте своей знаковости» [1, с. 155]. Такой символ не может быть дешифрован простым усилием рассудка. Он требует не простого опознания в качестве культурного знака, но активного вживания в его внутреннюю структуру со стороны воспринимающего. Взаимосвязь мифа и символа С. С. Аверинцев объясняет так: «Сама структура символа направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию «первоначал» бытия и дать через это явление целостный образ мира. Здесь заложено сродство между символом и мифом; символ и есть миф, «снятый» (в гегелевском смысле) культурным развитием, выведенный из тождества самому себе и осознанный в своём несовпадении с собственным смыслом» [1, с. 155].

Наше понимание сущности и характера взаимодействия и разграничения мифа и символа вполне согласуется с философской интерпретацией А. Ф. Лосева. Символ в его трактовке предстаёт как эманация или выражение мифа: «Наконец, под символом я понимаю ту сторону в мифе, которая является специально выражающей. Символ есть смысловая выразительность мифа, или внешне-явленный лик мифа» [12, с. 32]. Через посредство символа глубинное, онтологическое начало впервые выходит на уровень внешнего проявления в культуре. Миф как первооснова и первоформа человеческого бытия и сознания являет себя в культурном пространстве именно в символе, определяя его бытийную основу, его смысл, его сущность: «Символ есть эйдос мифа, миф как эйдос, лик жизни. Миф есть внутренняя жизнь символа, — стихия жизни, рождающая её лик и внешнюю явленность» [12, с. 32].

Переходя к особенностям семиотического бытования символа, отметим, что в современной семиотике также представлены разные точки зрения на проблему соотношения символа и знака.

Так, в частности, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский [17], анализируя взаимосвязь знаковости и символичности, рассматривают символ как самостоятельную, внеязыковую категорию. Их понимание природы символа во многом перекликается с концепцией языкового символизма Л. Витгенштейна: символы не являются знаками, поскольку сам процесс мышления — символический, а символ не может быть бессмысленным.

В этом же ключе трактует отношения символа и знака Е. Курганов [9]. По его мнению, символическая и знаковая реальности существуют как параллельные плоскости: между символом и знаком не действуют иерархические отношения. Это разные культурные феномены, они функционируют независимо, каждый в своей сфере. Знак предполагает рациональное отношение к языку, он обозначает нечто по условной договорённости между людьми. Символ

настроен на проникновение в глубинные смыслы, которые существуют сами по себе и не могут быть произвольно установлены человеком, они всегда мотивированы и могут быть общими для различных исторических эпох и культур [9, с. 122].

Противоположный подход к проблеме знака и символа демонстрирует А. Ф. Лосев, подчёркивая, что «поскольку слово знак обладает огромным количеством значений, то его удобнее будет называть «символом»» [13, с. 245]). В его интерпретации символ и знак отличаются лишь степенью обобщённости: «Символ есть разновидность знака, но также верно и то, что знак в некотором отношении тоже является символом. Символ есть развёрнутый знак, но знак тоже является неразвёрнутым символом, его зародышем» [14, с. 131]. По мнению философа, знак всего лишь демонстрирует и манифестирует вещь для нас, в то время как символ всегда есть некоторого рода обобщение. Если в символе нет обобщения, создающего бесконечную смысловую перспективу, то о нём говорить не стоит [14, с. 39–40, 133].

Как отмечает А. А. Шунейко, символ в современной науке используется в трёх основных значениях, различающихся, прежде всего, по степени объёма понятия. Это математический символ (единица языка математики, цифра или знак математических преобразований), языковой символ (единица естественного языка, слово) и семиотический символ (тип знака в рамках общей классификации знаков безотносительно к тому, в какой семиотической системе он функционирует) [25, с. 77]. Именно третье значение символа является наиболее общим и используется нами в исследовании мифа и образования.

В рамках семиотических исследований сформировались три основных подхода к истолкованию понятийного объёма символа. Первый подход предполагает, что символ — это знак естественного языка или только разновидность знаков естественного языка, противопоставленных несимволическим (дейктическим) знакам. Этот взгляд нашёл отражение в трудах

Ф. де Соссюра, К. Бюллера, Т. Гича, Д. Льюиза. Второй подход отождествляет (или смешивает) понятия «индекс» и «символ»: «символ есть арена встречи означающего и означаемого, которые не имеют ничего общего между собой» [15, с. 266]. Эту же позицию неразличения индекса и символа разделяет Ф. де Соссюр.

Третий, самый широкий подход предполагает, что символ — разновидность знака, которая может выступать в форме любого знака, находящегося в сфере культуры, то есть созданного в её границах или включённого в неё извне. Иными словами, «любой знак, бытующий в сфере культуры, может стать символом или приобрести символический статус, даже если означающее первоначально (генетически) относилось к природной сфере. Берёзка стала символом России, ветка акации — символом масонов, ель — символом нового года, клён — символом Канады, сакура (а также Фудзияма) — символом Японии, терновый венец — символом христианских мучений и т. д.» [24, с. 82–83]. Этот взгляд нашёл отражение в трудах Ч. С. Пирса, Э. Сепира, А. Белого.

Мы придерживаемся точки зрения Ч. С. Пирса, утверждавшего, что символ — это частный случай знака: «Символ есть знак, который утратил бы характерное свойство, делающее его знаком, если бы не было интерпретанты» [20, с. 217]. В рамках концепции Ч. С. Пирса и Ч. У. Морриса интерпретанта представляет собой факт учитывания определённого свойства объекта, позволяющего воспринимать этот объект в рамках данной коммуникативной ситуации в качестве знака.

С точки зрения Ч. С. Пирса, символ характеризуется отсутствием необходимой естественной связи с обозначаемым объектом. Связь между означающим и означаемым символа основана на произвольной, конвенциональной смежности, «приписанного свойства». При интерпретации любого данного символа знание этого конвенционального правила обязательно, и знак получает действительную интерпретацию только потому, что это правило известно. Как отмечает Ч. С. Пирс, способ существования

символа «отличается от способа существования иконического знака и индекса. Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определённо будет воспринято, если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора. Каждое слово есть символ. Каждое предложение — символ. Каждая книга — символ... Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее» [26, с. 126].

Соответственно, под термином «символ» нами понимается знак, генетически восходящий к иконе или индексу, который характеризуется тремя основными и обязательными чертами: 1) конвенциональным типом связи между означающим и означаемым; 2) тем, что для его адекватной интерпретации необходим более чем один код; 3) предельной семантикой, то есть тем, что «семантика конкретного символа не может быть сведена к семантике какого-либо знака иного типа, в то время как совокупности семантик знаков иных типов при определённых условиях могут быть сведены к символу» [25, с. 80].

Природа и специфика символичности определяются по-разному. Символичность может восприниматься как характеристика знака или как особенность, возникающая у него в рамках определённой коммуникативной ситуации, приписываемая ему.

Рассматривая особенности символа как репрезентанта мифа в пространстве культуры, отметим, что семантика символа принципиально неисчерпаема. Совокупность сиюминутно воспринимаемых значений символа никогда не сводима к совокупности действительно существующих у него значений.

В исторической перспективе количество значений символа, если он остаётся актуальным для языкового коллектива, постоянно увеличивается. В этом реализуется одна из важнейших черт культуры — самонакопле-

ние. Можно предположить, что именно символы являются единицами, конденсированно выражающими и воплощающими эту черту. Символ (как и индекс) способен выполнять все основные и дополнительные функции знака в их различных комбинациях и (но) при этом реализовать их набор одновременно несколько раз (в различных плоскостях) в зависимости от того, сколькими кодами обусловлено его восприятие [25, с. 81].

Итак, предельно обобщённые символы как означающие отсылают к определённым, сложившимся и генетически закреплённым в той или иной этнической или национальной традиции, комплексам смыслов — означаемых, значение каждого из которых мотивируется изначальным мифологическим переживанием «доверительной» сопричастности Другому. Фиксируя ту или иную смысловую грань мифологического соотнесения с Другим, означающее в символе концентрирует объём и сложность мифологических означаемых и вписывает, тем самым, мифологический смысл в семантический универсум определённой культурной традиции. При этом символ сохраняет способность возобновления находящихся в «спящем» режиме мифологических отношений и связей.

Помимо того, что смысловая структура символа многослойна, она рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Как отмечает С. С. Аверинцев, «символ тем содержательнее, чем более он многозначен: в конечном же счёте содержание подлинного символа через опосредующие смысловые сцепления всякий раз соотнесено с «самым главным» — с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого «универсума» [1]. Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться».

Особенности восприятия и дешифровки символа связаны с умением интерпретатора использовать различные коды для более полной реконструкции возможных мифологических образов Другого. Об этом механизме интерпретации пишет А. Прието, когда указывает на то, что сре-

ди современных читателей, воспринимающих имя Тристан, можно выделить две группы — тех, для кого оно просто антропоним (они пользуются одним кодом), и тех, кто связывает его с прошлым, настоящим и вневременным (они пользуются не одним кодом). Для последних «Тристан, помимо того что это знак, есть форма, отсылающая к неким связям (многомерность), которые вызывают к жизни определённые символические константы таким образом, что их семантика сохраняется и в современном действии» [23, с. 415].

Эту особенность в восприятии знака Р. Барт объясняет спецификой символического интерпретирующего сознания: «Символическое сознание видит знак в его глубинном, можно сказать, геологическом измерении, поскольку в его глазах именно ярусное залегание означаемого и означающего создаёт символ» [2, с. 247–248]. И далее: «Символическое сознание предполагает образ глубины; переживает мир как отношение формы, лежащей на поверхности, и некоей многоликой, бездонной, могучей пучины (Abgrund), причём образ этот увенчивается представлением о ярко выраженной динамике: отношение между формой и содержанием непрестанно обновляется благодаря течению времени (истории), инфраструктура как бы переполняет края суперструктуры, так что структура при этом остаётся неуловимой» [2, с. 251].

Иными словами, распознавание и идентификация того или иного означаемого могут быть проведены только при глубоком знании культурного контекста, провоцирующего «обвал» мифологических означаемых в зависимости от использования различных кодов дешифровки. Разотождествление устойчивой смысловой связи означаемого и означающего приводит к новому витку семиотических опосредований и угадываний нового «лика» мифологического смысла в, казалось бы, знакомом образе — означающем.

Таким образом, миф, используя для выражения своих смыслов в системе культуры семиотическую форму символа, способен наиболее адекватно выполнять функцию аккумуляции,

интеграции и передачи из поколения в поколение вечных моделей личного и общественного поведения, сущностных законов социального и природного космоса. В структуре символа присутствует момент соединения разных знаковых систем семиосферы, охватывающей различные коды, языки, культурные миры, направления и виды человеческой деятельности. Являясь важнейшими смыслонесущими единицами семиосферы, символы образуют внутри

той или иной культурной системы или отдельной её сферы семантическую сеть, с помощью которой они сохраняют глубинные культурформирующие смыслы мифа, актуализируют их и приобретают новые, переходя из одной исторической эпохи в другую. Миф в своём символическом воплощении выступает как механизм памяти культуры, как послание других культурных эпох, как напоминание о древних и вечных основах культуры.

Список использованных источников

1. Аверинцев, С. С. *Художественный символ // София-Логос : словарь / С. С. Аверинцев.* — Киев, 2001. — С. 155–161.
2. Барт, Р. *Воображение знака // Избранные работы : Семиотика. Поэтика ; пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.* — М., 1994. — С. 246–252.
3. Баткин, Л. М. *Культура всегда накануне себя. Заметки разных лет / Баткин Л. М. // Красная книга культуры / сост. В. Рабинович.* — М., 1989. — С. 117–130.
4. Бердяев, Н. А. *Символ, миф, догмат // Философия свободного духа / Н. А. Бердяев.* — М., 1994. — С. 50–70.
5. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического сознания // *Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко.* — М., 1990. — С. 345–414.
6. Голосовкер, Я. Э. *Логика мифа / Я. Э. Голосовкер.* — М. : Наука, 1986. — 216 с.
7. Иванов, В. И. *Предчувствия и предвестия / В.И. Иванов // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5-ти т. — М., 1969. — Т. 4 (1) : Русская эстетика XIX века.* — С. 602–608.
8. *Интервью с С. П. Курдюмовым // Вопр. философии.* — 1991. — № 6. — С. 53–57.
9. Курганов, Е. *Анекдот — Символ — Миф: этюды по теории литературы / Е. Курганов.* — СПб. : Звезда, 2002. — 128 с.
10. Леви-Стросс, К. *Мифологика: Человек голый / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. К.З. Акопяна.* — М. : FreeFly, 2007. — 781 с.
11. Лобок, А. М. *Антропология мифа / А. М. Лобок.* — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. — 688 с.
12. Лосев, А. Ф. *Диалектика художественной формы // Форма. Стиль. Выражение / А. Ф. Лосев.* — М., 1995. — С. 5–296.
13. Лосев, А. Ф. *Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев.* — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 480 с.
14. Лосев, А. Ф. *Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев.* — М. : Искусство, 1976. — 366 с.
15. Лосев, А. Ф. *Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев ; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи.* — М. : Политиздат, 1991. — 525 с.
16. Лотман, Ю. М. *О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б. А. Успенский // Избранные статьи : в 3-х т. / Ю.М. Лотман.* — Таллин, 1993. — Т. 3 : Статьи по истории русской культуры. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. — С. 326–344.
17. Мамардашвили, М. К. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский.* — М. : Яз. рус. культуры, 1997. — 218 с.
18. Маркарян, Э. С. *Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ / Э. С. Маркарян.* — М. : Мысль, 1983. — С. 59–60.
19. Пелипенко, А. А. *Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко.* — М. : Яз. рус. культуры, 1998. — 376 с.
20. Пирс, Ч. С. *Избранные философские произведения : пер. с англ. / Ч. С. Пирс.* — М. : Логос, 2000. — 448 с.
21. Потебня, А. А. *Теоретическая поэтика / А. А. Потебня.* — М. : Высш. шк., 1990. — 344 с.
22. Пригожин, И. *Философия нестабильности / И. Пригожин ; пер. с англ. Я. И. Свирского // Вопр. философии.* — 1991. — № 6. — С. 46–57.
23. Прието, А. *Из книги «Морфология романа» / А. Прието // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов.* — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Екатеринбург, 2001. — С. 392–422.
24. Савелова, Е. В. *Семиотика : учеб. пособие / Е. В. Савелова, А. А. Шунейко.* — Хабаровск : Изд-во ДВГУ, 2008. — 348 с.
25. Шунейко, А. А. *Масонская символика в языке русской художественной литературы XVIII — начала XXI веков / А. А. Шунейко.* — Хабаровск : Изд-во ДВГУ, 2006. — 400 с.
26. Якобсон, Р. *В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика : антология / сост. Ю.С. Степанов.* — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Екатеринбург, 2001. — С. 111–126.

Москвитина Наталья Владимировна,
доцент кафедры сценической речи
Хабаровского государственного
института искусств и культуры

Современное состояние речи на Дальнем Востоке и проблемы коррекции говорного произношения

Литературное произношение, которое считалось эталонным, постоянно меняется, каждая эпоха вносит в язык свои изменения. Сегодня, в условиях интенсивного развития средств массовой информации, когда общество стабилизируется, и совершается поворот в сторону профессионализма, всё чаще люди, деятельность которых связана с постоянным произнесением речей, обращаются к педагогам по речи.

Современные исследования живых фонетических процессов русской речи показали, что значительное число говорящих на русском языке в пределах России не владеют правильным литературным произношением. Наибольшее количество диалектных явлений в речи наблюдается, по мнению учёных, у сельских жителей и жителей малых городов. Но и среди городского населения больших городов у образованных людей, имеющих среднее и высшее образование, также встречаются черты говорного произношения. Например, в Ярославле учёные насчитали до 7 фонетических особенностей отличающихся от нормы, в Вологде до 19.

Дальний Восток России — регион небольших городов, населённых в основном переселенцами, поэтому проблема коррек-

ции произношения стоит особенно остро. Литературный язык — это язык образцовый, его нормы считаются эталонными для всех носителей языка. Но в любом живом языке со временем происходят процессы развития и изменения. В последние два десятилетия в русском языке эти процессы ощущаются остро. Издание словарей, допускающих произнесение слов не с тем ударением, которые раньше считалось единственно правильным, эталонным, наделало много шума и привело к спорам в прессе и на телевидении. Однако споры эти ничем не закончились, перемены в обществе, изменения в сознании людей, переоценка ценностей, влияние иностранных языков, влияние разговорного языка, ненормативной лексики и т. д. вносят свои изменения в литературный русский язык. Любой национальный язык представляет собой совокупность разнообразных явлений, таких как литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты, жаргоны, которые влияют друг на друга.

Речь бытовая и публичная имеет некоторые различия, хотя, по существу, это русская речь. Неофициальную устную речь обычно принято называть разговорной. Разговорную речь в связи с техническими трудностями её фиксации начали исследовать лишь с конца пятидесятых годов двадцатого века. До этого русский язык изучали или только в его литературно-письменных проявлениях, или в диалектных разновидностях. Сегодня разговорная речь всё больше привлекает к себе внимание лингвистов, т. к. ею активно пользуются средства массовой информации, политики, государственные деятели, в том числе и президенты, даже в официальных выступлениях. Специалисты речевых профессий, в том числе и педагоги высшей школы, тоже используют разговорную речь на своих занятиях. Студенты, в соответствии со своим возрастом, часто неспособны воспринимать официальную речь, она им кажется искусственной, оторванной от жизни. Кроме того, современный студент

на собеседованиях, семинарах, в диспутах, при защитах рефератов, курсовых и дипломных работ, в ответах на экзаменах и зачётах для убедительности использует разные виды речевого общения. Что допустимо в речи, а что нет, в условиях высшей школы, сегодня трудно ответить даже специалисту. Конечно ненормативной лексике, жаргонным словам нет места в высшей школе, кроме исследовательских моментов. А вот многие элементы разговорной речи сами по себе постепенно внедряются в литературную произносительную норму, изменяя её. Поэтому в пособиях по современному русскому литературному языку филологи, лингвисты, педагоги по сценической речи осторожно дают некоторые сведения о нормах разговорной речи, не торопятся проводить обобщения, утверждать новые нормы произношения.

Многие сегодня требуют привести орфографию в соответствии с произношением (т. е. «как говорю, так и пишу»), их оппоненты, говорят, что надо говорить, как пишется. Но нельзя изменять язык искусственным путём, язык развивается и изменяется вместе с обществом, в нём отражается вся жизнь народа, история его материальной и духовной культуры. В орфоэпических нормах до сих пор существует правило, которое, казалось бы, противоречит другому правилу произношения согласных звуков. Это правило произношения сочетаний «ЗЖ» и «ЖЖ» внутри корня, как долгого двойного мягкого «ЖЬЖЬ». Сегодня же всё больше людей произносит «уезжаю» как «уеЖЖаю», а не в соответствии с нормой — «уеЖЬЖЬаю». Удивительно, что это правило просуществовало так долго, т. к. в русском языке звуки «Ж» и «Ш» имеют только твёрдое звучание. Ещё недавно нормой литературного произношения считалось правило смягчения некоторых твёрдых согласных, стоящих перед мягкими согласными (ассимиляция по мягкости). Но почти никто не говорит сегодня «дъверь», «съвекровь», «зьмея» и т. д. Мало

того, подобное произношение, например, на телевидении придаёт речи неприятную манерность. Хотя, по-прежнему в соответствии с этим правилом произношения, мы говорим «в ваньные», «пёсьня», «басьня». Тенденцию исчезновения ассимиляции по мягкости лингвисты отмечают давно и считают прежнее произношение если не исчезающим, то, во всяком случае «факультативным».

Несмотря на изменения в языке, в последнее время всё чаще раздаются требования от работодателей привести речь сотрудников в соответствии с нормами русского литературного произношения не только в Европейской части России, но и на Дальнем Востоке, причём не только в сфере культуры и искусства. С просьбами коррекции произношения и вопросами по профессиональному речевому общению обращаются депутаты, работники банков, энергетических и торговых компаний, психологи и т. д. Сегодня каждая уважающая себя телерадиокомпания Дальнего Востока имеет педагога-консультанта по речи. В программы средней школы по русскому языку стали входить разделы по обучению нормам русского литературного произношения, т. к. полноценное развитие личности ребёнка невозможно без воспитания у него правильной речи. Чем раньше родители обращают внимание на правильное звукопроизношение у ребёнка, тем быстрее оно формируется и нормализуется. Основы произносительной культуры закладываются в самом раннем детстве, особенности речи родителей переходят в речь детей. Не случайно, в последнее время вопросу произношения уделяется внимание не только в высших учебных заведениях и школах, колледжах, а даже в детских садах. Занятия в детских театральных коллективах и детских эстетических центрах, участие в художественной самодеятельности позволяет ускорить процесс развития правильной речи ребёнка, сделать его более естественным, ненавязчивым. Успехи в произношении дальневосточных детей можно

наблюдать на фестивалях и конкурсах, которые проводит Краевое научно-образовательное объединение культуры. Некоторые спортивные тренеры, например, «Федерации фехтования» Хабаровского края, дают задание своим воспитанникам на летние каникулы, не только тренироваться, но и читать Толковый словарь русского языка.

Однако несмотря на вышеперечисленные положительные тенденции в развитии речевой культуры Дальнего Востока в последние годы, проблема коррекции произношения стоит довольно остро. Не стоит забывать, что немаловажную роль по формированию произносительно-слуховой культуры играет окружающая речевая среда. К сожалению, среди большей части дальневосточников бытует мнение, что здесь, у нас наиболее чистая речь и когда педагог демонстрирует ученику разницу между правильным и неправильным произношением, у некоторых людей это вызывает удивление, а иногда даже протест. Но когда наши журналисты передают свои телевизионные информационные сюжеты в Москву и Санкт-Петербург первое замечание, которое они получают из столичных редакций это — говорная речь. Русское литературное произношение на факультетах журналистики преподаётся, чаще всего, как краткий курс. Выпускники гуманитарных вузов Дальнего Востока, даже филологи, которые пытаются трудоустроиться в городах Европейской части России, сталкиваются с тем, что их готовы взять на работу, но после коррекции произношения. Студенты, изучающие иностранные языки знают, что есть нормы произношения, редукции в иностранных языках, но удивляются, узнав, что подобное существует и в их родном языке, на котором они разговаривают всю жизнь. Театральные столичные критики, посетившие спектакли наших театров, когда отбирали претендентов на участие в конкурсе «Золотая маска», сделали замечания по произношению некоторым актёрам и т. д.

По выражению ведущих лингвистов страны, на Дальнем Востоке «агрессивная говорная среда». Наиболее ярко можно почувствовать разницу в произношении, если внимательно прослушать по телевидению программы новостей. В речи журналистов имеются признаки говоров, диалектов, а иногда и акцентов, всех географических зон. В речи дальневосточных актёров в одном спектакле можно услышать речевые особенности разных поколений, особенно речи разных территориальных зон. Проблема коррекции произношения требует особого внимания и объединения опыта работы и совместных усилий всех педагогов, независимо от того в какой области они осуществляют свою педагогическую практику. К сожалению, дальневосточнику фактически нигде слушать правильную речь, разве только по центральному телевидению у хороших дикторов, которых осталось не так много, и ведущих программ, на телеканале «Культура», у приезжающих на гастроли театральных знаменитостей, у некоторых актёров старшего поколения местных театров, у некоторых педагогов. Поэтому особая ответственность в обучении нормам русского литературного произношения ложится именно на педагогов высшей школы, даже если они и не читают лекции по орфоэпии, т.к. будущее языка и страны в целом, зависит оттого, какую молодёжь воспитает общество. Литературная речь педагога, как бы «настраивает» слух студента на правильную речь, на эталон. В хабаровских высших учебных заведениях учится молодёжь со всех концов Дальневосточного региона, из городов и деревень, где речь неоднородна и, естественно, в речи абитуриентов наблюдаются черты говоров, диалектов, просторечия, жаргон. Последние годы мы наблюдаем, какие прилагают усилия малые народности России, чтобы возродить и сохранить свои языки, свою культуру. К сожалению, понимание, что потеряно и какую это имело ценность для культуры страны, часто приходит,

поздно. Для педагогов по сценической речи Дальнего Востока работа по коррекции произношения наиболее сложная в нашей стране, отклонения от норм трудно исправляются, т.к. студент находится в говорной среде, и услышать правильную речь может, в основном, только на занятиях. Но, подчас, выверенное произношение на уроках по речи разрушается в бытовых условиях, проходит много времени, прежде чем студент начнёт контролировать себя не только на занятиях. Отступления от норм литературного произношения определяется несколькими факторами или общими характеристиками речи любого человека: 1) «манерой произнесения», при этом наибольшие отклонения возникают под влиянием просторечия, появление которого зависит от культурного уровня; 2) «диалектной принадлежностью», т.е. влиянием того диалекта русского языка, который был родным в детстве. Это влияние может сохраняться в течение долгого времени и часто не зависит ни от возраста, ни от образования. 3) «акцентным произношением». В ВУЗах Дальнего Востока можно встретить студентов разных национальностей, представителей всех народов бывшего СССР, появились даже иностранцы. В речи этих студентов можно услышать звуки и слова родного языка, а также на их речь распространяются правила словообразования и словоизменения, действующие в родном языке. Акцент трудно поддаётся коррекции, но если студент — иностранец в дальнейшем планирует работать на территории России, педагоги театральной школы занимаются отработкой норм русского литературного произношения. Если же студент, в будущем, собирается вернуться на родину, обучение речи ведётся по особой индивидуальной программе; 4) «индивидуальными дефектами произношения».

Произношение на Дальнем Востоке — это предмет довольно обширного исследования, т.к. русские говоры дальневосточного региона относятся к говорам районов

позднего заселения. Все разнообразные местные говоры русского языка объединяются в две большие группы: севернорусское наречие и южнорусское наречие. Кроме этого, существуют ещё среднерусские говоры, переходные между двумя указанными наречиями. Единого регионального варианта характерного для Дальнего Востока, — нет, поэтому особенностью речи дальневосточников является смешанное произношение, что при обучении нормам русского литературного произношения трудно поддаётся коррекции. Анализ речи студентов и педагогов высших учебных заведений Дальнего Востока, речи работников дальневосточных телерадиокомпаний, речи актёров Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Владивостока и т.д. позволяет выделить наиболее часто встречающиеся ошибки в произношении дальневосточников. Дзеканье, цеканье, т.е. произношение мягких «Т, Д» с сильной аффрикатизацией, шепелявость «Ж, Ш», твёрдое произношение звука «Ч». Произношение фрикативного «Г», соотносимое по звонкости-глухости с «Х»: например, слово «снег» произносится как «снеХ», вместо литературного «снеК». Произношение звонких «В» и «Вь» ближе к сонорным. Очень распространены: отверждение «Рь» (режиссёр — «рЭжиссер»), явления цоканья, чоканья, проглатывание двойных согласных (поддержать — «по-Держать»). Встречается часто отсутствие йота перед предударной гласной (языка, Япония — «Изыка», «Ипония»), выпадение гласных в предударных слогах (поименно — «поМенно»), и в заударных (интереснейшая — «интересИшая»), выпадение согласных (будет — «буИт»), изменение согласных звуков (лучший — «луЧий»), часто ослабевают или нисходят до нуля сочетания звуков, (общественная — «общеСная»). Нелитературным считается отверждение конечных губных согласных (семь — «сеМ»), твёрдое звучание губных согласных перед окончани-

ем глаголов (насыПте), а также южнорусское произношение ударного гласного «О» вместо «А» в глагольных формах (плОтит).

Но наиболее трудно исправимы, т.к. они менее заметны, следующие признаки дальневосточного говора, это, прежде всего так называемая равновеликость. Она выражается в относительном равенстве ударного и безударного слогов по длительности и силе, в то время как в литературной речи ударный слог звучит длиннее и интенсивнее. Трудно поддаётся корректровке ы-образный предударный звук «А» (пошёл — пышел, сказал — скызал). Достаточно часто встречается отсутствие уподобления согласных по звонкости-глухости, нет оглушения звонких согласных на конце слов, мягкое звучание «Ж и Ш», особенно перед мягкими согласными (надежда — «надеЖьда»). Особое внимание дальневосточные педагоги-консультанты по речи уделяют произношению «О», «А» во 2-м предударном слоге, которые либо произносятся как ы-образный звук, либо не произносятся совсем (говорливый — «гЫворливый» — «гВорливый»). Часто встречается растяжка заударных гласных (малиновАЯ), так звучит часто конец фразы, требующий завершения мысли, утверждения чего-либо, здесь сказывается влияние своеобразного интонационного оформления фразы, свойственного сибирским говорам. Иногда работа по утверждению норм орфоэпии осложняется тем, что дефект имеет как бы две основы: и орфоэпическую и лексическую, например, произношение мягко звуков «ж», «ш» может означать в произношении принадлежность носителя к еврейскому языку, а может быть недостатком артикуляции языка.

Коррекция говорного произношения — задача нелёгкая, но необходимая, особенно для людей публичных профессий. Она требует не только знания произносительных норм, но и повседневного, настойчивого исправления речи. Смысл занятий по орфоэпии заключается в том, что получая

от педагога определённые указания и выполняя их, ученик (неважно какого возраста человек занявшийся коррекцией речи) постепенно вырабатывает слух на правильное произношение, приобретает навыки верного произношения, вводит их в свою речь, отвыкая от неправильного звучания. Только самостоятельная каждодневная работа может дать положительные результаты. Советы по совершенствованию произношения педагог должен формулировать для каждого занимающегося особые, основываясь на конкретных признаках диалекта, говора. Редкий человек из тех, кто нуждается в совершенствовании культуры своего произношения, умеет пользоваться общими правилами нормы. По мнению учёных, тут дело в том, что сам себя человек «слышит» хуже, чем других. Поэтому в работе по речи с самого начала педагог вырабатывает у ученика навыки слушать свою собственную речь и речь окружающих его людей, отмечать ошибки и делать замечания в корректной форме, если это уместно в данной ситуации.

Педагог на практике демонстрирует разницу между его речью и образцовым произносительным вариантом, часто используя различные технические средства: магнитофон, видео и т. д. Очень большой эффект имеет для молодёжи запись на плеер литературных произведений в исполнении ведущих актёров страны с великолепной речью, прослушивание их познавательно, и обучение происходит естественным способом, ненавязчиво формируется фонетический слух на правильную речь.

К сожалению, на Дальнем Востоке не так много специалистов педагогов по речи, которые могут дать квалифицированные консультации по работе над коррекцией говорного произношения. Но сегодня для многих дальневосточников, в том числе выпускников высших учебных заведений, проблема устранения говорного произношения и приведение речи к литературной норме стоит остро, т. к. является условием, профессиональным требованием при устройстве на работу.

Список использованных источников

1. Богданова, Н. В. Живые фонетические процессы русской речи / Н. В. Богданова. — СПб., 2001.
2. Мельниченко, Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии / Г. Г. Мельниченко. — М. : Просвещение, 1985.
3. Панов, М. В. История русского литературного произношения 18–20 веков / М. В. Панов. — М. : Наука, 1990.
4. Промптова, И. Ю. Речевая культура русского театра / И. Ю. Промптова. — М. : Совет. Россия, 1989.
5. Русские говоры Дальнего Востока : межвуз. сб. науч. тр. — Хабаровск : ХГПИ, 1984.

Девятко Валентина Ильинична,
доцент кафедры русского
языка как иностранного
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета

Интерпретация словесного образа стихотворения Б. Пастернака «Петухи»

*Представлен опыт толкования
словесных образов, выявления
«вторичных» смысловых
эффектов в стихотворении
Бориса Пастернака «Петухи».
Это стихотворение предлагалось
для чтения иностранным
студентам, обучающимся
русскому языку.*

Художественный текст предназначен для чтения — осмысления и переживания. Интерпретация словесного образа (термин введён Н. Д. Кулибиной) [7] художественного текста — это выявление «вторичных» смысловых эффектов, обнаружение скрытого смысла: «слова влекут за собой не только предметы, с которыми они непосредственно связаны, которые они прямо отражают, но и всё больше захватывают побочные, смежные группы мыслей, представлений, предметов» [5]. Слово в поэтическом тексте, по словам М. М. Бахтина, «пахнет контекстом и контекстами» [4] литературного употребления, становится художественным образом. Художественное произведение всегда вносит в культуру что-то новое, т. к. словесный образ несёт печать яркой авторской индивидуальности. Известное читателю автор описывает таким образом, что открывает в нём нечто новое, ранее не замеченное. В. Шкловский назы-

вает этот приём «отстранением»: «поэт включает в окружающий мир своё художественное восприятие», его «удивление миру», а «акт удивления наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий» [10].

Если искусство слова — это в большей степени искусство детали вообще, то такое утверждение справедливо по отношению к поэзии XX века. Призрачная вещность мгновенных впечатлений бытия, отражённая в импрессионистичности текстов, оказалась важным свойством языка поэзии Бориса Пастернака. Стихотворение поэта «Петухи» привлекает желанием найти те мотивы, которые побуждают поэта к высказыванию.

Ключевые слова в стихотворении — вода, дождь, пар, роса, земля, трава, любовь, петухи — имеют чёткое значение, отражают какой-то кусочек материальной действительности. Слова ДОЖДЬ, ВОДА, ПАР, РОСА в стихотворении — это семантические доминанты, концентрирующие в себе идейно-эстетический смысл целого, они вызывают бесконечный ряд ассоциаций, которые в обобщённом виде присутствуют в сознании носителей языка. Их мастерски и использует поэт. Конечно, читателю понятна ситуация, о которой идёт речь: зарождающееся утро после дождя, ненастья.

*Всю ночь вода трудилась без отдышки.
Всю ночь шёл дождь. И вот зоря в вершок.*

А затем в тематическое поле текста входят слова с ассоциативно-семантическими связями.

*Мясным несёт из-под ненастной крышки,
Земля дымится, словно щей горшок.*

Это первый вариант стихотворения, оно носит название «Осень». У Б. Пастернака обычные слова стали поэтическими, породили метафору, необычную, неожиданную и тем самым поражающую воображение: осязательное «мясное» связано с ассоциацией «жирная зем-

ля», «чернозём»; земля в виде ненастной крышки, т.е. «мрачной», «неприглядной», «дымится» — и завершает метафору подготовленное предыдущими словами сравнение «словно щей горшок». «Мясное», «щи», «крышка», «горшок» — эти слова образуют семантическое поле, это совокупные понятия, соседствует с ними глагол «дымится», можно отнести сюда и прилагательное «горячий», а «ненастный» не сочетается, имеет другой семантический ряд: ДОЖДЬ, ВОДА, ОСЕНЬ. Трудно найти точку пересечения этих семантических полей. Б. Пастернак изменил стихотворение и второй вариант назвал «Петухи». Теперь в первой строфе читаем:

*Всю ночь вода трудилась без отдышки.
Дождь до утра льяное масло жёг.
И валит пар из-под лиловой крышки,
Земля дымится, словно щей горшок.*

Автор рассчитывает, что читателю понятна картина, представленная в стихотворении. «Валит» — значит идёт «массой, во множестве» (разг.). У синонима «идти» выбираем подходящее по контексту значение: «исходить откуда-нибудь, распространяться. Пар идёт изо рта». Выявление смысла единицы языкового выражения с опорой на контекст позволяет понять метафору «валит пар». Осознание смысла происходит успешно, если фиксируется внимание на оттенках, составляющих синонимический ряд: «валит», идёт. Далее в тематическое поле входят слова с более «далёкими» семантическими отношениями («лиловая крышка», «щей горшок»), они создают «эстетические приращення... в поэтическом контексте» [6]. Но «валит пар из-под крышки» — известная читателю пространственно-зрительная картина мира, это зрительный образ, а не обонятельный. Бесспорно, если речь идёт о щах, то должен чувствоваться запах («мясным несёт»). В новом варианте обонятельный образ не возникает, а слово ДЫМИТЬСЯ (в значении: выпускать дым) допускает в семантические отношения существительное ПАР с образованным морфологически

от глагола словом ДЫМКА (лёгкая, как дым, застилающая пелена чего-нибудь; дымка тумана), которое, в свою очередь, добавляет в семантические отношения существительные ПЕЛЕНА (сплошной покров, то, что закрывает, заволакивает со всех сторон; пелена тумана), ТУМАН. Эта словесная цепочка сочетается с глаголом СТЕЛЕТСЯ (распространяться горизонтально, по земле; стелется туман). В иллюстративном материале значений слов ДЫМКА, ПЕЛЕНА, СТЕЛЕТСЯ даётся сёма ТУМАН, она находится на пересечении семантического поля. Но глаголы ДЫМИТЬСЯ, СТЕЛИТЬСЯ различаются способом действия: ДЫМИТЬСЯ — дым вверх идёт, а СТЕЛИТЬСЯ — дым распространяется горизонтально. Выбран поэтом глагол ДЫМИТЬСЯ. Именно ДЫМИТЬСЯ могут щи в горшке — сравнение заработало. Эпитет ЛИЛОВАЯ способствует зрительному представлению раннего утра, когда земля темнее неба, когда покрыта лиловой дымкой, туманом, как крышка горшка (крышка — «накрыть что-то»).

Несовместимые понятия создали метафорический образ: земля как лиловая крышка дымиться, словно щей горшок, т.е. земля утром после дождя напоминает деревенскому жителю дымящейся горшок щей.

Б. Пастернак любил в своих произведениях объединять зрительные, слуховые, осязательные и обонятельные образы. Во втором варианте стихотворения («Петухи») вставлена новая строка:

Дождь до утра льяное масло жѐг,

которая несёт зрительный образ (свет лампы, лампы виден в окне до утра), и обонятельный — запах лампы, жжёного льяного масла в избе стоит под утро). Человек и природное явление сближены: дождь шёл всю ночь, и человек жѐг лампу, в которой было льяное масло. Современный читатель может понять этот смысловой образ, если подобная ситуация известна ему по рассказам бабушек, по книгам.

Метафора «Всю ночь вода трудилась без отдышки» имеет скорее слуховой образ: человек слышит всю ночь шум дождя. Теку-

щая вода, дождь — частый элемент в поэзии Б. Пастернака. Первой это заметила М. Цветаева: «Но страстнее трав, зорь, вьюг — возлюбил Пастернак дождь» [9]. В его стихах ДОЖДЬ означает воздействие таинственной, возможно, божественной силы на природу. Природное явление вступает в человеческие отношения («трудилась без отдышки»). В основе такого сближения лежит действие, принадлежащее человеку (трудиться без отдышки — т.е. работать без отдыха). Подбирая синоним, однокоренные слова (не отдыхать, не задыхаться от быстрого ритма), читатель выявляет смысл метафоры: дождь шёл всю ночь не переставая, равномерно, с одинаковой силой, как идёт дождь осенью.

Зрительный и осязательный образы создаёт метафора:

*Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит,
Кто ж мой испуг изобразит росе...*

Человек и мир в метафоре сближены по-особому: олицетворённый мир (трава, роса) испытывает психологическое состояние, что и человек (испуг от мокрой травы — вскочить и отряхнуться). Используются не обычные в языковом механизме олицетворений глаголы чувств, говорения, мысли, а обозначающие динамическое действие (вскочить — быстро подняться; отряхнуться — встряхнуться — сбросить с себя росу, снег, пыль). Налицо авторский житейский опыт, известное поэту и читателю: трава, подсушенная солнцем, поднимается. Поэтические строки вносят свободу в автоматизм зрительной картины мира, разрушая однозначность господствующих в них связей (трава ложится, колыхается) и расширяя границы познания (вскакивает, отряхивается). Человека же испугать сможет утренний крик петуха только потому, что он раздастся внезапно — зрительная картина предрассветной осенней тишины пропадёт, исчезнет от этого крика, включится слух. «Кто ж мой испуг изобразит росе» — природа и человек меняются местами. Изобразить росе — значит, роса нуждается в стихах. Такие взаимоотношения непривычны для читатель-

ского восприятия. Однако в стихотворениях Б. Пастернака («Ландыши», 1972 г., «Заморозки», 1956 г.) не человек иногда глядит на природу, а сам мёртвый мир, и сама природа смотрит на человека: я вижу, как трава, роса испугалась, а может ли кто изобразить, как я испугался?

Глагол ВСКОЧИТ связан со строкой «в тот час, как загорланит первый кочет», семантические поля глаголов ВСКОЧИТ и ЗАГОРЛАНИТЬ пересекаются в значении «внезапное действие», результатом которого может быть испуг человека. Неслучайно поэт заменил глагол ЗАТЯНЕТ (в первой редакции) глаголом ЗАГОРЛАНИТЬ: в нём больше экспрессии (запеть — затянуть — загорланить), оно привлекает внимание к создаваемому словесному образу. Названные глаголы «приобретают обычную для них смысловую выразительность, включаясь в необычные оппозиции» [8]. В средствах словесной образности, подобных описанным, мотивирующим моментом является явление, предмет (а так же коннотация к ним), известные читателю, имеющие общечеловеческую природу.

Именно этот приём В. Шкловский и другие русские формалисты называли «отстранением».

В раннем творчестве Б. Пастернака использование разговорно-бытовой и диалектной лексики (здесь: кочет) в поэтическом контексте усиливало выразительность, неожиданность восприятия. У поэта в одном лирическом высказывании оказываются рядом слова разной стилистической принадлежности (отдыхка, загорланит (прост.), кочет, валит (разг.), пророчить (книж.)). Сниженные пласты не контрастируют с книжной, поэтической лексикой, а свободно входят в лирический стих — нет деления слов и образов на поэтические и обыденные, поэтому и метафора в стихах поэта поэтически непредсказуема, т.к. не связана с традиционностью и представлениями о «поэтичности» темы. Так петухи в стихотворении — пророки. Интересно, что употребление деепричастных оборотов с присоединением наречий с тем же признаком, что и мотивирующее прилагательное (поимённо — поимённый, поочерёдно — очередной) вносит в строфу элемент качественности (как пророчить?):

*Перебирая годы поимённо,
Поочерёдно окликаю тьму,
Они пророчить станут перемену...*

Следует отметить не только синонимические отношения между наречиями ПОИМЁННО, ПООЧЕРЁДНО, но и связь этих слов с деепричастием ПЕРЕБИРАЯ, глаголом ПРОРОЧИТЬ, существительным ПЕРЕМЕНУ в строфе звуковыми повторами звука п, а приставка ПО тоже служит для выражения этого единого значения. Каждая строка читается как некоторый другой вариант уже полученного нами сообщения, т.е. даётся не новое сообщение, а новое отношение к тому, что уже было сказано. В словосочетании ОКЛИКАЮ ТЬМУ (ОКЛИКАЮ — значит, крикнув, спросить) выбирается усилительное, экспрессивное слово ТЬМА в семантическом поле (темнота — ночь — тьма — мрак).

Сходный эффект наращивания экспрессии, семантической многоплановости наблюдается при использовании (нализывании) в одном ряду разнородных предметов, явлений, абстрактных понятий:

*Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви — всему, всему.*

Кажется, строка может иметь продолжение, но перечислительный ряд неожиданно кончается двумя повторяющимися местоимениями.

Семантическую структуру стихотворения формируют темы: перемена погоды осенним утром (1 строфа) и размышления поэта по поводу (2–3 строфы).

Стихотворение названо «Петухи». Заглавие произведения — первое слово поэта, обращённое к читателю. Оно в концентрированном виде формирует основную тему, является ключом к постижению смысла стихотворения. Связь душевного состояния и внешнего мира в общем лирическом строе произведения очевидна. Восприятие мира через данное, наглядное — принципиально для Б. Пастернака.

Слово ПЕТУХИ, с одной стороны, имеет чёткое значение (здесь: петух — самец кури-

цы), с другой стороны, оно вызывает ряд ассоциаций, которые присутствуют в русском сознании, на это и рассчитывает поэт.

Речь идёт о фразеологизмах ДО ПЕТУХОВ ПРОСИДЕТЬ (разг.) — до зари; С ПЕТУХАМИ ВСТАТЬ, ПОДНЯТЬСЯ (разг.) — очень рано, с зарёй. Начинают петь петухи — значит наступает утро, и петухи предвещают начало нового, ожидание чего-то радостного. Семантически можно распространить: ПЕТУХИ, ПЕНИЕ, ВРЕМЯ, НОВЫЙ ДЕНЬ, ПЕРЕМЕНЫ. Благодаря культуре-

ведчески ёмкому поэтическому слову ПЕТУХИ создаётся национальная картина: утреннее пение петухов — это предвестник хорошего дня, и возникший словесный образ совпадает с его национальной коннотацией.

Интерпретация стихотворения «Петухи» представляет возможность читателю понять поэтическую мысль и переживания поэта, суметь прочесть, воспринять то, что сказал автор, и то, что у него «сказалось».

Список использованных источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка./Под редакцией Н.Ю. Шведовой. — М.: «Русский язык», 1986
2. Фразеологический словарь русского языка./Под редакцией А.И. Молоткова. — М.: «Русский язык», 1978
3. Пастернак Б.Л. Избранное в 2-х томах.Т.1. Стихотворения и поэмы./Вступительная статья Д.С. Лихачёва. — М.: Худож. Лит., 1985 — с. 107, 167, 434, 487
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы/В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — с. 221
6. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика/В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1963
7. Кулибина Н.Д. Зачем, что и как читать на уроке/Н.Д. Кулибина. — СПб, 2001
8. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста/Ю.М. Лотман. — Л., 1972. — с. 75
9. цитируется по статье Франка В.С. Водяной знак/В.С. Франк. Ж. Литературное обозрение №2, 1990. — с.73
10. Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного/В.Б. Шкловский. — М.: Наука, 1970. — с. 230

Приложение

Борис Пастернак

(два варианта стихотворения «Петухи»)

* * *

* * *

Всю ночь вода трудилась без отдышки.
Всю ночь шёл дождь. И вот заря в вершок.
Мясным несёт из-под ненастной крышки.
Земля дымится, словно щей горшок.

Когда же ночь, отряхиваясь, вскочит,
Кто мой испуг изобразит росе
В тот час, как песнь затаяет первый кочет
За ним другой, ещё за этим — все?

Перебирая вещи поимённо,
Поочерёдно тыкаясь во тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви — всему, всему.

Всю ночь вода трудилась без отдышки.
Дождь до утра льяное масло жёг.
И валит пар из-под лиловой крышки,
Земля дымится, словно щей горшок.

Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит,
Кто мой испуг изобразит росе
В тот час, как загорланит первый кочет
За ним другой, ещё за этим — все?

Перебирая годы поимённо,
Поочерёдно окликаая тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви — всему, всему..

1923

1923

Кирпиченко Татьяна Васильевна,
старший научный сотрудник
отдела краеведческой литературы
Дальневосточной государственной
научной библиотеки

Великие проекты великой России

**Великие инфраструктурные проекты
России** / Е. Н. Соколова [и др.]. М. : Граждан-
ский альянс, 2010. — 688 с. : ил.

Книга «Великие инфраструктурные проекты России» представляет собой сборник очерков, посвящённых истории проектирования, строительства и эксплуатации наиболее значимых инфраструктурных проектов России. В шести разделах издания рассказывается о каналах, железнодорожных магистралях, электростанциях, портах и мостах, которые признаны уникальными сооружениями не только в России, но и во всём мире. Россия стала родиной удивительных проектов и их творцов: министров и учёных, инженеров и рабочих, чиновников и предпринимателей, силами которых создавались Транссиб и Байкало-Амурская магистраль, трубопровод «Дружба» и мост через Амур, Волховстрой, Беломорско-Балтийский канал, порт «Восточный» в бухте Врангеля и другие объекты. У каждой из этих строек своя судьба, своя история. Из 26 очерков книги «Ве-

*Савицкий К. А. Ремонтные работы на железной дороге.
Государственная Третьяковская галерея*

ликие инфраструктурные проекты России» 10 рассказывают о стройках, повлиявших на экономическое и социальное развитие дальневосточного региона.

Великая Транссибирская магистраль — самый грандиозный проект конца XIX — начала XX века. Её называли «державный путь к океану». Это была самая протяжённая магистраль в мире. Рельсы Транссибирской магистрали более чем на семь тысяч километров протянулись от Уральских гор через Сибирь, Забайкалье, Приамурье и Уссурийский край, через степи, тайгу, болота, реки и горы во Владивосток, к Тихому океану. Дорога соединила Сибирь и Европу, дала толчок экономическому развитию России. Строили дорогу одновременно с востока (от Владивостока) и с запада (от Челябинска). Начав строительство в 1891 году, закончили в 1916-м открытием движения по мосту через Амур (у Хабаровска), который сомкнул все звенья Великого Сибирского пути.

Амурский мост современники строительства называли «чудом XX века». Самый протяжённый на евроазиатском континенте (2600 м) мост был построен в рекордно короткие сроки. Торжественная закладка со-

стоялась 30 июля 1913 года, а в 1916 году (5 октября) мост был открыт для постоянного движения поездов. (Для сравнения, второй мост через Амур у г. Комсомольска-на-Амуре, длиной в полтора километра, строили шесть лет — с 1969 по 1975 год). Мост через Амур у Хабаровска возводили лучшие российские проектировщики и инженеры-мостостроители: Л. Д. Проскураков, Г. П. Передерий, А. В. Ливеровский и др. Прослужив более 70 лет, мост подвергся реконструкции. И теперь на тех же мостовых опорах вырос новый двухуровневый мост, который совмещает железнодорожный путь с двухполостной автодорогой.

Как альтернатива строительству моста через Амур в начале XX века предлагалось несколько проектов подводного тоннеля, но тогда победил проект мостового перехода через Амур. Со временем встала острая необходимость в тоннеле под Амуром, но только 22 марта 1938 года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) был утверждён проект Амурского тоннеля протяжённостью семь километров. На момент строительства Амурской тоннель был самым длинным в Советском Союзе и самым большим

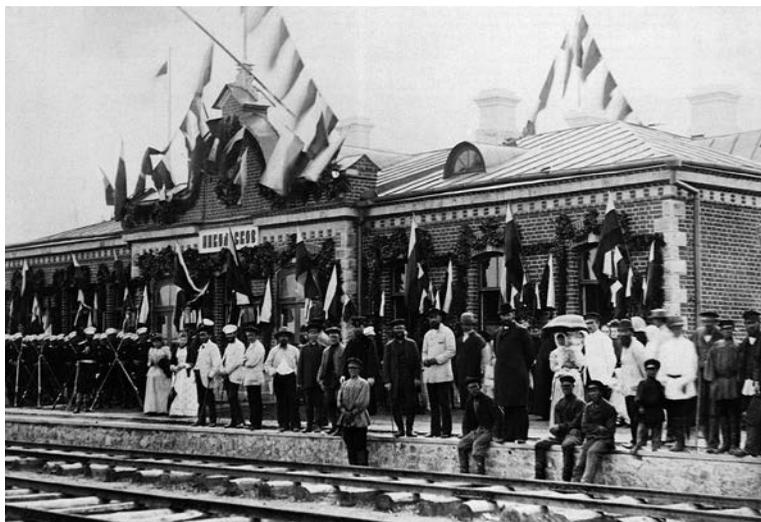
Волховская ГЭС сегодня

в мире по протяжённости подводной части. Построенный в 1942 году как засекреченный военно-гражданский объект, тоннель под Амуром с 1980-х годов стал пропускать и пассажирские поезда, в том числе и пригородные.

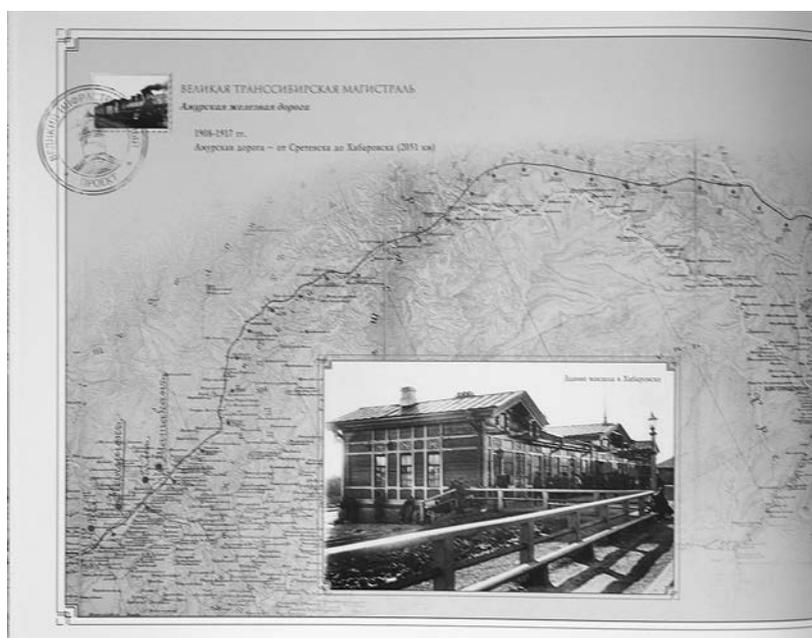
Окончательно укрепиться России на побережье Тихого океана позволила Байкало-Амурская магистраль. БАМ строила вся страна. У неё был статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки. В очерке о БАМе раскрыты все вехи истории БАМа от изысканий пути в конце XIX века, попытки строительства в 1920–1930-е годы и, наконец, строительства в 1974–1984 годы. «Планировалось, что железнодорожные ветки БАМа устремятся в глубь Сибири и Дальнего Востока — к месторождениям, рудникам, разрезам, посёлкам и пристаням. Вдоль трассы будут возведены промышленные города, а замкнут её современные морские порты на Тихом океане. Кроме экономических, БАМ решает и важнейшие геополитические задачи на востоке страны: формирование новых центров роста, усиление экономического присутствия России на рынках стран АТР, за-

крепление населения, создание новой структуры занятости». Но уложив «золотое звено» стройка не была завершена, продолжались работы по строительству пятнадцатикилометрового (самого длинного в СССР) тоннеля под Северо-Муйским хребтом и обходной дороги, которую завершили в 1989 году. В начале XXI века у БАМа появилось второе дыхание. Проводить реконструкцию и доводить дорогу «до ума» планируется до 2013 года.

Возведение Северо-Муйского тоннеля на БАМе — это отдельная тяжёлая страница стройки. Тоннель строился в экстремальных условиях повышенной сейсмичности, морозов до -56 градусов зимой и жары до $+35$ летом. Строителей поджидали такие неожиданности, которые приводили к авариям и гибели людей. Вот как описывает условия работы в тоннеле бригадир проходчиков В. Толстоухов: «Хлынула горячая вода. Жарко, пар, дышать нечем. Ребята складывали куртки, брюки, оставались в сапогах, трусах и касках, работали по пояс в воде. От такой бани мучила жажда, некоторых качало из стороны в сторону. Люди быстро уставали, и смену сделали укороченную. Но тон-

Станция Николаевская
перед приходом
генерал-губернатора

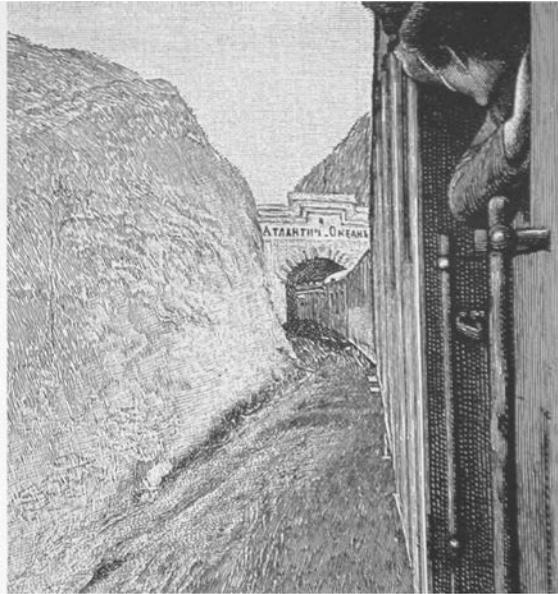
Великая транссибирская
магистраль. Амурская
железная дорога.
От Сретенска
до Хабаровска 2115 км

Панорама сооружения моста
через Амур в зимний
строительный период
1914–1915 гг.

*Портал туннеля «К Великому океану»
Забайкальской железной дороги*

*Портал туннеля «К Атлантическому океану»
Забайкальской железной дороги*

нельщики не отступали. И тут снова пошла холодная вода, прямо ледяная. Из бани да в снежный сугроб». Преодолев все мыслимые и немыслимые трудности стройка тоннеля была завершена. В постоянную эксплуатацию он был сдан 5 декабря 2003 года, спустя почти 27 лет с начала строительства.

Четыре очерка в книге «Великие инфраструктурные проекты России» посвящены славным страницам в историю энергетической промышленности страны. Это рассказы о Волховской ГЭС и Волжском гидроэнергетическом каскаде, Саяно-Шушенской ГЭС им. П. С. Непорожного и Бурейской ГЭС.

Бурейская ГЭС — первая крупная гидроэлектростанция, построенная после распада Советского Союза. Судьба у этой стройки была сложная, возводилась ГЭС медленно, а с 1985 строительство почти совсем остановилось. Лишь с 1999 года долгострой сдвинулся с места и 9 июля 2003 года президент В. В. Путин лично запустил Бурейскую ГЭС, а 20 октября 2007 года вступил в строй последний, шестой гидроагрегат.

Четвёртый раздел книги повествует о портах Новороссийск, Восточный, Вани-

но — Советская Гавань и портах Ленинградской области.

Порт Восточный в бухте Врангеля — самый крупный и современный порт на российском Дальнем Востоке. Его главное преимущество в том, что он расположен в незамерзающей бухте и является самым глубоководным портом России. В него могут входить суда водоизмещением более ста тысяч тонн. Это постоянно растущий порт. К 17 специализированным причалам Восточного планируется построить ещё 64 причала.

Ванино и Советская Гавань — два глубоководных порта на берегу залива Советская Гавань. Они играют большую роль в становлении Хабаровского края как главного транспортного узла для очень перспективных рынков Азиатско-Тихоокеанского региона. В сборнике представлен очерк истории открытия Императорской (Советской) Гавани в XIX веке, развития и преобразования в советское время и перспективах Ванино-Советскогаванского транспортно-промышленного узла до 2020 года.

В сборнике объёмом почти в 700 страниц опубликованы материалы и документы

На открытии железнодорожного моста через Амур у Хабаровска. В центре приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти с супругой

о грандиозных проектах России XIX–XX веков. Многие из очерков читаются как остро-сюжетная приключенческая литература о подвигах рабочих, инженеров, конструкторов в невероятно сложных условиях осуществлявших эти проекты.

Издание включает богатый иллюстративный материал — документальные фотографии, открытки, карты, схемы, чертежи, изображение картин русских художников К. А. Савицкого, А. А. Борисова, К. Н. Редько, А. А. Ланина, фрагменты знаменитой панорамы Транссибирской магистрали художника П. Я. Пясецкого — акварели длиной 942 метра, за которую художник получил Боль-

шую Золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Не умаляют ценность издания, но вызывают огорчение некоторые досадные ошибки: перепутаны подписи к фотографиям Н. К. Бошняка и Н. Н. Муравьева-Амурского (с. 403), Крымская война 1853–1856 годов названа Крымской войной 1877–1878 годов (с. 405), опечатка на с. 36 — 1990 год вместо 1900, ошибка в дате под фотографией (1908 вместо 1916 год) на стр. 468. Несмотря на мелкие недоработки, эта книга стала заметным явлением среди печатных источников по истории отечественной промышленности, строительства и транспорта.

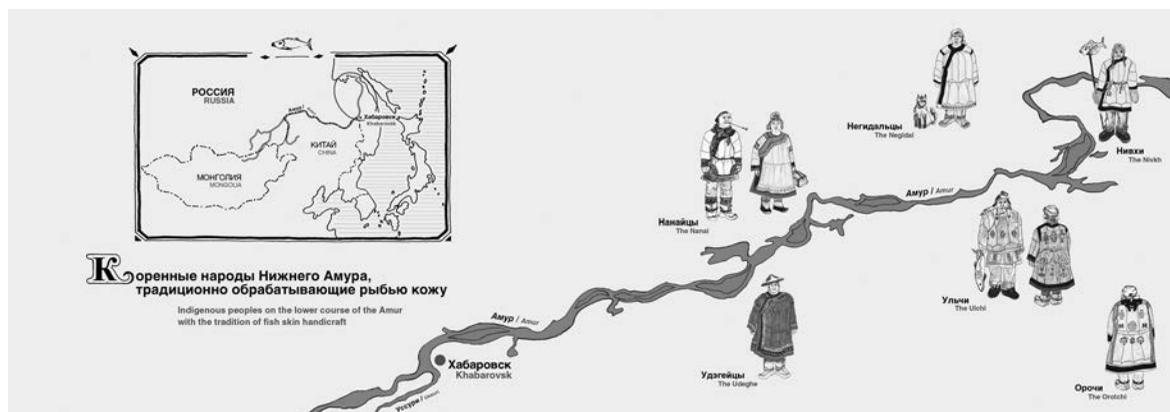
Морозова Анна,
журналист

Древнее ремесло и его метаморфозы

**Глебова Елена. Метаморфозы рыбьей
кожи: Путь древнего ремесла коренных наро-
дов Амура // Е. В. Глебова; худож. Доротее Ло-
ген. — Хабаровск : Омега-Пресс, 2010**

В 2010 году в Хабаровске в свет вышла книга «Метаморфозы рыбьей кожи», где впервые в научно-популярной форме всесторонне представлено одно из древнейших ремесел, которое было развито у коренных народов Амура. Однако тема, заявленная в издании, рассматривается гораздо шире: сквозь призму этнической технологии показана духовная и материальная культура амурских этносов — нанайцев, ульчей, нивхов, негидальцев, удэгейцев, орочей — в жизни которых важную функцию выполнял рыболовный промысел.

Автор книги — хабаровский журналист Елена Глебова, художественное оформление — дизайнер моды и медийный художник Доротее Логен (Берлин), главный перевод — Татьяна Мисевич. Среди научных консультантов — член Союза художников России, один из лучших ма-

стеров Хабаровском крае по обработке рыбьей кожи Юлия Самар и кандидат исторических наук, этнограф Татьяна Мельникова, что делает книгу максимально достоверной с исторической, этнографической и культурологической точек зрения.

Издание осуществлено при поддержке Автономной некоммерческой организации «Единство журналистики и культуры» в рамках проекта «Культурные инициативы и журналистика». Часть тиража книги передана в музеи, библиотеки и национально-культурные центры Хабаровского края. Самая первая презентация книги состоялась осенью 2010 года в национальном селе Булава Ульчского района Хабаровского края, а в декабре в Дальневосточной государственной научной библиотеке. В 2011 году в октябре продолжением этого международного издательского проекта стала выставка «Метаморфозы рыбьей кожи», которая состоялась в Норвегии, в Музейном центре коренных народов Севера в городе Тромсо. Участниками выставки стали мастера декоративно-прикладного искусства Ю. Д. Самар, И. П. Росугбу, Ю. И. Чижик, С. В. Росугбу, автор книги Е. Глебова. В рамках проекта состоялись мастер-классы по обработке рыбьей кожи, по работе с берестой и плетению ульчских традиционных поясов. Прозвучали доклады Е. Глебовой «Из жизни рыбьекожих людей» и И. П. Росугбу «О проблемах социально-экономического и культурного развития ульчей и других коренных малочисленных народов проживающих в Ульчском районе».

Обработка и использование рыбьей кожи — одна из ярких особенностей культу-

ры коренных народов Нижнего Амура, на которую всегда обращали внимание исследователи середины XIX — начала XX века, когда началось систематическое изучение этих народов. Однако и в более ранних источниках, которые дошли до нас, нашли отражение эти самобытные черты жителей Амура. Так в старых китайских летописях они упоминаются как «юй-пи-дацзы» — «рыбьекожие варвары». Самые первые сведения о «рыбьекожих» народах в российских исторических материалах относятся к XVII веку. «Скаски», «отписки» и «распросные речи» первопроходцев содержат лаконичную информацию о жителях Даурии дючерах, натках, ачанах, гольдиках, их образе жизни: землю под хлеб не пахут, летом живут в «клетях безоконных», кормятся рыбой и одежду носят «из кож рыбьих».

В этнографических исследованиях XIX века уже даются детальные описания технологии обработки рыбьей кожи, особенности ее использования в жизни коренных народов Нижнего Амура. А главное, этнографы акцентируют внимание на уникальности ремесла обработки рыбьей кожи у амурских этносов и его высоком художественном уровне. Ричард Маак утверждал, что «ни у кого из других жителей Восточной Сибири мы не встречаем в такой степени развитого художественного инстинкта...». Иван Алексеевич Лопатин, обобщивший богатый этнографический материал в монографии «Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские», с восхищением отмечал: «Гольды — удивительный народ в своем искусстве. (...) несмотря

на первобытную жизнь в материальном и духовном отношении, гольды тем не менее имеют все виды искусства и некоторые из них у них высоко развиты. Самое важное, без чего не может быть никакого искусства, у гольдов есть, именно, любовь к красоте, любовь к творчеству, вымыслу, поэзии. (...) без искусства, без стремления украсить и поэтизировать свою жизнь гольд не делает ни шагу. Всякой, даже самой обыкновенной вещи в хозяйстве гольд придает изящную художественную форму и непременно сообщает ей какой-нибудь поэтический смысл».

Рыба была основой жизни для коренных народов Амура, давая им пропитание, а рыба кожа широко использовалась в быту. Технология ее обработки и выделки развивалась тысячелетиями и в итоге была доведена до совершенства. Еще во второй половине XIX века этот необычный для восприятия европейского человека материал был основным при изготовлении одежды, обуви и многих предметов быта. Рыбья кожа заменяла оконные стекла в жилищах, из нее делали паруса, палатки, дождевики, лыжные крепления. Важна роль рыбьей кожи и в ритуальной сфере, поскольку из нее делали костюм шамана, всевозможные обереги, талисманы, а также ритуальный студень моси, без которого немислим Медвежий праздник — один из главнейших ритуалов у нивхов и ульчей. В медицине чешуйчатый материал применяли при головных болях, проблемах с сердцем и растяжении связок.

Отдельные главы книги посвящены истории изучения коренных народов Амура («Рыбьекожие люди»); мифологии и ритуальным обрядам, которые обязательно сопровождали рыбалку («Дары из царства Тэму»); особенностям рыболовного промысла и основам экосознания амурских этносов («Ловись, рыба»); применение выделанной рыбьей кожи в быту, особенности раскроя национальных халатов, изготовление и использование рыбьего клея и ниток («Рыбья кожа «от кутюр»). Специальные разделы содержат информацию о людях, которые представляют «золотой фонд» амурского искусства, а также современных мастерах, которые сегодня работают с древними технологиями («Галерея мастеров»), а также све-

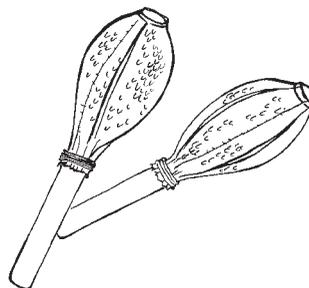
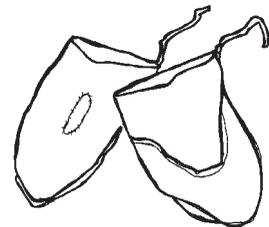
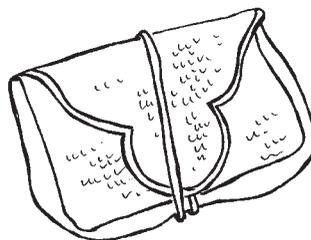
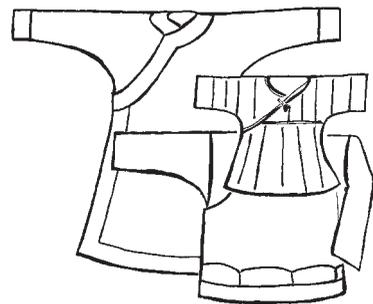
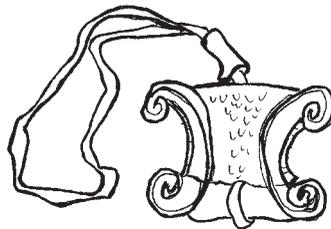
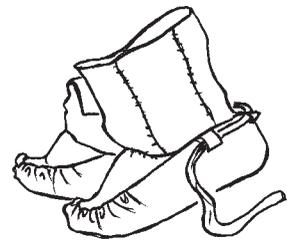
дения о музеях Хабаровского края, где есть коллекции предметов из рыбьей кожи.

Одно из центральных мест в книге занимают пошаговые мастер-классы. Глава «Рыбья кожа: мастер-класс» имеет два раздела. Один представляет все этапы обработки сырого материала, второй подробно показывает выделку сухой рыбьей шкурки и ее доведение до готового мягкого материала. Мастер-класс проведен Ю. Д. Самар — на сегодняшний день лучшим мастером декоративно-прикладного искусства, воспитавшим целое поколение молодых преемников. Все этапы мастер-классов представлены с помощью фоторяда и коротких комментариев к каждому снимку.

«Метаморфозы рыбьей кожи» — это путь уникального ремесла от древности до наших дней и те перемены, которые происходят в процессе многодневной и невероятно трудоемкой процедуры ее обработки, превращая в итоге в произведение искусства. Сегодня, когда происходит возрождение этнических ремесел, и они становятся средством инновационного развития коренных малочисленных народов Приамурья, книга «Метаморфозы рыбьей кожи» чрезвычайно актуальна, поскольку содержит практические рекомендации и важна для современных мастеров, которые в последние несколько лет заново осваивают практически утраченную технологию. Кроме того, сегодня древнее ремесло обработки рыбьей кожи, так же как и других ремесел, становится важным стимулом для повышения национального самосознания, и в особенности для молодого поколения коренных народов Амура.

Международный издательский проект «Метаморфозы рыбьей кожи» ярко представил уникальное ремесло народов Амура, связанное с обработкой рыбьей кожи. Сохраняя главные древние черты, сегодня оно дополняется новыми штрихами и в итоге представляет интереснейшее направление в современном этническом искусстве Дальнего Востока.

В материале использованы фотографии и рисунки Доротее Логен

В потоке Времени

Баранова-Дигор Р.Г. Назад — по Реке Памяти, вперед — в Потоке Времени... : фотоальбом. Декоративно-прикладное, литературное, драматургическое, музыкальное (песенное) творчество нанайской мастерицы. — Хабаровское книжное издательство «Ковчег», 2010.

«Маме было 29 лет, когда она родила меня. Я была третьим ребёнком. Старшин не дожили и до трёх лет. Вносили меня в дом через чонгу — щель для выветривания помещения, чтобы обмануть злых духов. Шаман Дигор Алексей — дядя моего отца, проводивший родильный обряд, сказал, что в этом доме никто не родился, а пришла посылка — подарок от бога. Поэтому назвали меня Ункурэ — посылка, дар».

Это строки из рассказа, который открывает раздел «Хранительница родового очага» в книге Раисы Григорьевны Барановой-Дигор. Воспоминания о детстве, истории, рассказанные мамой о былых временах, когда та была еще девочкой, сказочные истории и шаманские обряды — из всего этого складывается яркая и объемная картина традиционной культуры нанайцев — одного из восьми северных этносов, проживающих на территории Хабаровского края.

Книга «Назад — по Реке Памяти, вперед — в Потоке Времени...», изданная в форме фотоальбома, затрагивает темы истории, философии, декоративно-прикладного искусства нанайцев, и рассказывает об этом известная нанайская мастерица Р.Г. Баранова-Дигор.

«В жизни не так много встречается людей, которых Природа одарила столь щедро, ярко и многогранно, — пишет автор этого издательского проекта и редактор Николай Кабушкин. — Раиса Григорьевна Баранова имеет высокое звание члена Союза художников России. Но с такой же высокой степенью мастерства она владеет драматургическим искусством, стихосложением, она — неповторимая исполнительница нанайских песен, слова и музыку которым сочиняет сама, а национальный обрядовый танец «Мэури» в её исполнении являет нам новый мир искусства и духовного воплощения человеческих чувств...»

Р.Г. Баранова признанный мастер декоративно-прикладного искусства, ее работы не раз экспонировались на выставках в России и за рубежом, традиционная одежда, ковры, берестяные изделия находятся во многих музейных коллекциях. В 2006 году Раиса Григорьевна стала лауреатом краевого конкурса в области литературы и искусства, а в 2008 году удостоена звания «Лучший ма-

стер» на краевом конкурсе ремёсла Земли Дерсу». Многие фольклорные коллективы Хабаровского края выступают в костюмах, сшитых Р. Г. Барановой, в концертных номерах используются национальные музыкальные инструменты (например, погремушки из бересты и рыбьей кожи), сделанные руками этого мастера. Р. Г. Баранова владеет всеми этническими технологиями, она мастерит национальные игрушки, обрабатывает рыбью кожу, использует в своих работах традиционные орнаменты, сохраняя тем самым уникальное искусство своего народа.

В разделе «Грани творчества мастерицы» представлены фотографии ее работ: мужская, женская и детская традиционная одежда из текстиля, ковры и панно, обувь из рыбьей кожи, головные уборы, праздничные воротники, туеса и поделки из бересты, музыкальные инструменты, куклы, вырезанные из дерева игрушки, игрушки из рыбьих костей и природных материалов. Песни и рассказы на нанайском и русском языках вошли в раздел «Хранительница родового очага», технологии выделки рыбьей кожи и художественной резьбе по бересте — в разделе «Мастер-класс».

Река Памяти бесконечна, и очень важно не потеряться в потоке Времени, сохранить главные ориентиры, которые ведут по жизни. Одним из таких ориентиров стала книга Р. Г. Барановой-Дигор — дань памяти предкам и подарок будущим поколениям.

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

Общие требования к авторским материалам

Предоставляемые материалы должны быть оригинальными, т.е. не публиковавшимися ранее, на русском языке в виде статей, сообщений, рецензий, информационных и других материалов. Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты — выверены. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Статьи отбираются для публикации с учётом их актуальности, научно-практической значимости, чёткости, логичности изложения, в соответствии с профилем журнала и его стилем. Срок рассмотрения присланных статей — один месяц.

Требования к содержанию и объёму

В оригинальных авторских текстах должна быть обоснована актуальность темы, чётко определены цели и задачи исследования. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью. Максимальный объём:

- ключевой статьи, аналитического материала, эссе не должен превышать 40000 знаков;
- учебные и методические материалы, обзоры литературы — 20000 знаков;
- рецензии — 8000 знаков.

Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух или более номерах журнала. Готовая статья должна иметь название, быть чётко структурированной и содержать подза-

головки. Статья должна снабжаться аннотациями, раскрывающими её содержание (одна — краткая, для «Содержания», вторая — более развернутая, помещается перед статьёй).

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. основных понятий, используемых в статье.

Обязательно наличие фото в цифровом виде (требования к фотографии: портретное фото в формате TIFF или PSD с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- сфера профессиональных интересов (не обязательно);
- контактный телефон;
- e-mail.

Технические требования

Текст статьи должен быть набран в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (A4). На странице рукописи должно быть не более 28 строк, 60 знаков в каждой строке, отпечатанных через 1,5 интервала (это относится к таблицам и примечаниям). Авторы представляют в редакцию 1 экз. статьи и идентичный вариант на электронном носителе. Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows, шрифт Times NR, размер 14. Желательно не использовать колонтитулы, встроенные номера страниц, даты, шаблоны.

Заглавие статьи печатается строчными буквами. Фамилия, имя, отчество автора (ов), должность, учёная степень и учёное звание пишутся над заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов — в конце статьи).

В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок даётся ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовков, расположенные над таблицей. Все графы

в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором статьи на оборотной стороне последней страницы: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись, дата.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем Ваше внимание на необходимость использования буквы «ё»; правильное использование тире (—), дефиса (-). Требуется обязательная расшифровка: «г» — «год», «чел.» — «человек» и другие. «%» и «№» следует писать отдельно.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Рукопись в конце обязательно подписывается автором.

Проставляется дата.

Оформление списка литературы

Все публикации, которые цитируются или упоминаются в тексте, должны быть представлены в списке использованной литературы в конце статьи. В тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках «[1]», соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы.

Список литературы составляется по алфавиту и оформляется согласно ГОСТ 7.1. — 2003. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. Обязательно должны быть указаны: фамилия и инициалы авторов, полное название книги (сборника), город, издательство, год издания. Желательно также указывать номера цитируемых страниц и общее количество страниц в издании. При оформлении библиографических данных журнальных статей должны быть указаны: фамилия и инициалы автора, полное название статьи, название журнала, год издания, номер журнала, номера страниц. Ссылки на иностранную литературу следует давать на языке оригинала без сокращений.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

© Дальневосточная государственная научная библиотека

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «История и культура Приамурья» обязательна.

Подписано в печать 15 декабря 2011 г.
Отпечатано в типографии ИП Блинов А. А.
г. Хабаровск, ул. Пушкина, 6.
Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,5.
Заказ №хх. Тираж 1000 экз.

Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.